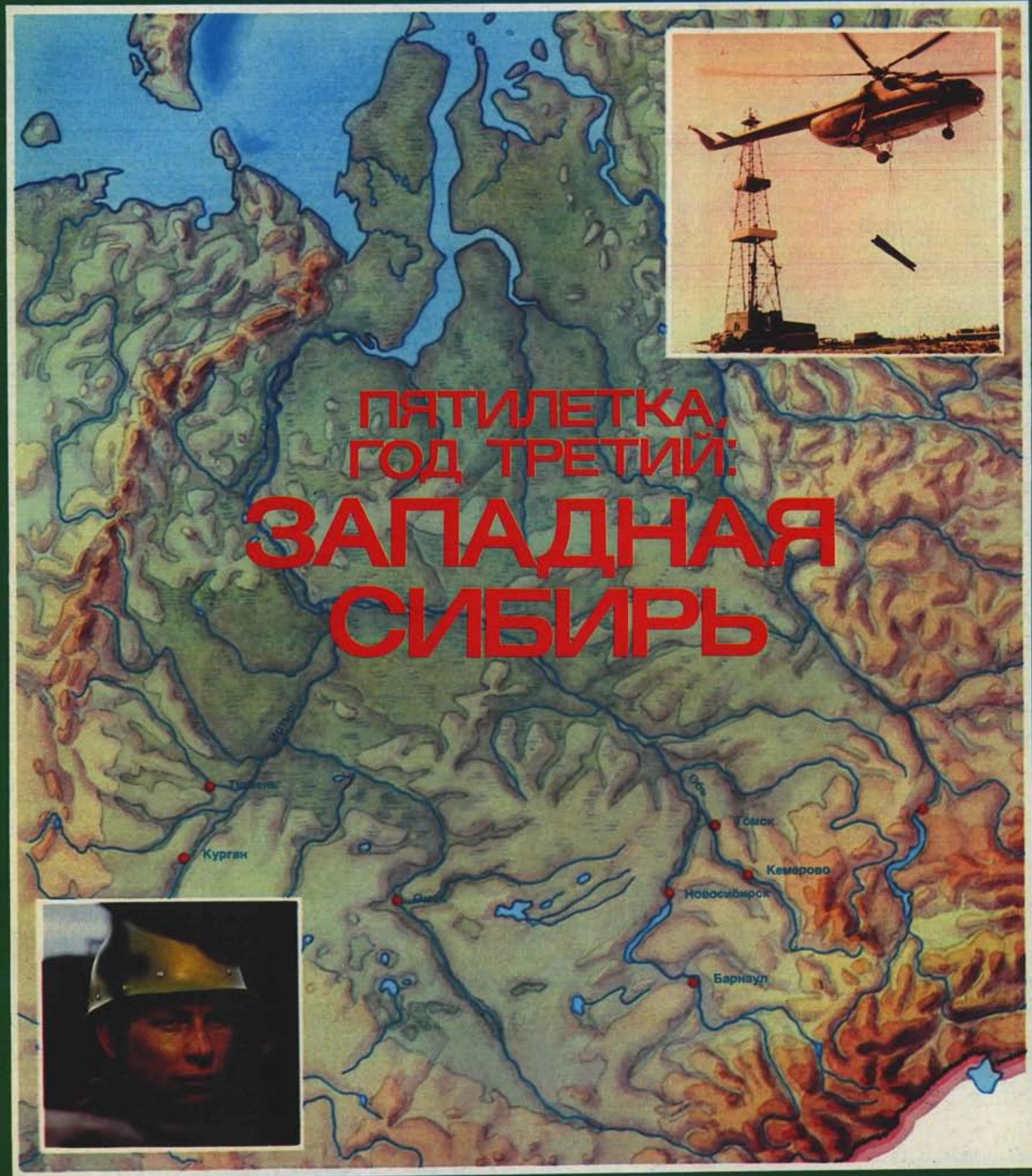

смена

№ 16 август 1978

ПЯТИЛЕТКА,
ГОД ТРЕТИЙ:
**ЗАПАДНАЯ
СИБИРЬ**

**С САМОГО НАЧАЛА «НАСТУПЛЕНИЯ» НА ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ
БЫЛ ВЫДВИНУТ ЛОЗУНГ: ВЗЯТЬ ЕЕ БОГАТСТВА
НЕ ЧИСЛОМ, А УМЕНИЕМ...**

Л. И. БРЕЖНЕВ
Из речи на XVII съезде ВЛКСМ.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА "СМЕНА"!

я еще не отношу себя к числу людей самого старшего поколения и все же хорошо помню ту пору, когда на тысячекилометровых обско-иртышских просторах были только редкие деревеньки, оторванные друг от друга расстояниями в целые сутки пути.

но помню я и поистине революционное предвидение Ивана Михайловича Губкина о нефтеносности западно-сибирской низменности, с которым он выступил в 1932 году на выездной Урало-Кузбасской сессии АН СССР. Оно тогда поразило не только меня, молодого комсомольского работника, но даже некоторым известным ученым выступление академика Губкина показалось фантастичным. Впрочем, в те годы даже фантасты не смогли бы разглядеть нынешних Нефтеюганска, Сургута, Нижневартовска и других молодых городов западной Сибири, которую Л.И.Брежnev назвал недавно "великой стройкой нашего времени". Так уж повелось, что все великие стройки - стройки комсомольские.

Сибирь для меня всегда ассоциировалась с молодостью. И вовсе не потому, что я родился и вырос в этих краях. Сибирь в действительности - молодость нашей страны, ее будущее. А будущее принадлежит молодежи.

Вам, мои молодые друзья и читатели, осваивать пространства и богатства Сибири, Вам - закладывать новые электростанции, заводы, города, Вам - строить будущее и жить в нем.

И у меня нет никаких сомнений в том, что Ваше будущее, так же как и будущее всей нашей страны - прекрасно!

Георгий Марков

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА,
ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ,
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

**60-ЛЕТИЮ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

Евгений ЛУЧКОВСКИЙ

НИТКА ОТ УРЕНГОЯ

П

оутру, в тиши своей квартиры, читатель, едва восстав от сна, ты бездумно повернешь краину газовой горелки, зевая, чиркнешь спичкой, и под твоими пальцами вспыхнет маленько голубое пламя. И, однако, ты вряд ли задумашся, откуда он—этот маленький огонь, согревающий твою еду. Есть он—и все тут.

А начинается он с промерзших бугульминских вагончиков и волоколамских «бочек» трассового поселка, с тяжелых рук, прикипевших к баранкам КрАЗов и «Ураганов», с штормовых ветров, прижимающих к земле вертолеты. Маленькое голубое пламя в горелке твоей кухонной плиты—это охрипшие голоса прорабов, это красные веки водителей плетевозов, это согнутые спины сварщиков в задувавших робах. Извини, но что уж тут говорить о твоей кухонной плите, читатель, когда речь идет о Большом газе—самом необходимом сырье для заводов и комбинатов, самом дешевом топливе для ТЭЦ и ГРЭС!

У дорожников и трассовиков есть такое понятие—«ноль». Ноль километров дороги... ноль километров магистрального трубопровода. Нулевой цикл—у строителей. Ноль часов, ноль минут, ноль секунд—у хронометристов... А чем, собственно говоря, измеряется человеческая жизнь? Может быть, километрами и годами, умноженными на поступки? Можно ли сказать—ноль километров судьбы? Ноль часов, ноль минут самой будничной вахты, о которой завтра заговорит вся страна?

Начинается с ноля и «нитка» от Уренгоя. Самая первая нитка. Так уж получилось, что суровые трассовики называют этим легкомысленным и нежным словом стальную магистраль трубопровода—трубу, в которую мы с тобой, читатель, можем въехать на мотоцикле.

Так и тянется эта нитка через всю страну. И называется она Уренгой—Надым—Луга—Западная госграница.

А что такое Уренгой—ты знаешь. Уренгой—это наша гордость. Теперь это не только олени, и лесцы, и прочие куропатки... Это—Месторождение. Самое богатое. Самое труднодоступное. Самое—самое. Сейчас на Уренгое работает отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ.

Месторождение... Место рождения... Иной раз мы вкладываем в эти понятия чисто географический смысл. Но ведь для кого-то эта «история с географией» может стать местом рождения характера, местом рождения души, местом рождения семьи, наконец, той самой маленькой ячейки, на которой зиждется государство, народ, будущее...

ХРОНИКА НОЧНЫХ СМЕН

(Записки монтажника)

Накануне погоды не было, по-северному, с порывистым размахом мело и, конечно же, ничего не летало. Однако утро выдалось легкое, солнечное, по-морозному тугое и пружинистое...

Пробегая мимо меня, зам. начальника СУ-41 Муханов стремительно оглядел мой новенький, с иголочки костюм нефтянику, скосил глаз на широкие валенки, скептически хмыкнул:

— Трассови-и-к... Ну-ну. Генератор прихвати.

Подошла вахтовка. Я зашвырнул в нее рюкзак: на дне его глухо звякнули нож и кружка. В кунге уже сидел народ—сборный, разный, но объединенный одной целью—лететь на Уренгой.

...Ехали недолго, минут пятнадцать. Дернулись, скрипнули, дверца распахнулась, за ней—Муханов.

— Вперед, орлы! Нечего молотить штанами.

Мы посыпались вниз.

Вертолет—по-нашему «вертушка»—лениво раскрывал винт, пыхтел, откашивался и нехотя поглядывал в небо незрячими стеклами.

Однако взлетели. Стрелка альтиметра над кабиной пилотов поползла вверх и замерла где-то за третьей сотней. Летели вдоль трассы. Я глянул вниз: и вправду—нитка—тонюсенькая, черная, прямая, через всю тундру. А рядом укатанной колеей поблескивает зимник, и катится по нему оранжевой детской игрушкой веселый пятнадцатитонный «магирус». Вроде и смотреть не на что. А шуму-то, шуму—тут тебе и колонны высокого темпа, и вертолеты—самолеты, и сводки, а на радиациях—и говорить нечего, трагедии Шекспира, эфир трещит... И все из-за этой нитки—первой от Уренгоя.

...Прилетели через час с небольшим. «Вертушка» торопилась дальше, за Полярную, в Ныду, и потому мы разгрузились в темпе: покидали на снег свое добро—матрасы, кирзачи, связки наволочек и простыней—и тут же залегли на всю эту кучу, чтобы ветром от винта не сдуло. Со мной случился конфуз: вместо своего рюкзака я прихватил чужой, чувствую, легкий. Глянул, бог ты мой, а там пеленки-расплошонки, чуть ли не соски. Пришлось вернуть с извинениями, но кто-то не удержался:

— Нехорошо детей грабить...

Жилгородок оказался не наш, а СМУ-1. Они здесь хозяева, они в порядке: большинство бочек их, теплотрасс их, радиостанция их, Люся из магазина и та—Васечка-Петечка—по именам знает. А в столовую входят с таким видом, словно деды их здесь, на Уренгое, родились. Наших же бочек и вагончиков—с гулькин нос, вот она почему, высокая

перенаселенность, выше, чем в Англии и Японии, вместе взятых. Тут уж ничего не поддаешь, хорошо еще, что тепло, что уже не в палатке... Подумаешь, одна койка на двоих! Так ведь, пока один спит, второй пашет...

— Старик,—сказал мне Муханов,—покидай эти «полотенца» в машину, поедем на трассу.

Ничего себе, покидай. Они не вафельные, не личные, не махровые. Они для трубы. Сколько-то там тонн выдерживает, когда надо опускать это дело в траншею. Тоже мне, рушнички...

На трассу, до нашего участка езды с полчаса. Дорога, конечно, похоже Военно-Грузинской, но, с другой стороны, кто может сказать, что видел стадо оленей на автостраде первой категории?

...Ну, что такое трасса? Много тундр, много снега, много трубы, много сварки. И все в ниточку. Впрочем, для меня эта трасса началась не слишком удачно, все больше разгрузи—погрузи, но надежды не теряй, полагая, что Муханов все же определит меня в бригаду, если, конечно, вспомнит, что я не докер, а дипломированный слесарь. Но он не вспомнил, а приказал загрузить пустые кислородные баллоны и ехать с ним обратно.

В жилгородок вернулись часам к четырем. Остановились у конторы, слезли. Вообще-то меня разбирало зл: баллоны, матрасы, ящики со сгущенкой и прочая фурнитура. Я-то думал, что по мне трасса плачет, ждет не дождется своего любимца. Но похоже, что завтра снова прилетит «вертушка», и снова бери больше—кидай дальше... Нет, нехороший человек—Муханов. А тут еще место ищи для культурного сна и отдыха, как последний бич.

— Старик,—сказал Муханов,—похоже, что тебе спать негде...

Я вежливо промолчал.

— Хочешь, выходи в ночную смену, в бригаду Прозорова... Если, конечно, не устал.

Я не устал, о чем немедленно сообщил Муханову.

— Ну, коли так, моя койка крайняя слева. Часика три сосновь...

И он испарился по своим начальственным делам. Через минуту я лежал на койке Муханова, а через две уже спал. Последняя моя мысль была такая: хороший человек Муханов.

В бригаду Прозорова я мечтал попасть сам.

ПРОЗОРОВ

СУ-41 он нашел не сразу. Да и не мудрено, в лабиринте вагончиков, бочек, строений баражного типа его специализированное управление мало чем отличалось от себе подобных—одноэтажка в одноэтажном городе.

К удивлению Прозорова, вопросами кадров занимался сам начальник управ-

ления Кондырев. Вернее, позже он понял, что одновременно с приемом на работу происходит формирование рабочих подразделений, комплектуются производственные звенья, осуществляется расстановка сил. Да это и понятно, не случайно в газетном объявлении о приеме на работу управление было названо вновь организованным в условиях Крайнего Севера.

В кабинете, кроме начальника, были еще двое. Как понял Прозоров, главный инженер и секретарь партбюро. Все трое—в полушибках: за окном ухало и свистело, начинался буран.

— Прозоров Владимир Иванович...—медленно произнес начальник, листая трудовую книжку.—1943 года рождения... Электросварщик, потолочник, шестой разряд... На трубе—с 62-го... То есть... четырнадцать лет. Так?

Прозоров кивнул.

— «Бухара—Урал»?

Последовал кивок.

— «Средняя Азия—Центр»?

— Да.—И Прозоров вдруг подумал, что в трудовой книжке эти названия нет. Есть только цифры—номера управлений, трестов... Неужели начальник... Но начальник развеял его сомнения сам.

— Мангышлак...—с какой-то разумчивой нежностью произнес он и улыбнулся широко и открыто.

...Нет-нет, на Мангышлаке они не встречались. Хотя оба прекрасно понимали, что пути их могли пересекаться десятки раз—мало ли что порой выкидывает капризная звезда трассовиков! Но уже одна эта сопричастность начальника к давнему общему делу (по виду они были ровесники) вызвала в душе Прозорова вспышку симпатии к этому, в общем, не слишком приветливому человеку.

И вспомнилось Володе Прозорову, как не так уж много лет тому назад пришел он в одно из строительных управлений города Грозного. В кадрах спросили документы, и он гордо выплюнул на стол старый, потертый отцовский бумажник огромных размеров, в недрах которого утонули всего лишь два документа—новенький, еще остро пахнущий типографской краской паспорт и комсомольская путевка. Его оформили учеником плотника. И он стал плотником. Но разве дерево может сравниться с металлом?! Особенно в глазах тех, кто бредил огнями сварки на трассе. И он снова стал учеником, но уже слесаря-монтажника. Тот, кто работал монтажником, знает особенности этой профессии: она складывается из многих других—ты и тяжелажник, и кузнец, и моторист, и грузчик... В общем, и швец и жнец... И немного сварщик. А тот, кто хоть однажды взял в руки держатель, сам заправил в него электрод и, опустив щиток на глаза, «высек дугу», тот, кто

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 16 (1230) АВГУСТ 1978

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**ПЯТИЛЕТКА,
ГОД ТРЕТИЙ:
ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.
СПЕЦИАЛЬНЫЙ
НОМЕР.**

- 1 РАБОЧАЯ ПОВЕСТЬ «СМЕНЫ».**
Евгений ЛУЧКОВСКИЙ. «НИТКА ОТ УРЕНГОЯ».
- 7 БИБЛИОТЕКА «СМЕНЫ» — НА УРЕНГОЕ.**
- 8 Рассказ Петра ДЕДОВА «ГИБЕЛЬ ДЕДА ВАСИЛЬКА».**
- 11 НОВОЕ ИМЯ.**
Стихи Петра СУХАНОВА.
- 12, 16, 20 «СКАЗАНИЕ О ЗЕМЛЕ СИБИРСКОЙ».**
- 14 ТЕРЕНТИЙ МАЛЬЦЕВ: «ОСТАВИТЬ ЛЮДЯМ
ЩЕДРУЮ ЗЕМЛЮ».**
- 18 ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМА.**
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ. «ЧТОБЫ ВЕЧЕР
НЕ КАЗАЛСЯ ДЛИННЫМ».
- 22 Юрий САВЕНКО, первый секретарь Новосибирского
обкома ВЛКСМ. «ТАЛАНТ МЫСЛИТЬ».**
- 24 Юрий ЛУШИН. «ХЛЕБ И ПОДВИГ».**
- 25 «МОЛОДЫЕ ГОЛОСА».**
Стихи членов литературного объединения из Томска.
- 26 «ГОРОД-МИЛЛИОНЕР».**
Диалог председателя исполнкома Омского горсовета Ивана Федоровича ЛИТВИНЧЕВА и первого секретаря Омского горкома ВЛКСМ Александра РЕВИНА.
Борис ФАИН. «ВАХТОВЫЙ ПОСЕЛОК».
- 30 Рассказ Виктора СУГЛУБОВА
«ВСЕ ОТ ТЕБЯ МОИ СТРАДАНИЯ».**
- Песня Александра КУХНО и Бориса МУРАШКИНА
«РЕКА МОЛЧАНИЯ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редакция: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин.

Технический редактор Л. И. Курлыкова

© Издательство «Правда». «Смена». 1978 г.

хоть однажды почувствовал под рукой тугую пульсацию яростного огня, тот, кто хоть раз в жизни увидел за черным стеклом эти сотни градусов, заключенные в маленькое, подвластное тебе пятнышко, а ноздрями ощутил запах горящего металла — тот пропал, тот в душе уже сварщик.

Так случилось с Володей Прозоровым. И он снова стал учеником. На этот раз — электрогазосварщика. Спустя три года он достиг высот этой профессии — 1 ноября 1966 года ему был присвоен 6-й разряд, а еще через полгода его имя было занесено в Книгу почета сварочно-монтажного треста...

— Скажите, Владимир Иванович, — откуда-то издалека донесся голос главного инженера Лошкова, — а почему вы так часто меняли место работы? Смотрите, тут у вас и Нефтепроводмонтаж, и специализированный трест № 7, и Воронежгазспецстрой... Чем объясните беготню?

— Характер, — улыбнулся Прозоров, — люблю путешествовать...

И, согнав улыбку, серьезно добавил:

— А вообще-то не так уж много для пятнадцати лет. Если учитывать специфику нашей кочевой жизни... Индейцы!

...И еще ему вспомнилась эта беззиненная, сухая, горячая пустыня. И экономия воды: не то что умываться, но и не всегда пить. И напряженная гонка, и борьба за каждый стык. А стоял он тогда на центровке трубы, и от его умения и опыта зависел темп бригады. И как песок набивался за голенища и не было времени остановиться, сесть на кочку и вытряхнуть его. И лишь звук от его монтировки, коротко бившей в трубу, пулеменным рикошетным посыпистом вспарывал вязкий воздух, потому что только этот звук за грохотом двигателей могут услышать машинисты трубоукладчиков.

А однажды он упал. Вот так центрвал-центровал, еще стык, еще стык... и упал под трубу без сознания. Трассовик в обмороке. Случай не то чтобы небывалый, но достаточно редкий... Ребята укрыли от солнца, отпили. Дали денег и заставили уехать. На неделю. В отпуск. К маме в Грозный. Он сопротивлялся, но его и слушать не стали — работы оставалось на два дня.

На попутных Володя добрался до Астрахани. В аэропорту купил в буфете целую курицу, но есть не смог, а выпил три бутылки воды. И потом еще пил на каждом углу.

А мать увидела сына и только руками всплеснула: до чего же худой и черный. Ну, ничего, отпила рыночной сметаной, выходит, а насчет поспать, так он и сам по четырнадцать часов как проваливался... Короче, через неделю упитанный здоровяк Володя Прозоров возвращался на трассу.

...Ознакомительным, но пристрастным вопросам подвел черту Бутырин. Спросил кратко, ответ услышал такой же.

— Коммунист?

— Так точно.

Позже, оформляя в отделе кадров документы, получая на складе спецовку, Владимир Иванович Прозоров, 34 лет от роду, сварщик высокой квалификации, личное клеймо «61», много думал. Да и было отчего...

Руководство в прятки играть не стало. Сказали прямо: управление новое, родилось с пылью, с жару, здесь, в Надыме, начинать приходится с ноля. До ноля был всего лишь участок электрохимической защиты. Народ прибывает в основе молодой, вероятно, хороший, но больше незнакомый. Это вам не СМУ-1 и не СМУ-5, которые существуют давно, и люди там, считай, друг другу — братья... Там и рекорды, там и победители: в одном — известная на весь Союз бригада Бориса Дидука, в другом — Виктора Благодатского... Так что, Владимир свет-Иваныч, ты хоть и сварщик, вари себе на здоровье, но ты еще и коммунист, а это значит — воспитатель, педагог, не Макаренко, конечно, не Сухомлинский, но все же... Так что вариТЬ

вари, а бригаде, о бригадирстве подумай. Нужна бригада. Крепкая. Боеспособная. Как говорится, линейная. Высокого темпа... Вот такие пироги!

И еще ему сказали. Все условия, начиная от производственных и бытовых и кончая метеорологическими, тяжелые. Заработки тоже тяжелые, но хорошие. Впрочем, по труду. Она хоть здесь и «малая земля», но работа большая, ответственная, видная всей стране.

Владимиру Ивановичу пожали руку, сказали: «Ни пуха, ни пера, товарищ Прозоров!» И вот стоит он, товарищ Прозоров, на вертолетной площадке СУ-41, а мороз тоже за 40. Укрывается товарищ Прозоров локтем от садящейся «вертушки», которая, как всегда, соорудила маленьку пургу. И полетит он на куда-нибудь, а в поселок Полярный, где поселят его в бочку с хорошими ребятами. Наденет завтра утром товарищ Прозоров свою рабу, по-научному — костюм сварщика, достанет из рюкзака щиток-маску, потому что какой же настоящий «сварной» расстается с этим предметом, даже если меняет почтовый адрес?! И еще: достанет из заветного кармана черное стекло, потому что белых, как всегда, навалом, а вот черных — извините... И приступит Владимир Иванович к трудовой деятельности путем совмещения «тыщевки» и электродами с помощью вольтовой дуги. А происходит это будет на газопровод-коллекторе месторождения Медведь, между УКПГ-8 и УКПГ-9. Впрочем, делать он это будет недолго, потому что в скромном времени Владимир Иванович Прозоров и его новой бригаде предстоит путь на Уренгой, к настоящей большой трубе.

Но об этом он пока ничего не знает.

ХРОНИКА НОЧНЫХ СМЕН

(Записки монтажника)

...В бригаду Прозорова я мечтал попасть сам. Так оно и вышло.

Василий Иванович Ластовец, прораб двухметрового роста, чемпион Тюмени по боксу в тяжелом весе, голубоглазый, блондинистый, открытый всем ветрам, по-спортивному прямолинейный, разбудил меня без особых усилий.

— Ужин ты проспал, — сказал он. — Вот тебе банка сущенки. Считай, за вредность...

Я в темпе умылся: за стеной чирикал незамерзающий ручей — отвод трубы от теплотрассы, — и ринулся обратно в вагончик, так что мороз не успел прихватить основу будущей бороды.

У вахтовки уже толпился народ. Кто-то сказал «поехали», и мы попрыгали в темное чрево кунга. То там, то тут заскрипали спички, и совсем по-домашнему засветились во тьме оранжевые светильники.

Ехали за разговором недолго. В открытую дверь кунга заглядывали острые звезды, по обе стороны дороги, качаясь, утекала тундра, смутно белел призрачно-мертвый покров нетронутого наста. Дверь мы открыли для утечки дыма от кубинских сигарет, но зато обратно тянуло едким выхлопным газом, и это обстоятельство навело на мысль, что неплохо бы шоферу свернуть шею...

— На ловца и зверь бежит, — сказал, улыбаясь, Прозоров, как только я перешли порог бытовки.

И я, верьте не верьте, ей-богу, каким-то внутренним чутьем сразу понял, что это тот человек, с которым можно жить и работать. Он протянул мне руку, говорит, меня зовут Владимир, пойдем, говорит, выйдем, поговорим. И надо же, не при бригаде, а так, отдельно, душевно объясняет, дескать, знаю, монтажник, опыт есть, но на трубе не работал, поэтому не торопись, ходи за мной, присматривайся. А как войдешь в курс дела, тогда и поработаем. Монтажная работа здесь несложная, больше суетливая, колготная, иной раз тяжелая

физически. Но, парень, ты, я вижу крепкий и «марьянну», то бишь кувалду, удержишь. Вот тебе и вся инструкция. А пока—за мной!

И я пошел за ним, как какой-нибудь салага или бич на исправлении, но не оскорблена и унижена, а полный чувства собственного достоинства до ушей.

Посреди ночи в бытовку ввалился широкоплечий, круглощечный, улыбчивый сварщик из дневной смены—Леша Глебов. Ввалился и весело сообщил:

— Я к вам, ребята. Здорово!

А сам при всей амуниции и со щитком.

— Так ты же днем отработал?—удивился Прозоров.

— Ну и что? А может, я рвач...

И все расхочатались. Но позже выяснилось, что Муханов забрал из нашей бригады «старичка»—сварного, а к нам прислал Лешу, который хоть на Севере и год, но половину этого времени провел в школе сварщиков. Прозоров долго в задумчивости накручивал на палец бороду, а потом прояснил: омоложение личного состава.

— У тебя полярок много?—спросил он Глебова.

— Откуда?!—изумился тот.

— Ну, тогда молодец!—неожиданно заключил бригадир.

И мы пошли пахать.

...Часам к двум ночи все стало просто и понятно. Во-первых, почему бригада называется колонной? Сварочно-монтажной колонной? Да потому, что она и есть колонна. Мы выстраиваемся звенями вдоль трубы: впереди сам Прозоров, два монтажника—Давыдов и я, и дизелист Валерий Раков на энергоблоке типа «УС» (между прочим, хороший парень из Горького). И вот, представьте себе, кто-нибудь из нас стропит плеть двухтрубку, в трубокладчик подтаскивает ее как пушинку к нам. Очистка, зачистка и прочая подготовка и... вот тут-то начинается самое такое—центровка. Можно центровать две минуты, а можно и два часа. Все зависит от того, кто центрует, и от некоторых других причин. Но вот труба отцентрована. Теперь на нее, на место центровки, накидывается круговая горелка (по технологии трубы перед сваркой греют), от булита подается по шлангам пропан—цивр!—держателем под горелкой, и вот уже в ночи бушует голубое пламя, отблески бегают по нашим довальным лицам, и всем издали видно: еще один стык... Вот уж закручен вентиль булита, перекрыт газ, и, шипя, уходит огонь, седясь и негодяя. И тогда, как из-под земли (а на самом деле из бытовки), появляются трое «наших сварных»—всего их в бригаде одиннадцать. Двое—Леша Глебов и Сережа Иваненко—тут же культурно ложатся под трубу в потолочную позицию, и береги глаза, приятель!—пошел корневой шов. А потом третий, сердешный, притворно кряхтя, стяная и охая, довольно быстро лезет в чрево трубы, ползет по ней до упора, то бишь до места центровки, и вот уже и его звездочка загорается внутри—это подварочный шов.

Такой цикл повторяется столько раз, сколько мы успеем настыковать. Но это не все: суть колонны как раз в том, что за нами шлают еще два энергоблока—мы их называем «аэпки»,—и на каждом по четыре сварочных поста. Вот и полыхают в ночи еще восемь звезд—на швах заполнения да на облицовке. Но конечный пункт—к утру: сколько? Сколько стыков, ребята? Поэтому что в этом—и смысл и жизнь.

...В бытовке, на печке, где сушатся электроды, в железных столовских мисках жарилась колбаса, кипел «трассовый» чай, и кто-то даже придумал греки, окрестив их рогульками. На верстаке лежало розовое, обильно нарезанное сало, и у меня слегка подкосились ноги. Я скромно достал свою банку сущенки—презент Ластовца,—отсел подальше от этого натюрморта, и уж было начал ковырять ее, как меня довольно невежливо остановили. Смот-

ри—Глебов, улыбнулся своей чуть застенчивой улыбкой, а глаза—ой!—внимательные. Отобрал у меня нож, повернул в пальцах, вернулся.

— Ты это парень, брось,—говорит.—Здесь — трасса. Сам не возмешь—никто не подскажет, подумают, что не голоден. А сгущенку поставь на шкаф, во-он, видишь, сколько там банок?

И мы приступили к ужину в полном расположении друг к другу.

ГЛЕБОВ

30 апреля 1953 года в семье механика МТС Степана Михайловича Глебова и его жены Елизаветы Спиридоновны рож-

дился седьмой ребенок—мальчик, которого нарекли Алексеем. Это незначительное в масштабах планеты событие произошло в деревне Утишки Зеленодольского района в Татарии.

До завершения средней школы в жизни Алеши особых событий не происходило. Каждый, кому случалось сочинять свою автобиографию после десятилетки, вероятно, испытывал некоторые затруднения в связи с довольно большим форматом обычного бумажного листа и незначительностью самой биографии: родился, поступил, учился, закончил... Но когда Алеши Глебову пришлось составлять этот документ, необходимый для вступления в ряды членов ВЛКСМ, он уже спокойно мог дополнить его такими достойными сведениями, как

работа грузчиком-экспедитором на маслозаводе, а позже—скотником на молочнотоварной ферме своего родного колхоза имени «50 лет Октября».

Итак, настал день, когда секретарь Зеленодольского райкома комсомола, вручая билет Алеши Глебову, не только с чувством пожал ему руку, но и попросил запомнить на всю жизнь: этот день еще и красив тем, что сейчас идет XXIV съезд партии.

На этом знаменательные совпадения не закончились. Утром того же дня Алексей Глебов проходил медицинскую комиссию призывающих. Военком, подполковник Шевчук, высокий, сухощавый кадровик, с видимым удовольствием оглядел ладную фигуру призывающего.

— Смотрю я твое личное дело, Гле-

бов, все путем. Здоров. Куда хочешь пойти? В какие войска?

— Куда пошлете.

— На флот пойдешь?

— Пойду.

— Ну и ладушки. Кру-гом! Желаю удачи...

Там, на флоте, и прошел «холодную и горячую» обработку этот обычный российский характер. Через положенный срок, согласно приказу о демобилизации, старшина запаса Алексей Глебов сложил свои нехитрые пожитки, расправился сердечно с друзьями и отбыл сухопутным транспортом в деревню Утяшки.

Односельчане повели себя просто. Вызвали Лешу в сельсовет и сказали: быть тебе, флотский, директором Дома культуры. Он директорствовал, а заодно исполнял обязанности художественного руководителя. И поскольку не было художника, то и его пришло заменить.

Но тесными оказались Утяшки для старшины, тесными. Захотелось настоящей жизни бывшему моряку. С ветром. С солью. И, что греха таить, с риском, с трудностями, с ощущением опасности и борьбы.

Так он и попал на Север. Написал, получил вызов и уже 6 сентября оформился слесарем в ремонтно-механические мастерские, благо профессией турбиниста владел. Но поработать не пришлось: и тут отправили на учебу — управление не хватало сварщиков высокой квалификации. Впрочем, желающих стать сварщиками было больше, чем надо, но начальство пристрастно выбрало самых достойных. Спецрейсом их отправили до Тюмени, а оттуда уже — в Башкирию.

Уфа — город большой. И Иду Хузиахметову, свою будущую жену, Алексею встретил не за прилавком универмага «Уфа», где девушка работала продавщицей, а на обычной субботней вечеринке, куда его пригласил товарищ по общежитию. Ида жила у родственников, близких родных у нее не было, и она как-то сразу понравилась Алексею своей открыто-дружеской манерой общения, ласковой прямотой. Шесть месяцев — небольшой срок для учебы, а для женитьбы и подавно. А пока твоя семья не обременена ни детьми, ни чемоданами, ей самое место на Севере.

Короче, сложили молодые люди одно место своей поклажи, поверх всего — новенький диплом об окончании школы сварщиков. И не просто диплом, а с благодарностью. И отправились в город Надым — форпост северных трассовиков и газодобытчиков.

С жильем, как и следовало предполагать, сразу не получилось. Не было семейного жилья в управлении. Только строить начали. Начальник управления Кондырев и слушать не захотел.

— Я тебя зачем в Уфу послал? Учиться! А ты что? Женился.

Дмитрий Петрович, конечно, пошутил, но практически в тот момент ничем помочь не мог. Помог теоретически: жилье было обещано в строящемся жилогороде и обещано в « первую очередь ». Что касается работы, то она нашлась сразу. Для обоих.

Волею судьбы случилось так, что первый стык на газопроводе — коллекторе УКПГ-8 — УКПГ-9 довелось варить — это то впервые после школы! — Алексею Глебову. И не просто первый стык, а корневой шов этого стыка, что уже само по себе достаточно ответственно — все-таки самый первый сварочный проход. А получилось это просто. Вышла бригада в чисто поле, стала к трубе, и пока рядились по поводу расстановки, взял Леша Глебов держатель и пошел варить. В пару стал Семен Семенович Коробов — опытный сварщик и добродушный наставник. « Потолок » — потолочную часть сварки он взял на себя, а Леша погнал корневой сверху. И как только закончил, никого не спрашивая, залез в

трубу и принялся за этот неудобный подварочный шов изнутри. И все, между прочим, вышло в лучшем виде.

— А чего ждать? На морозе много не высидишь... — позже сказал он.

Но за лукавой простотой этой случайно брошенной фразы была основная и основательная черта характера Алексея Глебова — желание работать.

У Алеши Глебова — шестой разряд. Это высшая градация в рабочем табеле о рангах. Что ж, по работе — честь и звания. Я зашел к нему в бочку попрощаться и, не удержавшись, ненароком спросил:

— Ну, а самое впечатляющее от пребывания здесь, на Уренгое? А, Леша? По-честному...

— Самое впечатляющее? Это когда возвращаешься с трассы, в Надым, к жене...

И поделом мне. Что еще мог сказать залетному журналисту серьезный человек Алексей Глебов, сварщик-потолочник шестого разряда, личное клеймо — « 15 » ?!

ХРОНИКА НОЧНЫХ СМЕН

(Записки монтажника)

...Через два стыка обнаружилось, что труба все ближе и ближе к траншеи. Глядишь, скоро с той стороны ни мне подойти для центровки (я уже помогаю Прозорову), ни Лешке Глебову, чтобы гнать щов.

Прозоров посмотрел на это дело, подергал, как всегда, себя за бороду и сказал:

— Сейчас мы ее голубушку, оттаскивать будем. Но это дело опасное.

— Почему? — спросил я спокойно-небрежно, пнув трубу валиком.

— Увидишь. А пока, парень, пролети вдоль колонны, скажи ребятам, чтобы кончили варить и тикили от трубы куда глаза глядят. Но без паники.

Никто, конечно, « тикать » не стал, а все пошли в бытовку травить анекдоты и разнообразные трассовые истории.

Процесс оттаскивания трубы от траншеи оказался простым по технике исполнения, но очень напряженным ввиду неопределенности поведения самой трубы.

Вынесил наш « трубач » Олег Золотухин на своем трубоукладчике « 35-60 » эту громадину, а сам с Прозоровым глаз не спускает. Тот помедлил секунду-другую и показал: влево. Стоп! Еще чуть левее... стоп! Майна! Олег опустил. Гора снега под трубой превратилась в лепешку, и мне показалось, что она так и останется лежать — эта машина. Но с каким-то дурным, тяжелым скрипом труба вернулась на прежнее место — к траншее.

Трижды Прозоров испытывал судьбу и фортуну. И на четвертый труба легла как влитая. Бригадир сам полез снимать строп, а меня послал к ребятам кричать обой, что я и проделал. Сварщики молча кивнули, загасили окурки и пошли как ни в чем не бывало к трубе, снова варить свои швы.

...Зафиксировали очередной стык, налинули горелку, подожгли — и опять заплытало синее, но уже с оранжевым: значит, в булите не газ, а конденсат. Олег Золотухин не выдержал, вылез из своей кабины, прибежал к нам — все-таки какой-никакой, а огонь. Как он там, бедняга, выдерживает, ведь кабина — одно название, по сути — ограждение из четырех трубок, открыт наш машинист всем ветрам и минусам. А трубоукладчик-то рассчитан на северные морозы, вот только не учили конструкторы, что наши ребята не белые медведи и не лесцы...

...А бригадир наш Прозоров о чем-то задумался. Облокотился на ступеньку энергоблока, пламя на каштановой бороде играет, а глаза, ну такие мечтательные, будто берег Крыма под локтем.

— Знаешь, — сказал он, поймав мой

взгляд, — вот сколько ни работаю на трубе, сколько огней ни навидался, сколько сварки ни нахватался, а все равно нет лучше живого огня. Ведь нет, а? Как считаешь?

— Определенно, — говорю. — Это в нас древнее, первородное...

— Ага, — добавил Олег, — от Дарвина еще идет.

...Утром после смены — красноглазые, но довольные — ввалились в столовую и сели за стол вчетвером: бригадир, Олег, Лешка Глебов и я. Взяли всего по два: на морозе расход энергии большой. И только принялись за компот, как пришел непривычно хмурый прораб Ластовец. Оглядел он нас со своей колокольни и говорит Олегу:

— Золотухин, надо выйти еще в одну смену. Заменить тебя некем. Как?

Олег поднял кружку с компотом, чокнулся со мной — « ваше здоровье », медленно осушил, поднялся, снял с гвоздя шапку.

— Эх, такая компания, и опять работает!

...К вечеру, отоспавшись, я снова его встретил в столовой. Сидит черный, борода и та пожухла, ковыряет нехотя в плове. Увидел меня, ожидался.

— О, какие люди! Сядись...

— Как здоровьице? Как смена?

— Замерз к чертовой матери! А тут « Ураган » пришел с двухтрубками, разгружать стали. Ты же знаешь, у них в кабине — жарища. Я водителю кричу: « Ты не замерз? Иди погреться... » А он сидит за стеклом, улыбается, только фиксы сверкают...

Я подумал: безотказные здесь ребята — на Уренгое. Вот, к примеру, Олег Золотухин, устал ведь не меньше нас, а намерзся и того больше. Но во вторую смену вышел, слова не сказал Ластовцу... Вот это парень!

ЗОЛОТУХИН

Рабочая биография Олега Золотухина не типична, но весьма и весьма богата капризами фортуны. В шестнадцать лет он уже был учеником токаря на заводе в Боровичах. Но уже в семнадцать ему мимоходом улыбнулся абхазский аналог Мельпомены, и он был « зачислен в ансамбль оперетты в качестве артиста », что и подтверждено соответствующей записью в трудовой книжке и гербовой печатью Сухумской филармонии. Однако его артистической карьере не суждено было достичь поры расцвета — восходящую звезду освободили от занимаемой должности « в связи с расформированием коллектива ». Далее — строитель, монтажник, машинист башенного крана, секретарь комсомольской организации ГПТУ, мастер производственного обучения, заместитель директора другого ГПТУ по учебно-воспитательной работе — вот почти полный перечень освоенных профессий в двадцатишестилетней жизни Олега Золотухина.

Последнее место жительства перед Севером — Новгород. Место работы — трест инженерно-строительных изысканий. Должность — буровой мастер. Но на этот раз все поломала давняя тяга на Север, на передний край, в настоящее дело. И снова — призрак из ИТР в рабочие. Только теперь уже в новом качестве — в качестве трассовика. Освоить профессию машиниста трубоукладчика « Т35-60 », имея опыт работы на башенном кране, оказалось делом не слишком хитрым. А когда руки хорошие — и поздно. Но вот обустроиться на новом месте, найти жилье, наладить быт — на тюменском Севере куда сложнее. Тем более что в Новгороде ждали вызова жена и трехлетняя дочурка. Не селить же их в общежитие!

И пошел Олег к своему начальнику управления — Кондыреву, Д. П. (так зовут его ребята — Дмитрий Петрович) только руками развел, дескать, знаю, понимаю, нужен ты нам, уважаю за честный труд, но... семейного жилья

пока нет. Отстает быт от трубы, чего уж там, видно, труба важнее...

Помог случай. Был в лесопарке балок. Вроде бы на опушке, но и вблизи от одной из главных улиц. Какие изыскатели его оставили, теперь уж никто и не помнит. А поселились в нем бичи — люди временно не работающие, но постоянно пьющие. Таких на Севере немногого, но ведь теперь не только социологи, но и простые смертные знают, что у прогресса и цивилизации есть своя теневая сторона.

Короче, жили бичи, жили, не тужили. Пока не сгорели. Случился у них пожар. Пожар потушили, виновники частично рассеялись, частично были пойманы и наказаны. А полуобгоревший балок остался...

Бесхозная сущность этого строения реанимировалась в душе Олега полузараженный зодческий инстинкт. Добыл он досок, рубероид, еще кой-какого материала и отбил в Новгород телеграмму: выезжайте.

Работа спорилась. И через несколько дней удивленным взором жителей соседних надымских пятиэтажек явилось некое сооружение, поражавшее архитектурным изыском в виде лиственницы, которая произрастала прямо из крыши основательного тамбура. Дерево Олег пощадил, что сыграло впоследствии немаловажную роль.

Дальнейший ход событий семейной жизни Олега ничего хорошего не предвещал. Гражданскими властями этого маленького северного городка был разработан план сноса самостийных авантюрных « усадеб » и « хуторов ». А возможный в скором времени приезд отраслевого министра реализацию этого плана на самым серьезным образом активизировал.

И однажды вечером, после работы, новый дом Олега Золотухина посетила судьба в образе инструктора местного Совета. Судьба протерла очки, запотевшие от мороза, и стыдливо покусилась на неучтененный семейный очаг. Хранитель очага оказал решительное сопротивление в устной форме. Однако на следующее утро пришли два милиционера. Облеченные властью и сознанием правоты своего дела, они вошли в дом довольно бесцеремонно, но уже на пороге их остановил строгий голос хозяина:

— Ноги вытирайте.

Они вытерли. И не потому, что сработал рефлекс, а просто... в доме было очень чисто, очень уютно, очень, что ли, по-домашнему, а на Севере этому знают цену, как нигде. Ребята, конечно, ожидали увидеть « бичарню », грязь, пустые бутылки, но были несколько смущены ослепительной белизной занавесок и сиянием начищенной до блеска посуды на кокетливой самодельной полке, являвшей образец прикладного искусства.

В общем, осталось жилье за Олегом. Временно. Позже он получил « бочку », в которой и сейчас проживает его семья, ожидая возвращения хозяина с трассы.

ХРОНИКА НОЧНЫХ СМЕН

(Записки монтажника)

...Этой ночью к нам повалило начальство, как никогда: оно и понятно — последние стыки перед продувкой и сдачей трубопровода в эксплуатацию. Ну, то, что Муханов раза два, а то и три появлялся за ночь — это обычное дело. Потом, в начале второго, появился Лощиков, но задерживаться не стал, а двинул дальше по трассе, на крановые узлы. Еще минут через сорок примчался Коля. Ну, « Коля » — это так, вообще-то Николай Сергеевич, главный сварщик управления. Но, с другой стороны, ровесник Лешки Глебова, такой же комсомолец, как мы, а вот поди ж ты, высокое начальство, специалист.

...А часам к трем пополуночи появил-

ся сам начальник управления Кондырев. Мы как раз только-только седьмой стык зацентровали, Леша Глебов погнал корневой шов, а я еще не успел отойти. Смотрю, рядом фигура — в полушибке, в унтах, ушанка не опущена. Достает из кармана черное стеклышко, пристраивает за Лешкиным плечом и ведет сосредоточенное наблюдение. Я, конечно, тоже достаю такое же стекло (мне Олег Золотухин подарили, правда, с отбитым уголком) и тоже с умным видом наблюдаю. Наконец Кондырев поворачивается ко мне и говорит:

— Не слишком-то быстро, но уверенно, капитально...

— Да, — со знанием киваю я. — Но, с другой стороны, куда спешить? Пятилетка-то качества...

Посмотрел на меня Д. П. с любопытством, но как-то странно. Я-то не знал, что Лешка — его «крестник»: Кондырев его и с «большой земли» высыпал и в Уфу в школу сварщиков послал...

— Куда спешить? — говорит. — А это я сейчас объясню.

И к Прозорову:

— Владимир Иванович, соберите людей на пять минут.

...В общем, беседовали мы не пять минут, а десять. Хотя время нынче в цене. Но за эти десять минут я просто почувствовал свою личную ответственность. Посмотрел на Лешку Глебова — вижу, и он чувствует. Как будто, если мы с ним чего-то сейчас не сделаем, то потом нехорошо будет, неудобно, знаете ли... А Д. П. говорит: ребята, обещал наш трест «Север трубопроводстрой» эту нитку пустить к дню рождения Ильи и кто-то такой же, как мы с вами, на восемнадцатом съезде комсомола в Москве, перед всей молодежью рапортовать будет. Вот и думайте. А думать времени нету. И еще, участок у вас небольшой, но ответственный — труба толстостенная... Да и народу вас — не дивизия, не полк, а взвода не наберется. Так что всего в обрез — и людей и времени.

Тут Кондырева спросили кое о чем по поводу самого месторождения. Взял он электрод и прямо на снегу начертил и наш газопровод, и тот, что пойдет вниз, на юг, на Челябинск. У меня до сих пор эта картинка в глазах, до того понятно. И еще Д. П. про Уренгой сказал так душевно и значительно, что я просто почувствовал под ногами эти триллионы кубометров газа, даже страшно стало, ведь стоим на них, не слишком ли близко они подступают к насту? В общем, поговорили и разошлись. И десять минут наверстали. И, как вы знаете, даже больше.

...Стыковка шла — тьфу, тьфу! — как по маслу. И Володя Прозоров твердил себе в бороду, как заклинание, одно и то же: только бы эллипс не попался, только бы не попался, ребята, смотрите внимательнее, и я смотреть буду. «Эллипс» — это плохо, это — деформированная труба, бывает такое — ударят при транспортировке. Но во время центровки двух труб — нормальной и эллипсной — они не совмещаются, край залезает за край, и это мы называем «губой». «Натянуть» такую губу очень трудно: труба толстостенная, 25 миллиметров, рассчитана на мощное пластовое давление газа.

И все-таки незадолго до рассвета мы просмотрели этот проклятый эллипс. На стыке оказалась — губа. И довольно большая. Я вспомнил, что когда в первый день я с Мухановым ездил на трассу, такая история случилась в дневной смене. Трижды тем ребятам попадалась плеть с деформированным отверстием. И трижды их бригадир делал знак «трубачу», и очередную двухтрубку оттаскивали в сторону. Скорость там на центровке терять не хотели. Я сказал об этом Прозорову, но он покачал головой.

— Нет, парень, эта труба золотая, за нее валютойплачено. Как же мы ее

выкидывать будем?! Попробуем центровать...

И мы стали пробовать. И грели мы ее и крутили вороток центратора что было мочи. В конце концов добили мы этот стык. И губу натянули. И заварили. А когда пришли в себя от изумления, увидели, что подъехал «узик» и из него выходит управляемый трестом, а с ним — какой-то небритый тип с фотоаппаратом. Прозоров только присвистнул.

— Ну, если сам Черников среди ночи пожаловал, значит, и вправду дело наше серьезное...

ЧЕРНИКОВ

Алексей Иванович Черников, управляющий трестом, смуглый, темноволосый

человек высокого роста, в полушибке, в унтах, по виду — обычный трассовик, совершил будничную поездку по трассе в самый разгар сезона.

Сезон... У нас это слово по вполне понятным причинам ассоциируется с прилагательным «бархатный». Однако есть еще и другой сезон — с трескучими морозами и штормовыми ветрами, где один метр в секунду приравнивается к одному градусу — вниз. Сезон, обладающий счастливым свойством наглухо сковывать реки и небольшие болота, по площади равные Бельгии. Это хороший сезон, нужный сезон, ибо благодаря ему становится возможным путь на Уренгой и людям, и тяжеленной технике, и оборудованию.

К сожалению, как и всякий сезон, он

преходящий. И деньги, затраченные на строительство зимника или лежневки, а это десятки тысяч рублей на один километр дороги, деньги вместе с дорогой безвозвратно уходят в болото, лишь только весна-красавица ступит своей лилейной ножкой на пробившийся из-под снега ягель. И так — ежегодно.

...Я с печалью думал об этом, качаясь за спиной Алексея Ивановича на заднем сиденье «узика». Вот и мы, думал я, едем по зимнику, о котором Черников с понятной гордостью говорит «наш». Едем мы едем, и, хотя шофер Алексей Егорыч не может нахвалиться на зимник, ах, какой он прекрасный, не пройдет и полгода, и этот распектрующий зимник — ту-ту. А на его месте — буль-буль. И тогда я занялся

арифметикой, к которой всегда питал неприязнь.

— Алексей Иванович,—спросил я,—от ноля до Надыма весь газопровод вах?

— Весь до нитки,—пошутил Черников.—Точнее, со всей ниткой. С самой первой.

— А зимник идет вдоль всей трубы? Везде?—Вопрос был глупый, но кто же не задаст глупый вопрос, чтобы не ошибиться, на всякий случай...

— Конечно,—кинулся управляющий, любезно не замечая явный инфарктлизм собеседника.—Иначе кто бы доставил сюда трубу, пригрузы, кто бы выкопал траншею...

И тогда я умножил 213 километров на 10 тысяч рублей. И получилось у меня (считайте сами!) больше чем два миллиона. Я, наверно, шевелил губами и закатывал глаза, потому что Черников улыбнулся и спросил:

— Подсчитали? Если не секрет, что? Я сказал ему.

— У нас здесь любят считать,—кинулся он.—Да и не мудрено—есть что считать. С большими нолями.

И он стал называть цифры, по памяти, с основательностью рачительного хозяина, не торопясь, ощущая всю их могущественную значительность.

Я готов повторить и повторю эти цифры, рискуя навлечь на себя гнев и обвинение в занудливости. Однако вы, читающие эти строки, прежде чем бросить в меня камень, вспомните о том, что за этими цифрами—ежедневный подвиг людей, дарующих нам блага на «малой земле».

Итак, что там грубо подсчитанные мной два миллиона?! Вот подлинные цифры. За пять лет своего существования трест «Северотрубопроводстрой» выполнил объем строительно-монтажных работ на сумму 593 миллиона 904 тысячи рублей. За это время подразделениями треста введено в эксплуатацию 1244 километра трубопроводов, 404 километра радиорелейных линий, около 6 тысяч квадратных метров жилья...

Редкий перелесок кончился, и впереди открылось пространство, упирающееся в красное, замутненное, по-зимнему маленькое и болезненное солнечное око. Оно, это пространство, время от времени вздымало химерические белые смерчи, раскручивающиеся там и тут и угасающие непонятно отчего. Безрадостное и призрачное, лишенное малейшей надежды на присутствие человеческого жилья, оно порождало ощущение бесприютности и тоскливой затерянности в этом холодном мире.

И мы замолчали и какое-то время ехали молча, потому что, как мне показалось, сколько ни езди здесь, все равно не привыкнешь.

Вскоре вдоль трассы пошла труба. Точнее, не труба, а уложенные в длинный, до горизонта ряд еще не сваренные плети. Рядом бежала ровная глубокая траншея, своей прямизной подчеркивая этот изломанный ряд.

— Останови, Егорыч,—приказал Черников.

Неподалеку работал роторный экскаватор, и, когда мы приблизились к нему, на землю спрыгнул невысокий, но очень коренастый человек с широким, краснолицым, сияющим обличком. Именно обличком, потому что обаяние исходившее от него, было не только внешним, но и внутренним, нравственным.

— Здорово, Иван,—сказал Черников.—Как жизнь молодая?

— Здрасьте, Алексей Иваныч. Нормальный ход. Порядок.

Они стояли и беседовали, как два давних приятеля, о том о сем, но только не о трассе, не о работе. Напраследок Черников спросил:

— Горячее привозят?

— Раньше привозили, а сейчас что-то перестали.

— Ну, хоть пирожки, кофе...—Он сказал через «э»—кофэ.

— Не-е... Свой тормозок имеем.

Попрощавшись, Черников пошел к машине. Он как будто никак не отреагировал на сказанное машинистом, не сделал пометки в блокноте. Однако у управляющего было особое свойство—не забывать мелочей, деталей вроде бы незначительных, случайных разговоров. Вечером того же дня, оказавшись уже на другом конце трассы, я стал свидетелем весьма и весьма неприятного разговора по радио с работниками ОРСа.

— Ты почему думаешь, я с ним про траншею ни слова?—сказал Алексей Иванович, доверительно переходя на «ты».—Специалист! Дело свое знает и работает умеет. Со спокойной душой доверить можно, такой не подведет.

Заметно стутились сумерки, призрачно-фиолетовый свет растекся по серому насту, объединяя в один тусклый монолит небо и землю.

— А вообще-то со специалистами у нас плохо. Поверишь, нет, приходится друзей-товарищей сманивать. Не так-то легко покидать насиженные места. Да еще ради чего? Ради неожиданного Севера? Не каждый решается, нет, не каждый... А строить надо. Представляешь, за три года до конца пятилетки 1600 километров трубопровода поднять надо. Шутка ли?

Так мы и ехали с «инспекторской поверхкой» по трассе. Я понял, что Алексей Иванович представляет собой тот тип руководителя, которого «кабинетный» не назовешь. Конечно, от суточных сводок и от селекторных совещаний не уйдешь, но всходу, куда бы нас ни приводила дорога, будь то трассовый жилгородок или сварочно-монтажная колонна, чувствовалось, что управляющий трестом—фигура привлекательная, влекущая к себе людей.

Мне понравилась его манера общения с людьми—негромкая и доверительная. С мгновенной реакцией на возникающую проблему. Я видел Черникова в гневе, и это особая статья, потому что гнев, как правило, находит свое реальное выражение в наказании, а у Черникова—в обиде, дескать, что ж ты подвел меня и своих товарищ, тем самым обидел нас, огорчил. А ведь не секрет, не случайно говорят, что от огорчения умирают.

Мне понравился Черников как личность, с присущими этой личности чертами характера. И, конечно, я понимал, что многими из этих черт он наделен от рождения, но по-настоящему эти черты раскрылись здесь, на Севере. И тогда истинное «месторождение» характера—Север.

...Алексей Иванович Черников, кавалер ордена Трудового Красного Знания, сутула высокую фигуру, сидел впереди меня, с трудом умещаясь на сиденье. Мы неумолимо приближались к Полярному кругу.

— Где-то здесь,—сказал Алексей Иванович.—Надо бы столбик вбить...

Но ни остановиться, ни тем более столбик вбить нам не пришлося. Зимник вдруг превратился в бешеную петляющую ленту с глубокой и рыхлой колеей. Егорыч быстро включил передний ведущий мост, заодно переключился на низшую передачу и так заработал баранкой, что шалька чуть не свалилась с головы. Я восхищенно хмыкнул.

— Это ты еще не видел настоящей дороги,—буркнул Егорыч.—Вот перевернулись бы разок-другой, тогда да... А здесь что, колхозники на такой же «узке» да на КРАЗе проехали...

Так мы и мчались без страха и упрека, пока судьба не вынесла нас к огням жилгородка участка СУ-41.

В конторке нас встретил Муханов, заместитель начальника управления,—человек молодой, энергичный, но, по всей вероятности, бывалый и хваткий. Правда, мне еще показалось (по манере улыбаться), что Муханов владеет неиссякаемым запасом иронии, но в этот вечер он ее никак не проявил: с Черниковым шутки плохи.

ЧЕРНИКОВ. Вопросы?

МУХАНОВ. Не пришли плетевозы из Надыма.

ЧЕРНИКОВ. Почему? С кем связывается?

МУХАНОВ. Со Святым—вашим начальником эксплуатации. Обещал, но...

ЧЕРНИКОВ. Так. Что еще?

(Одновременно следует вызов по радио диспетчера треста.)

МУХАНОВ. Т35—60. Я говорил вам, надо переправить в Старый Надым.

ЧЕРНИКОВ. В Старый Надым? Пусть ходит в изоляционной колонне. Это не «катерпиллер», который мы гоняем, как велосипед. (Трест вышел на связь.) Где Святой?

ДИСПЕТЧЕР. Алексей Иванович, мы его разыскиваем.

ЧЕРНИКОВ. Почему у Муханова до сих пор нет плетевозов?

ДИСПЕТЧЕР. Святов сказал, что по зимнику невозможна пройти. Подъемы!

ЧЕРНИКОВ. Передайте Святому, что он меня подвел. И товарищей подвел. И чтоб завтра плетевозы здесь были. Тоже мне, нашел Эверест! Гималаи, понимаешь... Отбой! (К Муханову.) ЧТО еще?

МУХАНОВ. Нет вахтовки, Алексей Иванович. Есть открытый «Урал».

ЧЕРНИКОВ. Времени тоже нет, Лев Николаевич. Чей «Урал»? Святовский? Накройте брезентом и пока используйте как вахтовку. Ехать-то один километр... КАЧЬ с вывозкой трубы?

МУХАНОВ. Есть два «Урала»—плетевоза. Но водители сегодня вернулись. Говорят, не прошли.

ЧЕРНИКОВ. Что за водители?

МУХАНОВ. Трои на трассе впервые. У четвертого стаж—год.

ЧЕРНИКОВ. Пригласите.

(Входят двое водителей, один скромно молчит, второй, «пообтертый», разговаривает с достоинством аса.)

ЧЕРНИКОВ. Почему вернулись из рейса?

ВОДИТЕЛЬ. Не прошли по зимнику. Не вписываемся в угол поворота. И опять же, подъемы.

ЧЕРНИКОВ. Колхозники прошли на своем КРАЗе с одним ведущим мостом.

ВОДИТЕЛЬ. Рыбаки, что ли? Так они и в воде не тонут.

ЧЕРНИКОВ. Я только что проехал.

ВОДИТЕЛЬ. Ну, если проехали, так и поехали с нами в рейс? Хоть сейчас.

ЧЕРНИКОВ. Поехали! У вас плети загружены?

ВОДИТЕЛЬ. (С заминкой.) Нет, однотрубки...

ЧЕРНИКОВ. Ах, однотрубки... Ну, так и без меня пройдете. А завтра загрузите плети и пойдете за мной!

ВОДИТЕЛЬ. Нет, уж лучше вы за нами. Потеряется время, но за нами...

ЧЕРНИКОВ. Согласен. Не сбегу.

...Алексей Иванович Черников, управляющий трестом, неторопливый человек высокого роста, в полушибке, в унтах, по виду—обычный трассовик, совершил свою будничную работу. И, глядя на него, трудно было предположить, что через несколько дней ему придется вылететь в Москву, на коллегию министерства, с тем чтобы лично доложить товарищам о результатах этой будничной, обычной, но очень важной для государства работы.

Назавтра, снова подпрыгивая и мотаясь за спиной Черникова в «узике», я задал ему вопрос, который взял себе за правило задавать всем, с кем бы меня ни столкнула судьба на «малой земле».

— Алексей Иванович,—сказал я,—сколько вы еще собираетесь пробыть на Севере?

Он рассмеялся и как-то озорно, не по-взрослому взглянул на меня.

— А ты здесь останься не хочешь?—Помолчал. И уже серьезно:—Каждый год собираюсь. Уже и прибавить стал, и жена ворчит. Но ведь не будет «на земле» такой работы, не будет... Понимаешь, масштабов таких не будет, людей таких не будет, морозов не будет...

Он замолчал, углубленный в свои

мысли, а потом совершенно неожиданно для меня весело заявил:

— Так что, пока не выгонят!..

— Как же, выгонят вас...—пробурчал Егорыч и углубился в созерцание зимника, потому что от здешних дорог можно ждать всего, что угодно.

ХРОНИКА НОЧНЫХ СМЕН (Записки монтажника)

Этой ночью мы вышли на угол поворота и заварили последний стык. Все! Даже как-то не верится... А на рассвете примчался с вахтовкой Муханов и сообщил сразу две новости: во-первых, говорят, ребята, вы обошли бригаду Дидука (мы, конечно, решили—шутят), а во-вторых, будет вам премия... Вот это уже реально и как-то приятно. И еще: придет в середине дня четыре трактора, а это значит—перебазировка!

Мы съездили в Нью-Уренгой подкрепиться. Прозоров отпустил наших измученных сварщиков спать, но сказал, что один «доброволец» все-таки нужен, для подстраховки. Вызвался Леша Глебов. И вот мы—дизелисты, монтажники, во главе с Прозоровым в последний раз отправляемся на трассу: нам нужно собрать свои железки, все закрепить, укрепить, погрузить «азики» и трактора на тракторы и—до свидания. Техника уйдет по земле, а за нами прилетит «вертушка». Что ж, мы—перелетные птицы, такая у нас профессия. Закончили здесь—поехали дальше...

...Мы сворачиваем на трассу, и вдруг, позолоченная низким солнцем, ослепительным желтым блеском вспыхивает прямая струна трубы. Мы-то знаем, что она черная, но, видимо, случайная причуда ракурса делает ее янтарно-желтой.

— Ты глянь, красота-то!—ахает Прозоров.—Ну... мощь, змея такая огромная... Сила! Наша рук дело.—И Прозоров вдруг говорит:—Жалко такую красоту в землю зарывать, опускать в траншею... Как считаешь, а?

Я киваю. И правда, жалко. Только настоящая красота не пропадет, превращается она во что-то, преобразуется, что ли... Но сказать об этом слов у меня не хватает.

ЭПИЛОГ

Я приглашаю тебя, читатель, вместе со мной оглянуться назад. Мы прошли с тобой маленький отрезок того большого пути, который совершают пионеры Уренгоя. Мы прошли его вместе, рука об руку, и я сожалею, что в силу разных причин мне не удалось поведать обо всем, что я видел, и обо всех, кого встретил на этой удивительной земле.

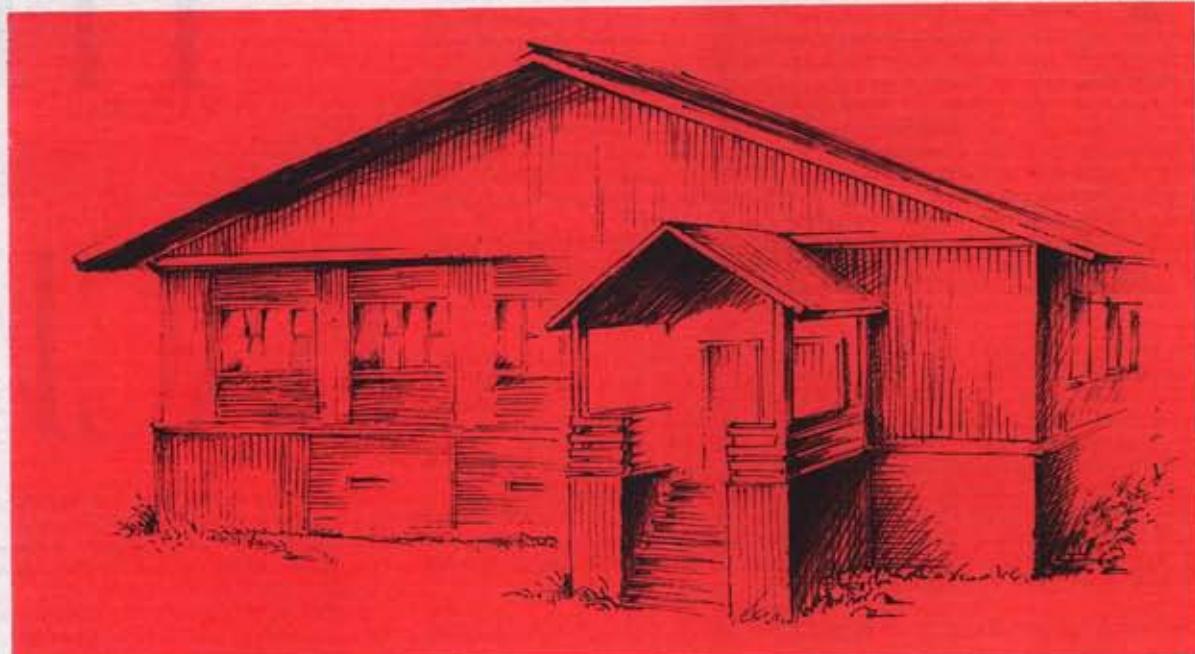
Пока писались эти строки, газопровод Уренгой—Надым вступил в строй и уже дает газ Западной Сибири стране. Это первая нитка. Их будет больше. Проектная рабочая мощность месторождения—30 миллиардов кубометров газа в год. Это невероятно! Но мы-то знаем, сколько многие невероятные наши начинания становились будничной реальностью... Такие мы люди!

Надым—Уренгой—Надым.

БИБЛИОТЕКА «СМЕНЫ»- НА УРЕНГОЕ

ТАКОЙ ПРОЕКТ БИБЛИОТЕКИ
ПРЕДЛАГАЮТ МОЛОДЫЕ ИНЖЕНЕРЫ
НОВО-ВЯТСКОГО КОМБИНАТА
ДРЕВЕСНЫХ ПЛИТ
КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

Читатели «Смены», конечно же, хорошо знают, что в далекий поселок Новый Уренгой Тюменской области приехал и работает отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ.

С этим отрядом, поехавшим в Тюмень прямо со съезда, отправились наши специальные корреспонденты. Как ехали молодые патриоты, как они начали трудиться, рассказывалось в журнале. Следует только добавить, что Новый Уренгой пока поселок, а в будущем—город. Обустройство Уренгойского газового месторождения и строительство ЛЭП-500 в этом районе «Смена» объявляет своими подшефными в огромном Тюменском крае, над которым в целом также шефствует журнал уже десять лет.

Но вот—Уренгой. Новая точка на карте экономических преобразований Западной Сибири. Новое место приложения сил одной из бригад Ленинского комсомола—ударного отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ.

Как уже сказано, наши корреспонденты приехали в Уренгой вместе с отрядом имени съезда. Жизнь в тех местах, диковатых, во многом, естественно, пока не устроенных, только начинается. Город еще лишь только предстоит. А ждать некогда. Работать, строить, жить, учиться, отдыхать, любить, смеяться надо немедленно, тотчас.

Ребята из отряда молодые, впрочем, много молодежи там вообще. Жизнь ведь не только вахта. Много в поселке заочников институтов, техникумов. Вообще без книги трудно представить себе нашу жизнь. И вот редакция «Смены» предлагает своим читателям: давайте вместе, общими усилиями создадим библиотеку в Уренгое!

Обращаемся к вам, дорогие друзья: пришлите нам книги для уренгойской библиотеки.

Имена всех, кто примет участие в формировании библиотеки, мы опубликуем в журнале. Можете—и даже хорошо, если было бы так!—на книгах делать дарственные автографы-пожелания молодым строителям.

В качестве первого взноса редакция вносит денежную часть премии Союза писателей СССР, которой журнал удостоен за литературно-критические выступления, опубликованные в 1977 году. На деньги эти мы покупаем художественную литературу и отправляем в Уренгой.

Дорогие читатели! Конечно, достать книги и послать их в далекий поселок не так уж и сложно. Министерства и ведомства могли бы сделать это обычными путями. Но в идеи собрать библиотеку всем миром, оказаться хотя бы таким образом причастными к великому делу, которым живут сибиряки, представляется нам, сотрудникам редакции, благородным и достойным человеческого содружества высоким актом. Делом прекрасным, добрым, гуманным!

Давайте же общими силами сделаем такую библиотеку.

Просим мы и Союз писателей СССР, замечательных советских писателей принять участие в создании уренгойской библиотеки. Для писателей, деятелей культуры, искусства в будущей библиотеке создается Золотой фонд—фонд их книг с автографами.

Итак, «Смена» начинает формировать библиотеку для молодых патриотов.

Ждем ваших книг, товарищи!

Напоминаем наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. журнал «Смена».

Литература может быть любой—художественной, политической, научной, учебной. Ведь интересы молодых строителей поистине неограничены.

P. S. Когда этот номер журнала уже находился в типографии, из Нового Уренгоя пришло известие о том, что комсомольцы отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ библиотеку «Смены» уже открыли. Пока в ней 800 книг. Дело начато. Давайте его продолжим!

После выступлений «Смены»

В статье делегата XVIII съезда ВЛКСМ буревого мастера Владимира Глебова «Высокий счет Самотлора», опубликованной в № 6 журнала «Смена», подняты очень важные вопросы профессиональной подготовки молодежи в городе Нижневартовске.

Действительно, имеющаяся в объединении «Нижневартовскнефтегаз» учебно-материальная база (два учебно-курсовых комбината в Нижневартовске и одно среднее профессионально-техническое училище в Тобольске) не обеспечивает потребности предприятий в подготовке молодых квалифицированных рабочих. «Главтюменнефтегаз» принимает

меры к расширению и укреплению учебно-материальной базы. В 1977 году начато строительство технического училища нефтяников на 600—800 учащихся в Нижневартовске, которое будет сдано в эксплуатацию в 1979 году. В этом училище планируется подготовка квалифицированных рабочих для предприятий бурения и вышестроения. Предусматривается строительство до 1980 года технического училища нефтяников в Сургуте и типовых учебно-курсовых комбинатов в Нижневартовске, Сургуте, Нефтеюганске и Тюмени.

Дальнейшее развитие получит учебно-материальная база главка и в одиннадцатой пятилетке. Это позволит более полно использовать ме-

стные трудовые ресурсы, особенно молодежь, в обеспечении предприятий квалифицированными рабочими кадрами.

Учитывая возрастающую потребность предприятий в квалифицированных рабочих и слабую базу строиндустрии подрядных строительных организаций, которые медленно строят технические училища, Министерство нефтяной промышленности по нашей просьбе приняло решение о ежегодном направлении «Главтюменнефтегазу» до полутора тысяч выпускников технических училищ.

А. ШАРАПОВ,
заместитель начальника
«Главтюменнефтегаза»

ВЫСОКИЙ
СЧЕТ
САМОТЛОРА

Н

Смена 7

ГИБЕЛЬ ДЕДА ВАСИЛКА

РАССКАЗ

Лунной весенней ночью из темной согры на светлую поляну вышла волчица. Расплювавшая ноздри, она жадно потянула воздух: пресно пахло снегом, горечью мерзлой осиновой коры, хвойным вязким смолем. Никаких живых запахов...

Волчица поскребла передними лапами жесткий слюдяной наст, лениво потянулась. При этом темная шерсть на ее загривке не залоснилась, не заискрилась под луной, как бывало прежде: волчица была старая, сивая шерсть на ней скаталась ключами, опаршивела и не могла прикрыть выширающие ребра. И, словно стыдясь своей безобразности, она потрусила в густую тень чернолесья.

Она с недели ничего не ела и теперь совсем отупела: уже ничего не искала, а просто трусила по лесу, низко опустив огромную лобастую голову.

Так она бежала долго, не приносясь и не глядя по сторонам, не понимая, куда и зачем спешит, когда в темной пади, под самым ее носом вдруг с грохотом взорвался черный куст тальника — из-под него рванулись вверх тетерева, целая стая. Волчица отпрянула, но тут же кинулась вслед птицам, которые замелькали меж голых деревьев и мгновенно исчезли...

Она вернулась к тому месту, под куст, где в снегу осыпалась еще свежие луники, хранившие тепло и дурманящий запах мяса. И, обезумевшая от этого запаха, волчица завыла хрипло, утробно в безысходном смертном отчаянии...

Маркел Рухтин услышал одинокий и близкий вой волчицы, когда подходил к заемке деда Василька. Он сорвал с плеча ружье, торопливо перезарядил его патроном с пулей жакан. И только потом удивился: откуда здесь быть зверю? Обычно волки тайгу не любят — водятся в степи или у самой лесной кромки. Да и зверь-то, видать, одинокий, а сейчас у них начался гон, и держатся они большими стаями. Странно. Скорее всего где-то устроили облаву, истребили стаю, а этот уцелел и с испугу забрался в самую таежную глухомань.

А вой не смолкал — дребезжащий, прерывистый, как скрип надломленной сушки. Казалось, зверь старается из последних сил и вот-вот сорвется, испустит дух. «Не иначе — совсем старый зверюга», — догадался Маркел, — стая его прогнала, и он пришел сюда подыхать...»

Дед Василек встретил Маркела встревоженно: что случилось? Почему среди ночи?

— Так Иван Савватеевич посоветовал, — отозвался Маркел, устало валяясь на лавку. — Ночью, говорит, наст морозом схватывается, меньше проваливаться будешь. И правда: шел, как по горнице, да и луна — хвонину на снегу видно... Волк вот только перед самым домом твоим напугал.

— Я тоже вечер его слышал: воет, ажно душу выворачивает. Не к добру примета...

— Что-то ты суеверным стал, дед, — засмеялся Маркел.

— Да оно... в народе-то здри не скажут... А ты не скользь, говори, что случилось.

— А то, что и должно было случиться, — уже серьезно ответил Маркел. — Веселые времена наступают, только жить да радоваться...

И он рассказал старику, что позавчера в Косманку пробрался свой человек из уездного города Каинска и принес худые вести. Будто прознали колчаковские власти про Косманку, где скапливаются партизаны, и решили задушить отряд в самом его зародыше. Спешно снаряжают в тайгу карателей, чтобы успеть управиться, пока не развезло дороги, — тогда партизан никак не достать.

Чубыкин принял срочные меры: послал авангард из десяти мужиков на Пестровскую заемку, что по дороге к Косманке, а его, Маркела, отправил сюда, чтобы первым известить о приближении карателей. Такие вот дела...

— Начинается, елки-моталки, — крякнул дед Василек. — Теперечь добра не жди... Ишо ко мне заявятся...

— Так не минутят, наверное. Дорога на Косманку одна — по Тартасу... А ты что, боишься?

— Мне пугаться нечего, худого, поди, ничего не сделают... Да и отжил я уже свое, если что...

— А кто же лес охранять будет? — пытливо прищурился Маркел.

— Найдутся охранители... Сам же когда-то говорил: народная власть придет, да народ сам у себя красть не станет. Это кругому дураку надо быть — в собственный карман руку запускать...

— О-го! — восхитился Маркел. — Да ты, дед, никак большевиком стал? Прямо по Ленину шпарши!

— И Ленин так сказывал?

— Ну... это... маленько поглубже и пошире, а суть та же.

— Поумнее, так и говори. Я-то вот Ленина не читал, какие он планы на новую жизнь строит. А шибко охота бы узнать!.. Зато колчаков раскусил, всю их подноготную. Недавно наведывался в Минино, к старухе, да посмотрел, что там творится... Кулаки да богатые мужички головы подняли — куда там, повыше, чем при царе. И не таятся: наша теперечь власть, бают, царь-то, мол, дурак был — так разбаловал народишко, ажно до революции дело дошло. А что вытворяют, ироды! Кто чуток супротив властей слово сказал — портят розгами. За недоимки тоже порку ввели. И позабыли уже, что палка-то о двух концах, — помнишь, ты мне об этом толковал?.. Когда это было видано в Сибири, чтобы розгами, а? На глазах у баб, у детишек, у соседей?! — Дед Василек обхватил большими корявыми руками лысеющую голову, уперся локтями в стол. Снова заговорил тихо, сдавленным голосом: — Старуха моя у кулака Кожевникова два пуда жита до новинь занимала. А он, Кожевников-то, видно, припомнил старую обиду — накрывал я его разом с ворованным лесом — и решил над старухой покуражиться: пристал, как с ножом к горлу — вынь да положь средь зимы должок! И что ты думаешь? Нажаловался властям, и решили старуху пороть принародно... Хорошо, я вовремя подоспел. Продал последнее, какое было, барахлишко да с горем пополам рассчитался...

Долго сидели молча. Маркел не знал, как успокоить старику. Заметил: сильно сдал после последней их встречи дед Василек — постарел, осунулся, куда подевались прежняя прыткость и веселость. А чем поможешь? Только и напомнил не к месту, словно бы упрекнул:

— Видишь, дед, жизнь по-своему рассудила. Не забыл наши давнишние споры? Прав-то оказался я, а не ты. У муравьев призывают уму-разуму учиться. Не-ет, если ты человек — от борьбы ни в какой глухомани не укроешься. А жизнь — она и есть вечная борьба...

Каратели пожаловали через трое суток, в такую же лунную ночь. Серый во дворе зашелся в истощенном лае, бешено рвался с цепи. Дед Василек вскочил с нар, бросился к окну:

— Они!..

У Маркела тоже сон как рукой сняло, он следом за стариком прильнул лицом к холодному стеклу. Никого не было видно в голубом лунном сиянии.

— Может, тот самый волк подобрался? — высказал он робкую догадку.

— Не-е. Зверя Серый не так облавляет. Это чужие люди. Много... Беги в лес, успеешь. Они еще далеко.

— Не могу! — Маркел заметался в потемках, отыскивая шубу, валенки. — Нельзя мне уходить с пустыми руками... Надо узнать, что за люди, сколько их, куда идут... Чем вооружены, когда тронутся отсюда... Надо узнать! Спрячь меня где-нибудь!

— Беги в баню. Ночью, поди, париться никто из них не пожелает... А я опосля подойду... Ружье не забудь...

Маркел выскочил на улицу, метнулся через двор к низкой, утонувшей в сугробах баньке, плотно прихлопнул дверь, накинул крючок. В бани пахло каленым кирпичом, пожухлыми березовыми листьями. Сквозь крохотное оконце, затянутое бычьим пузырем, просачивалась снаружи мутный мертвенный свет. И все, к чему ни прикоснись, все здесь казалось липким, обросшим паутиной. Даже тишина была какой-то вязкой, черной, словно в закрытой наглоухо бочке с дегтем.

Стало трудно дышать, Маркел не выдержал, приоткрыл дверь. Все так же лаял с подывом и гремел цепью Серый. Потом сквозь лай послышались за оградой голоса, ядреный хруст снежного наста под сапогами. Скрипнули ворота, кто-то громко затаранил в окно, крикнул хриплым, простуженным голосом:

— Отчиний! Подох там, что ли?!

Маркелу не видно было, что происходило во дворе. Он услышал, как на скрипучее крыльце вышел дед Василек, спросил нарочито равнодушным, сонным голосом:

— Ковой-то бог принес?

— Того, кого ты не ждешь! — ответил все тот же хриплый и резкий голос. — Уйми кобеля, а то стрельну!

По крыльцу тяжело затопали кованые сапоги, что-то металлически лязгнуло, и все стихло. И тишина эта для Маркела продолжалась целую вечность. Он было решился уже подобраться к окну, заглянуть, что там делается в избе, но в это время бухнула дверь, кто-то вышел во двор.

— Ночка-то, господи! — послышался простуженный голос. — А лунища-то, лунища! У нашего поэта Пушкина, пан Вернер, стихи есть... — И хрипло прочитал, словно пролаял:

Луна, как лебедь величавый,
Плынет в сребристых облаках...

— О, Пушкин! — по-бабы пискляво воскликнул второй. — Знаю, знаю! Большой друг был нашему Адаму Мицкевичу, учился у него...

— Да нет, не учился, путаете вы...

— Учился, учился! — упрямко пропищал пан Вернер.

Они ушли в избу, и снова мучительно потянулось время... А надо спешить, бежать скорее, предупредить товарищей. Но как бежать, ничего не узнав о карателях?..

Наконец тихо скрипнуло крылечко, с него спустился человек, направился прямо к бане. У Маркела екнуло сердце, он схватил ружье, взвел курок. Но по мелким, легким шагам узнал деда Василька, высунулся в дверь.

— Теперь беги, — старик перевел дух. — Оне дрыхнуть будут долго, — от самого Шипицына дули пешкодрала... коней тамока оставили — дорога спортилась... Пешком-то ишо так-сяк, а коням — по брюхо...

— Ты дело говори! — сердито зашипел Маркел.

— А дело табак... Девятнадцать человек, в усах винтовки со штыками... За старшего у них — поручик Храпов... Пятеро ненащенские. Видать, большие начальники: панами друг друга кличут... Матерятся — пса кривь... Какие-то лиго... лигандеры...

— Поляки! Польские легионеры, — поправил Маркел. — Водку пили?

— Шпирт. Но, маленько... Храпов, начальник-то ихний, больно строгий, у-у! Прямо на крышу похожий, дьявол хрипкий... Выступают утром, меня берут проводником... Сказал, что хворый, — Храпов пригрозил наганом... придется итти... Ты давеча сказывал, — куда Чубыкин десять сторожевых мужиков направил?

— На Пестровскую заемку.

— Знаю. Чеши туда во все лопатки, пущай Чубыкин подбросит на эту заемку побольше мужиков с добрым оружием... Сделает засаду... А я прямо по зимнику колчаков подведу...

Маркел близко заглянул старику в лицо:

— Сам-то ты как же?

— Как-нибудь, — неуверенно отозвался дед Василек. — Выстрелы нашутся — прянут в кусты...

Рисунок
Владимира ДЕЛБЫ

Маркел бежал по чуть приметному зимнику, извилисто петлявшему руслом Тартаса. Жесткий снег по-поросочьи визжал под сапогами, казалось, слышно было на десяток верст. Луна скрылась за черной зубчатой стеной тайги, стало темно.

Дорога пошла на угор, поднялась на берег. В этом месте река делала большую излучину, и путь спрямили берегом. Слева смутно замерцала большая голая поляна, которую Тартас обивал с трех сторон. Она называлась Ермаковым полем.

Из поколения в поколение передавалась легенда о том, что после гибели Ермака на Иртыше остатки его дружины бежали на ладьях вниз по реке, достигли устья Оми, а потом заплыли в Тартас и двинулись вверх, надеясь укрыться в тайге. Но татары гнались по берегу на конях, засыпали стрелами, и как раз в этом месте, у крутой излучины, опередив медленно двигавшиеся против течения ладьи, сделали затор из поваленных деревьев. Казаки вынуждены были принять неравный бой — один драился с дюжиной, — и почти все полегли под кривыми татарскими саблями. А тех, кто остался в живых, враги раздели донага и привязали к деревьям. И за одну ночь страшный таежный гнус высосал из них всю до капли крови...

С тех пор поле на речной излучине, где была битва, стало называться Ермаковым. Старики рассказывают, что раньше находили здесь помятые русские шлемы, изломанные татарские сабли, а то и человеческие скелеты, привязанные к древним кедрам...

Миновав Ермаково поле, Маркел углубился в темную чащу леса. Здесь было, как в пустой просторной избе: шаги отдавались гулким эхом.

В призрачном мраке что-то зашевелилось впереди, там вроде бы хрустнула ветка. Маркел остановился, перевел дух. Пожалел, что дед Василек рассоветовал ему взять с собою ружье: в спешной дороге, мол, и иголка тяжела. Еще постоял, прислушался, принюхался. Тихо, но как будто махорочным дымком понесло...

А-а, мало ли что может померещиться... И он двинулся вперед. В узком коридоре, где тропу с обеих сторон обступили сосны, кто-то прыгнул на него сзади. Маркел и крикнуть не успел, как был сбит и прижал к земле тяжелой тушей. «Медведь!» — мелькнуло в голове, но рычащая туша стала выворачивать ему назад руки. Человек...

Да, это был человек. Он помог Маркелу подняться на ноги, чиркнул серянкой перед его лицом.

— Служался? — спросил участливо, даже ласково, как взрослые спрашивают детей. — Тада звияй за беспокойство... А я далеко-онько тебя приметил, когда ишо луна была, а ты по реке топал... Да, думаю, спрячусь сбочь тропы да подожду трошки — што за человек такой антигресный? Уж больно ты издалека на деда Василька походишь! И походка такая же прыткая. Ах нет, ошибся...

Маркел наконец выплюнул снег, обрел дар речи.

— Кто вы такой? — спросил сдавленным голосом.

— А ты и не признал? — искренне удивился тот. — Стыдно старых-то друзей забывать. Старый-то друг — он ить лучше новых двух... А Микиту Сопотова не припомнить ли? Как вы с дедом Васильком в прошлом году на ямах меня подстерегли, ружье отняли, да ишо собакой стали травить? Неужто позабыл? А я дак тебя сразу признал — и серянку жечь не надо было...

Как позабыть? Перед Маркелом на миг встало то погожее осеннее утро, и как задремал он у костра, измученный бессонной ночью, а из леса неслышно вышел этот огромный волосатый мужик — неуловимый браконьер Микешка Сопотов, которого дед Василек выслеживал много лет и не мог поймать. А тут пришел сам, и как он паясничал перед стариком, увереный в своей безнаказанности, а когда отобрали ружье, готов был встать на колени... И как, уходя, в бессильной злобе схватил огромную коряжину, прошипел: «Встретимся ишо на узкой дорожке...»

Вот и встретились... Микешка ликовал, это чувствовалось в его голосе, и снова приялся паясничать, — такая зловредная натура: мой верх! Почему бы на досуге и не поиздеваться? Когда Маркел попросил развязать руки, он засуетился вокруг:

— Сичас, сичас! Устали рученьки, затекли белые, — а сам с такой силой затянул узел, что, кажется, хрустнули в запястье кости... — Потерпим маненечко, скоро и шейку завяжем таким же узелком, да на сосенку, да на стройную, — нарраспев говорил Микешка ласковым, баюкающим голосом...

— Что ты со мной хочешь делать? — спросил Маркел своего мучителя. — Ты ответишь за это... перед судом...

— Отвечу, отвечу, — угодливо заворковал Микешка, — как же не ответить за такое беззаконие? Судить меня будут, в каталажке сгноят. Да! Рази тебе не жалко меня? Хороший я человек, ласковый... А ты знаешь, почему я оказался тут, на этой тропочке? Не знаешь... А прослыпал я, милый вынош, што к деду Васильку твоему колчаки пришли. Партизанов ишут. Ага... Я все знаю, не гляди, што с ведмедями живу... Вот и навострил, значит, лыжи — доложить колчакам, где эти партизаны хоронятся. А за одним и про деда Василька скажу, што это за птица такая. А то ить омманет он солдатушек, ежели в проводники его возьмут. Как пить дать, омманет! Сам с партизанами якшается... Вот так-то, вынош. Теперь-то мне веселее будет — вдвоем пойдем. Уж ты-то, знаю, лучше меня про партизанов солдатикам расскажешь. Сам, небось, в начальниках у них ходишь... Пойдем-ка теперяча. — Он толкнул Маркела в спину.

Маркел резко повернулся к Микешке, крикнул:

— Не пойд!

— Не пойдешь? — удивился тот.

— Нет. Хоть убей на месте...

— Можно и убить, — раздумчиво произнес Микешка, — да только это не на пользу мне. Вот ежели живого приведу... Пойдем!

Сильный толчок в плечо сбил Маркела.

— Вставай!

Маркел молчал. Микешка начал избивать и топтать его ногами. Маркел хватал ртом снег, чтобы не кричать. Давился, задыхался от боли. Микешка в бешенстве схватил его за ноги, поволок. Сначала бегом, потом шагом, наконец, грохнулся рядом. Шапкой вытер лицо, одышливо прохрипел:

— Тяжело... Вот саночки бы... Привязать бы к саночкам-то, — и добавил просьительно, — а то, может, пойдем? Тяжело мне. Все одно ведь не отпущу...

Маркел молчал. Микешка подумал, сказал спокойно:

— Вставай!

— А вот что мы с тобою изладим. Разведем сичас костерок, согреем чайку... Баско? А утром колчаки к партизанам пойдут — все одно этой дорожки не минуют. Вот и встреним солдатиков хлебом-солью...

Он подволок Маркела к большой сосне, привязал сзади веревкой к стволу.

— Так-то покойнее будет нам обоим.

Потом вытащил из-за пояса топор, стал рубить сухостойные деревья, каким-то чудом, по звуку от удара обухом отыскивая их в потемках. Вскоре запыпал велеский костер, сложенный мастерской рукой бывалого таежника.

Вынув из заплечного мешка черный от копоти котелок, Микешка нагреб в него снегу, повесил над огнем.

— Порядочек! — крякнул, видимо, довольный своей работой. — Теперь мы будем как у бога за пазухой... Тебе не холодно, вынош? Мотри, парень, до утра совсем-то не замерзай — огорчишь меня... На-ко вот хлебца пожуй — потрудились мы с тобой сёдня, устали, как черти... Да прям с полу зубами и бери, — чо уж тут мудреного?.. Сичас я тебе лапнику под зад наломаю, а то околеешь...

Попив чаю, Микешка и вовсе настроился на благодушный лад. Ворковал без умолку, и Маркел удивлялся, как это можно, имея такой грубый, животный какой-то голос, изменять его до ласковых, вкрадчиво-нежных ноток. Он даже подумал, что в этом человеке, может быть, сохранилась хоть капля порядочности и доброты. И, поборов себя, пошел на унижение, попросил:

— Отпустил бы ты меня, дядя... Какой я партизан? С лесорубами работаю, в деревню к матери бегал...

— К матери? Эхе! — еще больше оживился Микешка. — Матушка-то твоя ажно в Шипишине, а бегиши ты от деда Василька — партизан упредить... Я ить тебя наскрость вижу, вынош.

— Ну, а партизаны что тебе плохого сделали? Они же против богачей, за трудовой народ поднялись. За Советскую власть... А ты что, разве богач?

— Я-то? Может, и не совсем еще богач, но и не трудовой народ. Нет! А богачом я буду — помяни мое слово. Все-е вы будете у ног моих ползать. Я вам покажу кузькину мать! А то ишо что надумали: под одну гребенку всех причесать. А может, я желаю лучше других жить, и силу для этого имею, и смекалку, а меня все равно в одну упряжку со всеми? Этого добивается твоя Советская власть? А я ведь почтитай десять лет из тайги не вылажу, по крупинкам капитал-то свой коплю. Оне мне потом и кровью достаются, эти крупинки.

— Да, тебе доказывать бесполезно, — вслух подумал Маркел, — хоть кол на голове теши...

— Потому и бесполезно, что нечем крыть,— голосом победителя отозвался Микешка.

Выговорившись, он как-то сразу обмяк, сснутился над костром, заклевал носом в чуткой дремоте. При малейшем шорохе он вскидывался, подозрительно косился на Маркела.

А у Маркела задеревенели туго стянутые веревкой кисти рук, саднило избитое тело, но все заглушала ноющая боль в правом колене: не вывих ли? Он сидел, привалившись спиной к соснове, безучастный ко всему, потерявший надежду на освобождение.

Толстые поленья в костре догорали, подергивались сизым пеплом. Стало особенно темно, как бывает перед рассветом. И в этой глухой темноте вдруг родился звук, похожий на скрежет ржавого железа. Звук поднялся, как бы отделился от земли, и знакомый Маркелу волчий вой — гортанный, подирающий, по коже — то скливишь эхом понесся над тайгой. Микешка вскочил как ошпаренный, сложил ладони рупором и заревел в сторону волка:

— Ве-еста-а!.. Ко мне-е-е! Э-у-р! Э-у-р!

Маркел даже не сразу понял смысл этого странного зова — так поразило его снова сходство Микешкиного голоса с диким волчьим воем.

— Э-у-р! Ве-еста-а! Ко мне-е! Э-а-р-р! — выл Микешка, изрыгая скрипучие мощные звуки из самой своей утробы.

Но зверь замолчал, не отзывался. Микешка долго стоял, прислушиваясь к тишине, потом снова сел к костру, пробормотал:

— Ушла. Шибко гордая...

— Волчица, что ли? — подал голос ошарашенный Маркел.

— Какая тебе волчица! — Микешка со злобой швырнул в потухающий костер полено, так что искры взлетели столбом. — Собака это моя, Веста... Го-ордая, сволочь! А дело вот как было. Старая она совсем стала... Ну и промахнулась единожды на соболя. С-под самого носа зверек ушел. Да. А я-то в горячах возьми да и ограй ее по морде сапогом. Она и убежла от меня. Теперь вот бродит вокруг да около, с головой подыхает, а домой вернуться не хочет. Хотя и пользы от нее теперь на грош, а все же таки... — Микешка подкинул еще в костер, продолжал: — Кровь-то в ней дикая — помесь собаки с волком, оттого, может, такая гордая. Не хочет простить. А сама сроду мне ничего не прощала, ни одной моей промашки...

И только теперь Маркел вспомнил удивительную историю об этом человеке и его собаке, рассказанную когда-то дедом Васильком.

Прежде Микешка Сопотов жил в деревне, пахал землю, водил скот и считался хозяином средней руки. Жадный, правда, был, но работать любил и умел, этого не отнимешь. И вот у приезжего охотника купил себе щенка — башкотаго, лобастого: ни волк, ни собака. На вольных кормах сука скоро вымахала чуть ли не с годовалого телка, а силой и ловкостью могла потягаться с целой сворой деревенских собак. Но поражало в ней другое: незаурядный ум, если можно так сказать о собаке.

Раньше Сопотов редко охотился — было недосуг, а тут пристрастился к тайге и на зависть другим охотникам никогда не приходил с пустыми руками. Причиной этому была Веста с ее необычным чутьем, хитростью и выносливостью. Она могла сутками преследовать зверя, обманывать и заманивать, пока не нагоняла его под Микешкин выстрел. Но и характером была суровая и беспощадная: не прощала Микешке ни промаха в стрельбе, ни трусости и усталости, никаких человеческих слабостей не прощала своему хозяину и при любой его промашке бросалась под ноги, сбивала на землю, готовая разорвать на клочки...

Микешка сначала боялся суки, хотел сбить ее или даже пристрелить, но временем уразумел, что старается-то она бескорыстно, на его же пользу, и стал помаленьку привыкать к крутыму норову собаки, которая со временем выдрессировала его в первоклассного охотника.

А вскоре понял Сопотов и другое: охотой заниматься куда прибыльней, чем пахать землю или корежить лес. Тут может получиться, что наяву сбудется давняя и единственная мечта: разбогатеть.

С собакой обвыкся настолько, что понимал ее с полуслова, а она его — с полуслова. Да и слова-то постепенно тоже превращались в отрывистое рычание — собака не нуждалась в замысловатых, длинных фразах.

Хозяином над Вестой Сопотов был только дома. В тайге верховодила над ним собака, и Микешка безропотно подчинялся ее умным приказам.

— Во псине, да псине! — восторгался дед Васильек, когда рассказывал эту историю. — Карактером сильней человека оказалась: приручила его, в зверя обратила... Вот так в жизни бывает, парень...

А ночь уходила, иссякала темень, и мутный неверный свет уже сиялся сверху сквозь густую хвою сосен. Проступили ближние стволы, тускло заблестело отточенное лезвие топора, брошенного неподалеку.

Топор! Маркел еще не сообразил, что с ним делать, а уже прикинул: если вытянуться всем телом — можно достать ногой. Так! Подгрести к себе, под себя, к связанным за спиной рукам...

Он отполз от сосновы, сколько позволяла веревка, стал осторожно вытягивать здоровую ногу. Ближе, ближе... Но встрепенулся Микешка, хрюкнув:

— Чего воисся??

— Замерз.

— Терпи, казак, атамаю будешь.

— Ладно, буду...

Понял Маркел: надо, чтобы Микешка привык к шорохам. Он стал елозить на месте, шуршать по снегу ногами, делая вид, что согревается. Микешка равнодушно понаблюдал за ним, подбросил в костер сущняку. Это уже плохо! Разгуляется мужик, перестанет дремать. Но нет, Микешка, отодвинувшись от вспыхнувших сучьев, опять сснутился, уронил на грудь голову. В предутренний час трудно спрятаться с тяжелой, вязкой дремотой...

Маркел смелее потянулся к топору. Ловко зацепил за обушок носком сапога, поволок к себе, пяткой толкнул за спину, и вот уже занемевшие руки коснулись холодного металла. Страха не было, только нервная дрожь передергивала напрягшееся до последнего предела тело: скорей, скорей! Поставил топор на левую, лезвие пропустил меж кистями связанных рук, стал тихонько тереть веревку об острие... Но снова вскинулся Микешка, буркнулся:

— Я тя... Чо прыгашь, как блоха в штанах?

— Замерзаю, говорю. Греюсь...

— Дак, может, горячих угольков под зад сыпнуть?

— Сыпни себе.

— Мотри, вынош!

— Мотрю...

Микешка отвернулся, затих. Маркел подняжал на топор, чувствовал, как ослабла веревка. И вот руки свободные, в правой — гладкое топорище. Он опасливо покосился на мужика. И обмер: тот пытливо глядел на него в упор ясными, словно не спал, глазами...

— Ты, вынош, это... Ты чо это делаешь, а-а?.. — Встал на четвереньки, двинул на Маркела.

Маркел прижался спиной к сосне, по-прежнему держа руки сзади, стал подниматься. И увидел, как дико блеснули Микешкины глаза, как весь он напрягся перед прыжком... И Маркел кинулся вперед, взмахнул топором. И будто не услышал, а ощущал руками, всем телом, как податливо хрюснула Микешкина голова, словно весенний ледок под снегом...

И потом, когда бежал, ломился сквозь кусты, ощущение этого беспомощно-хрусткого звука продолжало держаться в теле, как шум ветра в сосновом стволе...

А он бежал, свернув с тропы влево, чтобы быстрее выскочить на зимник, который тянется по реке. Наст держал плохо, и местами Маркел проваливался до пояса, хорошо еще, что вывиха не оказалось: просто Микешка сильно ушиб ему колено. Рассвет незаметно перешел в густой белесый туман, тот самый, что на глазах поедает снег.

Только бы успеть, только бы опередить карателей! Какая уж теперь засада?.. Успеть бы увести мужиков с Пестровской заимки да предупредить Чубыкина... Что-то долго не кончается лес, не видно берега. А уж пора бы... Может, прорыхнут каратели, и можно успеть еще устроить им ловушку?.. Да где же конец этого проклятого леса? Бело вокруг, ничего не видно. Туман липкий, удушилый, как вата... Уж не заблудился ли, господи!..

* * *

А каратели встали рано. Поручик Храпов разбудил солдат до света, чтобы тронуться в поход, пока не развезло дорогу.

Дед Васильек, чтобы оттянуть время, не стал скрадывать путь по тропе мимо Ермакова поля, а повел отряд по речной излучке. Ночь незаметно перешла в утро, границы стерлись в молочном тумане, сырьем и холодном. Но с восходом солнца туман передел, трусливо пополз в лесные распадки и ложбинки. Утро выдалось яркое, слепящее, с высоким и по-весеннему налитым синево небом.

Солдаты шли скрытым шагом, бодро переговаривались, а пан Вернер не переставал восхищаться, пискливо восклицая:

— О, какой замечательный утро! Я не жалею, что напросился на этот прогулку. Надоели казематы, карты, вино!.. В Сибири нет даже красивый женщины, одни эти... как его?.. Бабы... А какой богатый страна! Лес — целое море. Нет, океан! Кедра, сосна, елка, пихта — о-о! Писеца, соболя, лисицы, белки, медведя — о-о! Золото! Умный народ такой богатство делает золото, а свинья делает этот... как его?.. Да, навоз...

Поручик Храпов косился на восторженного пана, молчал. В Каинске стоял легион из бывших пленных поляков, присягнувших на верную службу Колчаку, и, когда Храпов набирал в свой отряд добровольцев для похода на объявившихся в тайге партизан, подполковник Вернер, полулюди, полунемец по национальности, по натуре романтик, ищущий приключений, набился к нему с четырьмя своими солдатами.

Дед Васильек шагал рядом с Храповым и Вернером, слушал болтовню поляка, и его разбирала злость на этого чужеземца, который так брезгливо отзывался о русских. И старик не стерпел, поскольку терять-то ему вроде было нечего. Он снизу вверх глянул на долговязого поляка, вдруг ляпнул:

— Ты про Ивана Сусанина слыхал, пан.. Вернер?

— О да! Иван Шушанин... Знаю, знаю! Русский поэт, как Пушкин, да? — обратился он за помощью к Храпову.

— Н-не совсем... — сквозь зубы прошел поручик и глянул на старика жесткими умными глазами. Маленько лицо Храпова чем-то неуловимо напоминает крьсиную мордочку: нос вытянут и постоянно будто бы к чему-то принююхивается, а подбородок скошен, тонкие губы еле прикрывают длинные острые зубки.

Он придержал Василька за рукав и, когда чуть отстали, повел острым носом по сторонам, хрюкло сказал:

— Ты, дед, смотри! Не задумал ли чего? Если что — пристрелю, как собаку...

— Да ить в шутку... Знают ли, мол, в чужих землях наших-то героев?.. — прикинувшись простачком, заморгал глазами старик.

А терять ему, деду Васильку, кажется, и вправду нечего. Такое было предчувствие, что в живых он сегодня вряд ли останется. Если из засады не настигнет шальная партизанская пуля, то Храпов-то уж точно успеет выполнить свое обещание. Ушлы, видать, мужик, не прозевает.

И старик шел на верную смерть с легким сердцем. Даже сам удивлялся этому. Что ж, пожито, поработано, пора и честь знать. А умереть за правое дело не страшно, нет. Лучше, чем дома на печи. Недаром говорится: на миру и смерть красна. Вот только жалко старуху — совсем одна останется, сиряя. Кто поможет, даст на старости лет кусок хлеба? А при смерти и веки смежить, пятаки на глаза положить будет некому...

— Чего задумался, дед? — спросил Храпов неприятным своим, простуженным голосом. — Смотри, сверток на Пестровскую заимку не прозевай... Версты три останется — тайгой веди, а то шабурники, чего доброго, караул на дороге держат... Сколько их там, ты говоришь?

— Ничего я не говорю... Откеля мне знать? Забегал надысь мужичонка по дороге в Шипицино, дак сказывал — перешли, мол, партизаны с Косманки на Пестровскую заимку, а что за люди и сколько — вам лучше знать...

— Хитришь, старый кобель, — повел носом поручик. — Все вы тут заодно... Однако уговор помни: приведешь хорошо — награду получишь, случится что — на себя пеняй: за ноги на первом сукуне повешу.

— Как не помнить, ваше благородие... Всю дорогу страшишь, будто ребяченка малого. Сам, поди, трусишь, елки-моталки?

— Ты говори, да не заговоряйся! — зыркнул Храпов на старика.

* * *

Не доходя до Пестровской заимки, они свернули в лес, пошли целиком. Деда Василька этот нехитрый маневр Храпова мало беспокоил: не такой уж простак Иван Чубыкин. Предупрежденный Маркелком, поди, давно уж заметил карателей и подготовился к встрече незваных гостей.

Идти без дороги было трудно: снег глубокий, рыхлый, а провалившись — внизу ледяная вода-снеговица. Только к полудню они в обход подошли к заимке. Рубленная из крахистых бревен изба показалась между деревьями, из трубы мирно дым клубится, распространяя смолистый запах сосновых дров.

— Ложись! — зашипел Храпов, махнул рукой налево и направо.

Солдаты залегли, несколько человек поползли окружать избу.

— Вот, сейчас! — Дед Васильек напрягся всем телом, чтобы при первом же выстреле рвануться прочь. Авось... Но никто не стрелял. А ведь засада могла

быть и раньше, когда каратели шли в полный рост, гуськом, проваливаясь по пояс в снегу... Что-то мудрят Чубыкин, непонятно, чего задумал.

А солдаты окружили избу, замерли настороженном ожидании. Дым валил из трубы, тишина... Потом скрипнула дверь, вышел бородатый мужик в длинной рубахе без пояса, глянул на солнце и сладко потянулся, зевая. Наклонился над поленицей, стал выбирать дрова, и тут прыгнул на него из-за дерева солдат, сбил с ног. Мужик успел крикнуть, из избы выскоцило несколько человек с ружьями и винтовками. Но загремели выстрелы карателей, двое упали, а один, длинный и гибкий, кинулось было бежать, наехал на солдата и упал под ударами прикладов. Солдаты ворвались в избу, схватили остальных. Все было кончено в одно мгновение...

Дед Василек все еще лежал, зарывшись в мокрый снег. Только теперь он понял, что произошло: не дошел почему-то Маркел, не упредил партизан...

К старику подбежал Храпов, тряхнул за шиворот:

— Убит, что ли? Или в штаны наступил со страху?

Василек медленно поднялся, невидящими, пустыми, как бельма, глазами уставился на поручника. Мокрое, в кровь исцарапанное о снег лицо его было страшным. Храпов попятился, откращиваясь, как от нечистой силы:

— Свят, свят... Да ты что, дед? Эк тебя перевернуло! А еще лесной человек... Прости за недоверие, думал, ты шабурником сочувствуешь... Ошибся. Да и как можно? Слышишь, ты всю жизнь верой и правдой служил царю-батюшке. Прости... А уговор наш остался в силе: выбирай из трофейных любое ружье, какое на тебя смотрит...

Допрос и суд были короткими. Каратели имели указание: уничтожить партизан на месте, без лишнего шума и огласки. А уж коль по воле случая были взяты живыми — не тащить же их с собой в уезд или волость по бездорожью, самим бы назад добраться, так рассудил поручик Храпов.

При спешном допросе никто из восьми пленных не обмолвился, что основные партизанские силы находятся в Косманке. Твердили одно: было, мол, нас больше, да к весне разбежались по домам. Сеять скоро... Мы тоже, мол, направлялись в свои села. Но если первый довод был поручику даже на руку — где в такую пору искать в тайге остальных партизан? — то на просьбу мужиков отпустить их с миром он отрезал:

— Пахать и сеять будете в раю!

Их вывели на поляну и поставили под огромным кедром. Долговязый парень, что пытался убежать, признал в толпе солдат деда Василька.

— Сколько заплатили тебе. Иуда? — крикнул он. — Подойди ближе, а то отсель не доплюну...

Каратели спешили. Храпов махнул перчаткой. Солдаты ощетинили винтовки. В наступившей мертвой тишине на кедре покинула белка. Слетела пониже, удивленно уставилась на застывших в неестественно прямых позах смертников.

Дед Василек увидел белку, и сразу прошло оцепенение, будто прорвалось что-то в груди. Жив! Он будет жить под этим небом, среди тайги, и видеть эту белку, и все-все остальное, ради чего давным-давно родился на свет... А вот те, что стоят под кедром... Но он ни в чем не виноват. Он готовил себя к смерти... А в чем виноваты они? И старики, расталкивая удивленных солдат, побежали к тем, что стояли под кедром. Встал рядом, заложил руки за спину.

— Ты очумел, дед?! — прохрипел поручик.

— Я с ними, — спокойно сказал Василек. — Стреляй теперика...

К Храпову подскочил Вернер:

— Что он сказал? Чего хочет этот... безумный старики?

Он хотит умереть вместе с партизанами, — раздельно сказал Храпов, видно, догадываясь о чем-то. И торопливо скомандовал:

— Огонь! Пли!

Нестройный залп рванул тишину. Стоявшие под кедром упали все, кроме деда Василька.

— Приготовиться!! — бешено заревел поручик.

Ошарашенные солдаты снова подняли винтовки, клацнули затворами. Но видно было — все целили мимо старика. Четыре польских легионера, с недоумением переглядываясь, вонтили винтовки щыкками в землю.

— Псы крев! — заметился около них Вернер, крича еще что-то по-своему. Потом снова кинулся к поручику, заорал, выкатив глаза:

— Мы не понимаем!.. Мой солдаты говорят: старик нашел партизанов, он должен жить!..

— Он должен умереть, — не разжимая челюстей, проскрипел Храпов. — Смотри, пса твоя кривь, как умирают русские люди! — И, по-крысиному оскалив длинные зубы, разрядил всю обойму своего маузера в деда Василька...

А Маркел Рухтин действительно заблудился в непроглядном тумане. Он метался по лесным чащобам, пока совсем не выбился из сил, и тогда упал на снег и в отчаянии завыл по-звериному.

Но поднялось солнце, согнало туман. Маркел тоже поднялся. Светел и звонок был весенний день. Капало с деревьев, с шуршанием оседали сутробы. Снег взялся стеклистыми козырьками, и каждый древесный ствол обтаил до самой земли. Синие тени мельтешили в глазах, глядеть на снег было больно до рези.

Маркел определил направление по солнцу и снова побежал, задыхаясь, чувствуя, как у самого горла колотится непомерно разбухшее сердце. Проплутал весь день и только к вечеру все-таки добрался до Пестровской заимки.

Одиночная изба сиротливо стояла средь лесной полины, а неподалеку вздымаются в меркнувшее небо огромный мускулистый кедр. Под ним что-то чернело, иказалось издали — кто-то ползал там не четвереньках.

Маркел по-за стволами подкрался ближе и только теперь разглядел огромного волка и недвижных людей на снегу. Волк глухо рыкнул и оскалил беззубую пасть. Маркел шагнул к нему, взглядили их встретились — зверя и человека. Глаза человека горели безумием, он еще шагнул, слабый, безоружный, но готовый на все. И зверь не выдержал взгляда, попятился, пригнув лобастую голову. Был он страшен своей безобразной худобой, словно ожил полусгнивший труп в своих клоках линчевшей опаршившей шерсти.

— Веста! — сказал Маркел.

Зверь прянул в сторону, исчез в кустах.

Среди лежащих под кедром Маркел узнал сразу долговязого Ваньку Коробова, своего односельчанина. Рядом лежал дед Василек. Ветер шевелил детский пушок на его темени, и будто улыбка застыла на темном, обрезавшемся лице. Маркел подобрал его шапку, надел, осторожно приподнял голову старику.

Солнце село. Красноватые сумерки заполнили тайгу. Сквозь слезы, застлавшие Маркелу взор, синие снега, черные деревья и все вокруг радужно дробилось и переливалось в этом странном, неземном каком-то свете...

НОВОЕ ИМЯ

Петр СУХАНОВ,
шофер автобазы
г. Сургут

В идеале, каким бы делом ни занимался человек, к какой бы профессии ни принадлежал, он не должен обходиться без поэзии. Потому, что она учит находить, различать и ощущать ту каплю «нектара», которая бывает скрыта даже в самом, казалось бы, далеком от поэзии занятии. Сибиряк, шофер из города Сургута Тюменской области, судя по стихам, обходиться без нее не может. Если видишь высокую поэтическую цель, то легче выдержать все, что выпадает на долю — тысячикилометровые маршруты по сибирским трассам, разрывающиеся на куски покрышки, неистория съекты, тяжелую, не радующую ежедневными победами работу, когда нужно быть «в контакте с дорогой», какой бы она ни была.

Стихи Петра Суханова не свободны от шероховатостей, но в строчках, тут и там, чувствуется живейшее воображение, удивление перед «красотой и мужеством добра», желание поделиться с людьми своим сокровенным, стремление выйти за рамки личной лирики:

...Любовь к земле нас делает сильней.
Я убежден: когда земля прекрасна.
Прекрасны и живущие на ней.

Сейчас, по-моему, лучшие стихи его достигли той степени поэтичности, которая позволяет молодому сибиряку Петру Суханову напечататься на страницах «Смены».

Станислав КУНЯЕВ

Днем и ночью

без передышки

Мы накручиваем витки.
Проклиная в пути покрышки,
Разрывающиеся на куски.
Словно черти, в пыли

и мазуте.

Мы живем

лишь надеждой одной —
Чтобы не было ни минуты
Бесполезной или пустой.
Чтоб шумели сады и рощи.
Да побольше бы стало детей...
По-сибирски живем...
А в общем.
Мы работаем на людей!

Обожженные ветром

Разлук и свиданий.
Мы везем кубометры
Космодромов и зданий.
И не знают покоя
Наши КРАЗы и «Татры»
Наше дело такое —
Быть с дорогой в контакте!

Качаются деревья в инее.

В тумане плавают поля.

Все радостнее.

мягче

и красивее
Любимая становится земля.
Ее тепло и щедрость

не напрасны.

Любовь к земле

нас делает сильней.
Я убежден: когда земля прекрасна.
Прекрасны и живущие на ней.

Боюсь спокойных...

Нет, не потому.
Что не любил.
Не каялся, не верил.
Не потому.

Что в жизни никому
Не дам в обиду птицу
Или зверя.
Не потому, что в осень.

В листвопад
Душа моя изводится
От смуты.

Боюсь спокойных
За холодный взгляд
И безучастье
В трудные минуты.
За трезвую, расчетливую грусть.
За равнодушные в споре
Или ссоре...

Боюсь спокойных —
Потому боюсь.
Что кто-то рядом
Пропадает с горя.

Не все поют

Возвысенно и складно.

Но в этом
Нет ни горя, ни вины.
Отрадно жить
И умереть отрадно.
Когда все песни
Людям отданы.

Удивляюсь,
Вечно удивляюсь
Красоте и мужеству добра.
Словно сил для жизни набираюсь —
Удивляюсь вечно.
Удивляюсь,
Как земля богата и щедра!
И в дорогу
Снова собираюсь.
Помолч... Но, перейдя порог,
Удивляюсь миру, удивляюсь.
Как ребенок радуюсь
И маюсь,
Что так мало пройдено дорог!

СКАЗАНИЕ О ЗЕМЛЕ СИБИРСКОЙ

ОБРОВОЛЬЦЫ НА ПУТИ К СИБИРСКИМ СТРОИКАМ

Ты помнишь, читатель, эти строки? «Неведомая, дикая, седая, медведицею белою, Сибирь, за Камнем, за Уралом пропадая, звала, звала в невиданную ширь...» Сердцем, волей и разумом народа, в лишениях и борьбе, вставала могучая и великая сторона России к величайшим своим свершениям, которые провидел еще Ломоносов. На этой земле, как нигде может быть, творился во все времена подвиг познания. Подвиг преодоления пространства и раскрытия характеров, подвиг проникновения в богатейшие земные недра и подвиг созидания... Дерево, камень, металл—все под руками трудового люда приобретало плоть, давало силу Отечеству.

Западная Сибирь. Слава Ермака нашла здесь прописку вместе со славой величайшего химика всех времен Менделеева, рукописная работа картографа вбирала в себя нелегкий опыт первопроходцев...

«Поверить невозможно,—сказал недавно молодой рабочий журналисту «Смены»,—что раньше сюда посыпали на каторгу... Смысл всех социальных устремлений партии и народа в том и состоял, чтобы мрачные страницы нашей истории навсегда канули в прошлое. Сегодня на необозримых просторах Западно-Сибирской низменности, в тундре и тайге поселился ВЕЛИКИЙ ТРУД. Труд буровика и строителя, сварщика и нефтяника, газовика и водителя мощных машин... Тюмень, именовавшаяся прежде столицей всех деревень, ныне принесшая Родине славу топливно-энергетического гиганта, вместе с Томском дает уникальный исторический пример освоения. А там, где освоение,—там молодежь, там наш Ленинский комсомол.

Перед тобой, читатель, фотопанorama Западной Сибири с высказываниями исторических деятелей—«СКАЗАНИЕ О ЗЕМЛЕ СИБИРСКОЙ».

ТРУБА ИДЕТ НА ЗАПАД.

ДОБЫЧНИКИ «ЧЕРНОГО ЗОЛОТА».

НА ЗАРАБОТКИ. Рисунок А. АФАНАСЬЕВА

М. В. ЛОМОНОСОВ. Гравюра XVIII века.

КОНЕЦ XIX ВЕКА... ПРОКЛАДЫВАЕТСЯ ТРАНССИБИРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ.

Сибирь... К ее необъятным просторам, сказочным богатствам, славному прошлому и настоящему, к людям, осваивающим эти края, обращались и обращаются выдающиеся ученые и писатели, политические деятели и обыкновенные, простые труженики.

Край суровый, героический, советский...

С некоторыми письмами о Сибири и из Сибири, высказываниями об этом великом крае редакция знакомит наших читателей.

«Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном».

М. В. ЛОМОНОСОВ. 1763 г.

«Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега и везде, где оседали усталые кучки в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана... Россия растет по совсем иному закону, потому что она имеет ядро; это не эмигрирующая колония, а народ, который прочно укрепился на своей территории и распространяется во все стороны, не отрываясь от своего центра».

А. И. ГЕРЦЕН. 1854 г.

«Сибирь, имея в одном уезде 21 тысячу хлебопашцев поместных, улучшит достояния недвижимые, и возведет их в высшую ценность, трудом собственоручных хозяев. Тогда только заведется травосеяние, хлебопашество и росчение лесов. Тогда только увидят рощи лип и пчел, сады яблоней и вишневых деревьев, вместо нынешних кустарников».

П. А. СЛОВЦОВ. 1834 г.

«Оставить Сибирь — это самая мучительная мысль в те часы, когда сердце мое добро, чувства согласуются с природою и обманчивые призраки, как сон, исчезают. Нет, мой милой, мне не легко оставить Сибирь; ежели я когда-нибудь вынужден буду перешагнуть через Урал с той мыслию, что никогда уже не увижу седые верхи этого исполнена, поверь мне, я обольюсь слезами и навсегда расстанусь с добрым покоем — с самою надеждою...

Родимая сторона образует наши привычки, склонности и образ мыслей; каждый предмет нам что-нибудь напоминает».

Г. С. БАТЕНЬКОВ. Тобольск, 1817 г.

«Сама природа указала Сибири средство существования и ключи промышленности. Схороня в горах ее множество металлов и цветных камней, дав ей обилие вод и лесов, но, между тем, заградив ее от Европы, она явно дает знать, что Сибирь должна быть страной фабрик и заводов».

A. A. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ.
После 1829 г.

**«Какая цель! Пустыни, степи
Лучом гражданства озарить,
Разрушить умственные цепи
И человека сотворить;
Раскрыть покров
Небес полночных,
Богатства выпросить у гор
И через кристаллы
Вод восточных
На дно морское кинуть взор,
Подслушать тайные сказанья
Лесов дремучих, скал седых
И вырвать древние преданья
Из уст курганов гробовых;
Воздвигнуть падшие народы,
Гранитну летопись прочесть
И в славу витязей свободы
Колосс подоблачный
Вознесть...»**

P. P. ЕРШОВ. 1835 г.

**«Я вновь способен стал
Для радостных усилий,
Для благотворного труда.
Я здесь помолодел,
Я вышел из могилы...»**

B. КЮХЕЛЬБЕКЕР,
4 марта 1846 г., Ялуторовск.

«По сибирскому тракту, от Тюмени до Томска, нет ни поселков, ни хуторов, а одни только большие села, отстоящие одно от другого на 20, 25 и даже 40 верст. Усадеб по дороге не встречается, так как помещиков здесь нет; не увидите вы ни фабрик, ни мельниц, ни постолях дворов... Единственно, что по пути напоминает о человеке, это телеграфные проволоки, заывающие под ветер, да верстовые столбы...»

...Боже мой, как богата Россия хорошими людьми! Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, и если бы не чиновники, разращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы богатейшей и счастливейшей землей».

A. P. ЧЕХОВ. 1890 г.

«Цвет сибирской мысли и составляют именно те сибиряки, которые видят в Сибири особую часть света, которые и печатно и на словах заявляют свой местный патриотизм и представляют собой именно ту прогрессивную силу, ради которой совершается на месте хоть какое-нибудь движение вперед».

H. B. ШЕЛГУНОВ. 1862 г.
Продолжение на стр. 17.

нем снимали документальный фильм. Полнометражный, для показа по Центральному телевидению... В цвете шел день сегодняшний и перемежался черно-белой хроникой разных времен, старыми фотографиями. Старик то сам вспоминал былое, то рассказывал о нем другие, и складывалась на экране огромная судьба.

Конец прошлого века, начало нынешнего—первая мировая война, крестьяне в грязных шинелях, окопы, ряды проволочных заграждений, кусты снарядных взрывов... Было, все это было в долгой его жизни—и окопы, и плен, и русская фракция Германской компартии. Было возвращение домой из-за тридевятых земель, разруха, гражданская... Нет, не вехи российской истории—его биография, в которую тоже вплывались и коллективизация и кружок, где шадринские мужики учились «по-культурному сеять хлеб-пшеницу» и не замечали, как их земляк, недавний солдат Терентий Мальцев постепенно становится грамотеем и их учителем.

Вся жизнь, все детали ее в фильме излагались добросовестно. Посмотрев его, во время обсуждения славная девушка потом растроганно скажет, что, будь это возможно, она отдала бы свою жизнь, лишь бы продлилась как можно дольше жизнь, увиденная ею на экране.

Но это потом. А когда фильм был отснят и вчерне смонтирован, его решили показать старику. Он смотрел ленту, не зная, что его продолжают при этом снимать. Смотрел на экран и с трудом проглатывал комок в горле: «Не то, не то...» Киношники же ликовали: «Вот они, самые яркие кадры. Человек перед камерой осмысливает прожитое».

А фильм, многократно затем похваленный—и похваленный справедливо,—был действительно не про то, чем жил старик. Лента отражала лишь внешнюю сторону его долгой биографии, сторону, которую иногда он уже не очень-то и помнил, которой не придавал особого значения, и не раскрывала его мучительных раздумий, борения, поисков и, наконец, главной находки, ставшей смыслом его существования.

Терентия Мальцева глубоко почитали еще до войны, как знающего полевода, колхозного опытника. Максим Горький считал его талантливым самородком. Еще бы, по памяти цитирует Гесиода и Плиния, знает Болотова и Грачева, не пропустил ни одной мичуринской строчки, штудирует институтские учебники по земледелию... В сороковых годах было принято решение создать в шадринском колхозе «Заветы Ленина» опытную станцию и назначить директором ее Т. С. Мальцева. Отменные урожаи, показ достижений в Москве, старейший депутат Верховного Совета, Герой—теперь уже дважды—Социалистического Труда... Что может быть выше таких знаков признания? Кажется, ничего.

И все же слишком долго, а кое для кого и сейчас он остался опытом, полеводом, который в своих «Заветах Ленина» образцово хозяйствует. А вот почетный академик... Так это же не действительный член Академии, даже не член-корреспондент. Почетный—значит из уважения. Он же не профессор, не защищал докторской диссертации. Все верно, не защищал. Не доктор, не кандидат, нет даже агрономического диплома. В медицине такому не позволено было бы стать выше санитара, а возиться врачевать—захарь. Особенно если учесть, что даже в школе он не учился. Азбуку, чтение и письмо постиг сам по конфетным оберткам, большей частью подобранным на улице.

Конечно, при столь долгой жизни можно было получить и аттестат зрелости, и закончить даже не один факультет в Тимирязевке, и написать диссертации... Но диссертации писались—было время, чтобы опровергнуть его взгляды, а сейчас пишутся, чтобы убедительно выглядели положения, выдвинутые Мальцевым десятки лет назад.

Как же прав был Фредерик Жолио-Кюри, когда уже безнадежно больной писал о том, что часто мысль, которая нам кажется новой, своей, оригинальной, мы вдруг обнаруживаем у других авторов и от этого огорчаемся, опускаем руки, а тут бы радоваться—значит, нашупал верное направление, стал в ряд с другими мыслителями. Только вот мысль и действие—какая пропасть времени лежит между ними.

Мальцев берег это время, старался до предела спрессовать его самообразованием. Но и накопление знаний у него было творческим, свои зачеты и экзамены он сдавал не ради записи в матрикуле, а полю, людям, доверившимся ему в поисках все более лучших хлебов. Высокий, сухощавый, с резко очерченными линиями лба, бровей, носа, по-степному обветренный, он ничем не отличался и не отличается сейчас от полеводов старой закваски. Только вот взгляд пристальный, с прищуром, смотрит подолгу, не мигая. В большущем кармане пиджака смолоду носит книжки, как другие носят папиросы. Только этот, чуть что, не шарит коробок, чтобы закурить. Этот читает. Оттого и речь—то «один к одному» здешняя, то книжная, слегка старомодная. Эх, ему бы однажды собраться да прочитать цикл лекций об истории земледелия от шумеров и египтян до наших дней!

Не собирается, не прочитает. Некогда.

Некогда с тех самых пор, когда задался вопросом, который до него не задавал себе никто: а не обладают ли однолетние растения, такие, как, скажем, пшеница, рожь, овес, ячмень, способностью восстанавливать почвенное плодородие?

Вопрос, заданный себе шадринским мыслителем, казался абсурдным, ибо считалось незыблемым, как «дважды два», что пшеница, ячмень и другие однолетние растения разрушают структуру почвы, выносят из нее органические вещества, оставляя себе на будущее все меньше и меньше пищи.

Тем не менее Мальцев продолжал утверждать, что все растения, как многолетние, так и однолетние, оставляют в почве органического вещества больше, чем расходуют на снабжение себя питательными элементами. Его спрашивали: откуда, неужели дважды два—пять, на каких опытах держатся ваши доказательства?

Доказательства? Сам факт образования почвы. Из горной породы, из руляка, не содержащего органического вещества, в результате жизнедеятельности растений и микроорганизмов образовался чернозем. Он содержит до тысячи тонн органики на каждом гектаре. В девственной степи травы росли и отмирали, чтобы дать жизнь другим травам. Олень поедал

Земля—великое богатство народа.

терентий ма “оставить люд

траву, чтобы стать добычей волка, а когда одряхлевший бирюк падал, на его трупе пиршествовал стервятник и сам тоже кончал свои дни, однажды рухнув в траву из поднебесья. Какие же бесчисленные множества жизней перемолото для нас время в тучных пластиах чернозема! В каждой лепешке, куске сыра, в яблочке и в глотке вина спрессованы века и тысячелетия. В процессе смены бесчисленных поколений у травянистых растений — все равно, однолетних или многолетних — в естественных условиях выработалась способность расти и давать потомство на уплотненной почве, не имеющей ничего общего с тщательно взбитой («как пух») огородной грядкой. Природа-то не пахала!

Вот тут-то возник второй мальцевский вопрос: не вернее было бы нам внимательнее присмотреться к природе, возобновлять зеленый мир примерно так же, как возобновляла она, и не объяснять снижение урожаев какими-то особенностями однолетних растений, а неправильной агротехникой выращивания? Ответ, сформулированный Терентием Семеновичем, гласил: «Рассуждая таким образом, мы пришли к выводу, что ежегодно под каждую высеваемую культуру глубоко пахать почву нельзя, а нужно лишь проводить мелкое поверхностное лущение».

Что?! Не пахать?.. Так это же — выбросить отвальный плуг, тот самый плуг, который в свое время спас человечество, разогнал голод, как первая керосиновая лампа разогнала мрак.

И вот «...глубоко пахать почву нельзя, а нужно лишь проводить мелкое поверхностное лущение». Считает, что семена должны попасть на плотную влажную «постельку» и сверху укрыться «одеялом» из рыхлой сухой земли, перемешанной с отмирающими частями подрезанных дикими трав. «Этот слой будет довольно пористым, хорошо защищающим влагу от испарения и в то же время будет, как губка, пропускать к корням пшеницы дождевую воду и воздух».

Против чего замахнулся?

Не пахать! Но, оказывается, замахивались и до него. Еще в начале века агроном Е. И. Овсинский гневался: «Знаменитый Крупинский снарядами военного разрушения не принес столько вреда человечеству, сколько принесла фабрика плугов для глубокой вспашки». Американский фермер Эдвард Фолкнер в сороковых годах вторил Овсинскому.

По мнению Овсина, в девственных степях и в лесах, где человек не испортил почвы глубокой вспашкой, природа без чилийской селитры и суперфосфата производит такую обильную растительность, какой ни один поклонник глубокой вспашки создать не в состоянии.

Книги Овсина и Фолкнера имели одинаково шумный успех. Однаковыми оказались и судьбы этих идей: интерес к ним был перечеркнут недоброжелательной реакцией научных кругов.

Впрочем, Мальцев при всей своей информированности ничего не знал тогда об Овсинах. Фолкнеру ему написали из Америки, когда в жизнь начали входить слова «мальцевская система земледелия». «Забракованные» идеи Терентия Семеновича на своих полях реализовал не менее блестительно, чем Овсинский и Фолкнер. Уже в 1950 году колхоз «Заветы Ленина» на огромных пахотных массивах без единого килограмма удобрений получил пшеницы от 20 до 40 центнеров с гектара! В феврале 1954 года в «Заветах Ленина» состоялось Все-российское совещание передовиков сельского хозяйства, а в августе — совещание Всесоюзное. «Мальцевскую систему» придерживали, что называется, «по косточкам», разбирали учёные и практики. Их съехалось сюда почти тысяча человек.

Тогдашний директор НИИ земледелия в Алма-Ате А. И. Бараев сказал здесь пророческие слова: «Исследования Т. С. Мальцева и полученные им результаты уже в настоящее время

дают основание к широкому внедрению новой системы обработки почвы не только в Курганской области, но и в областях с другими почвенно-климатическими условиями».

Два совещания, поток публикаций... А потом затишье. Еще через некоторое время из разных мест пошли справки, смысл которых сводился к тому, что в наших-де условиях система, предложенная Т. С. Мальцевым, не показала достоверных преимуществ перед общепринятой агротехникой, применяемой передовыми колхозами и совхозами. Поступила такая справка и с Полтавской опытной станции. Но об этом ниже.

Нет, его не опровергали — результаты-то были налицо, — просто все сводилось к тому, что «мальцевская система» годится для самого Мальцева. Надломился ли искатель? Согнулся? Нет. Даже больной, он написал из больницы:

«Если мы целинные земли будем разрабатывать плугами с отвалом, а потом каждый год их снова будем пахать с оборотом пласта, то, по правде говоря, скоро мы эти новые земли превратим в старые». Между тем в необозримых степях Востока уже зарождалась, росла исподволь беда. Целина! Успехи первых лет ее освоения были огромны. Плодородие, веками колившееся под седым ковылем, обрашивалось астрономическими цифрами пудов, центнеров, тонн тяжеловесной, отливающей янтарным цветом пшеницы. Это, разумеется, не могло не радовать. Но плуг все кромсал и кромсал землю. И наступила расплата. Черные бури начали собирать свою дань. Пыльная мгла заслоняла солнце, повисала над степью, над сибирской тайгой. Закрывались аэропорты, по дорогам, заваленным черными сугробами, ездили днем с включенными фарами...

А. И. Бараеву, тогдашнему начальнику краевого управления сельского хозяйства Целинского края, Ф. Т. Моргуну и некоторым другим специалистам пришлось ехать за ответом на вопрос «Как быть?» в Канаду и высушивать примерно то же, что не уставал повторять Мальцев. С той лишь разницей, что Терентий Семенович пользовался довольно-таки примитивными орудиями собственной конструкции, а канадцы показывали тщательно отработанную заводскую технику. Творчески переосмыслившая, она появилась вскоре и у нас. На востоке страны не пашутся уже миллионы и миллионы гектаров.

И все-таки «мистер Морган», как называли в Канаде Федора Трофимовича Моргуна, больше поражался мудрости Мальцева, многократно раздумывал над формулой, которую изложил ему шадринский мыслитель: обработанная дисковым лущильником почва хорошо впитывает влагу выпадающих осадков, отлично сохраняет ее от бесполезного испарения. Вместе с тем в этом тонком разрыхленном слое происходит разложение органического вещества — готовится пища для растений; в результате плодородие должно не падать с повышением урожаев, а нарастать.

— Так это же получается, что дважды два не четыре, а пять?

— Вроде того, — улыбнулся одними глазами Мальцев.

Сейчас Федор Трофимович Моргун — первый секретарь Полтавского обкома партии, Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС. Кроме того, он писатель, учёный.

Вернувшись на Полтавщину, он проанализировал со специалистами итоги хозяйствования на земле за два десятилетия.

— Никогда не забуду встречу с первым секретарем одного из райкомов, — рассказывал мне недавно Ф. Т. Моргун. — Когда-то мы вместе учились в институте, слушали лекции одних и тех же профессоров. На этот раз встретились в поле, где убирали горох. Я начал советовать товарищу уговорить председателя оставить гороховище непаханным. Разъехались мы, как мне показалось, договорившись. Незадолго до

сева еще раз завернул на это поле и увидел его обезображенными сухими неподъемными глыбами. Схватился за голову! В Диканьском районе такая же картина. Что делать? В области 25 районов, почти полтысячи колхозов и совхозов — везде не побываешь, не проследишь... Посмотрел, подумал и на следующий день собрал на это поле всех агрономов области, председателей колхозов, директоров совхозов, секретарей райкомов, работников областных учреждений. В качестве трибуны выбрал самую большую глыбу, взобрался на нее...

И лед тронулся!

В нынешнем году мы будем собирать урожай на непаханой земле с площади в 500 тысяч гектаров. Мы не пашем сейчас многие поля не только под озимую пшеницу, но и под яровой ячмень, кукурузу, которая идет на зеленый корм. А сейчас ищем пути, чтобы не пахать и под другие яровые культуры.

...Я слушал Федора Трофимовича и думал: вот она, концовка фильма о Мальцеве, которой бы порадовался старик. Идет дело, идет. Да еще как!

«Мальцевская система» уже давно дает отменные результаты не только в колхозе «Заветы Ленина». А как говорил на июльском Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежnev, «главный критерий всей хозяйственной деятельности — это конечные результаты».

Терентий Семенович не раз повторял:

— Я обязан передать ниву еще щедрой своему сыну. Нас-то становится все больше. Но при этом сын должен знать больше меня, внука — стать еще образованней.

Мы ввели уже обязательное среднее образование не только в городе, но и в селе, стали бесплатными учебники, а комсомолу говорят: больше занимайтесь самообразованием. И это верно! Информация, которой обладает выпускник института, обновляется у инженеров за пять лет. Значит, непрерывно переучиваются. А легче ли в земледелии? Нет, еще трудней. Человек имеет здесь дело с живой природой. Далеко не все каноны ее вечны. Их надо, конечно, знать, но в ходе практики критически переосмысливать, иметь на все свой взгляд.

Мальцев! Крестьянин и академик, его опыт и его жизнь привлекают сейчас все больше внимания не только учёных и хлеборобов, но и тех, кто еще только собирается посвятить свою жизнь земле, — нынешних школьников. Они приезжают в «Заветы Ленина» из самых разных уголков страны, чтобы посмотреть на труды народного академика. У него есть книги, но своими главными научными трудами он все же считает не книги, а янтарный колос, выращенный на суровой земле, и саму землю, над которой никогда не поднимутся черные бури.

Ему доводилось скрещивать шлаги с самыми известными теоретиками в области земледелия. И не всегда он выходил победителем из этих поединков. Но и побежденным не был. Потому что никогда не отступал от того, во что верил, к чему пришел через множество опытов. Его знания — действительно ЕГО наука, добытая им самим.

Он часто встречается с современной молодежью, знающей порой о физике или, например, об астрономии больше народного академика. По учебникам нынешние молодые люди изучили немало. Но учебник жизни Мальцева, его нравственные уроки не похожи на школьную хрестоматию. Его учебник — это земля, которую он знает и любит и которую хочет сделать краше, щедрее, здоровее. Ибо от ее здоровья, а в равной степени и от знаний будущих хлеборобов зависит традиционный русский каравай. Мальцев не устает передавать свой опыт и свои знания многочисленным ученикам. Он учит и учится одновременно. И в этой огромной непрекращающейся жажде познания — огромный нравственный урок крестьянина, человека от сохи и академика Терентия Семеновича Мальцева.

— Не я придумал слова «мальцевская система», далек от мысли утверждать, что она универсальна. Более того, я говорил и говорю: опровергайте меня, но грамотно ведите опыты, и тогда у вас будет ваша система. Если у нас есть по яблоку и мы поменяемся ими, то каждый так и останется с одним яблоком. Если у меня есть идея и у вас есть идея, то, поменявшились ими, мы окажемся обладателями двух идей каждый.

Терентий Семенович богат идеями. Он готов поделиться ими с каждым агрономом, с каждым колхозником, с каждым человеком на земле.

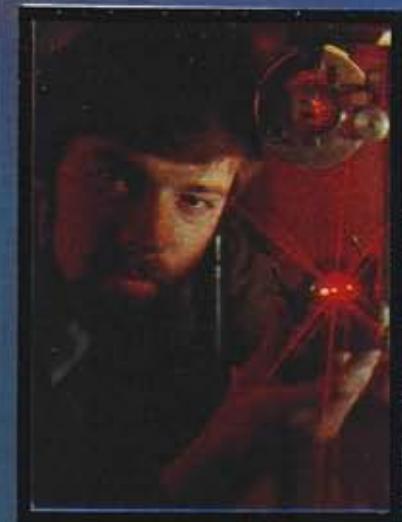
Анатолий ИВАЩЕНКО

смена 15

Комсомольскую заботу ей!

ЛЫЦЕВ:
ЯМ ЩЕДРУЮ ЗЕМЛЮ"

СКВАНИЕ О СИБИРИ

ЯМАЛ ВСТРЕЧАЕТ «АРКТИКУ»

Западная Сибирь... Она осияна именами Радищева и декабристов—борцов за свободу... Кюхельбекер, Якушин, Муравьев-Апостол, Пущин, Басаргин—их имена свято чтут в Сибири, и одним из многочисленных проявлений этой любви служит музей декабристов на юге Тюменской области, в Ялуторовске. Но даже они, люди дерзких идеалов, не могли представить себе того, что составляет сегодняшний день Западной Сибири.

На северную оконечность огромного материка освоения, на Ямал, сквозь столетние льды идет атомный ледокол «Арктика»—судно, сфокусированное в себе высшие и глубочайшие достижения научно-технического прогресса. Весь огромный Советский Союз помогает своим сыновьям, работающим на Севере. Оттого у северян—и приехавших из

разных краев Отечества и у коренных жителей Западной Сибири—настроение боевое, радостное... Приласкать ребенка, пошутить—это здесь в обычае.

Западная Сибирь сегодня—это край современной науки. Знаменитый Академгородок под Новосибирском обрел не менее замечательных сподвижников, например, под Томском, где в нескольких институтах ученые проникают в тайны материи.

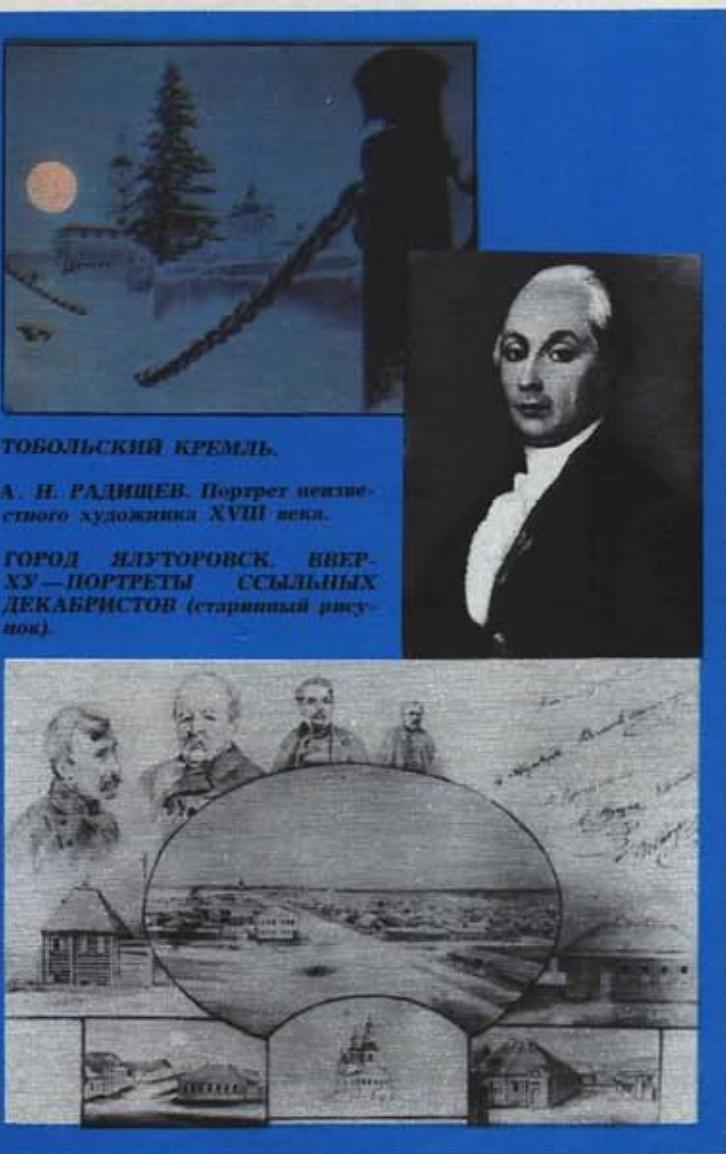
Шаг Западной Сибири в завтра, в будущее—целеустремлен и многоизначен, как многозначен и целеустремлен облик сегодняшнего сибиряка, человека делового, высокопрофессионального, душевного и широкого.

Человека, который, приближая будущее, не забывает ни крупицы из своей истории, славной истории Сибири...

СИБИРЯКИ.

С ПОМОЩЬЮ СВЕТОВОГО ЛОКАТОРА—ЛИДАРА—МОЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ ПРОЗРАЧНОСТЬ АТМОСФЕРЫ. ЕЕ ЧИСТОТУ.

ЗЕМЛЯ СИБИРСКОЙ

ТОВОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ.

А. И. РАДИШЕВ. Портрет неизвестного художника XVIII века.

ГОРОД ЯЛУТОРОВСК. ВВЕРХУ — ПОРТРЕТЫ ССЫЛЬНЫХ ДЕКАБРИСТОВ (старинный рисунок).

«Никакая реформа немыслима в стране, ежели не будет в ней деятелей, способствующих ей... Кто знает, сколько богатств мы найдем в земле нашей? Нам нужны теперь и сельские хозяева, для создания более рационального хлебопашства, нам нужны и минерологи и геологи, для открытия минералогических богатств, нам нужны технологии для создания правильной заводской и фабричной промышленности, нам нужны географы, статистики, зоологи и ботаники! А где они у нас? Только образование и создаст их! Ни политическое, ни экономическое процветание не будет доступно стране, в особенности стране молодой, как Сибирь, без умственного развития, потому что величайшим двигателем всей человеческой истории было знание. Без знания нет богатой страны, без знания нет свободной страны, без знания нет счастливой страны! Все это доказывает, что нам необходим университет, необходим как можно скорее, необходим сейчас, даже сию минуту, если бы его можно было создать в одну минуту!»

Н. М. ЯДРИНЦЕВ. 1863 г.

«Приветствовать сибиряков — это значит почувствовать и сказать что-то очень мужественное и созидательное. Понятие сына Сибири есть зов труда и познавание тех действительно неисчерпаемо прекрасных сокровищ, которыми наполнена эта страна глубокого прошлого и счастливого будущего.

Во всех странах, где пришлось побывать, никто ни на минуту не смущался понять все великое, еще несказуемое значение Сибири».

Н. К. РЕРИХ, 1926 г.

«Выросши в холодной Сибири, постоянно с величайшим вниманием следя за описаниями путешествий... я получил полное убеждение в возможности решительной победы над полярными льдами...»

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ.

«Русский народ без помощи государства захватил и присоединил к Москве огромную Сибирь руками Ермака и понизовой вольницы, беглой от бояр. Он в лице Дежнева, Хабарова и массы других землепроходцев открывал новые места, проливы, — на свой счет, на свой страх... Этим народом сделано много дела, у него большая история».

М. ГОРЬКИЙ, 1896 г.

«С проведением железной дороги в Сибири и возникновением социал-демократических комитетов рабочее движение здесь растет и растет и из стихийного начинает уже превращаться в более организованное, сознательное».

«Искра», № 30, 1902 г.

«Я вообще терпеть не могу неизвестности и бесплодного ожидания,—брожу из угла в угол, а готовое к услугам воображение расстилает передо мной заманчивую сибирскую природу, в лоне которой скоро предстоит очутиться. Картины восхитительны—без смеха. Куда бы ни послали—будет река. Не Обь, так Енисей или Лена—все многоводны, а мне большего и не требуется, как истому волгарю».

Я. М. СВЕРДЛОВ. 1911 г.

«Тянулась нить дней сумрачных, пустых,
Но мысль о вас, о милых
и родных,
Тоску гнала, улыбка
расцветала,
И радость бодрая по камере
витала.
Мы светло грезили о счастье
дней былых...

Мы в путь пошли под звуки
кандалов,
Но мысль бодра, и дух наш вне
оков;
Когда увидели мы лица дорогие,
Заботы милые, улыбки
молодые,
Веселый смех и ласку милых
слов.
И там, вдали, в снегах страны
чужой,
Ваш образ милый, бодрый,
дорогой
Растопит лед суровой, злой
неволи
И воскресит мечту о светлой,
гордой доле.
О днях грядущего, наполненных
борьбой».

В. В. КУЙБЫШЕВ, 1916 г.
По дороге в Турухансскую ссылку.

«Согласно поручению ЦК нашей партии я объехал некоторые местности Сибири. Был в Тайге, на Анжерских и Судженских копях и, наконец, как первый кандидат по списку большевиков в Учредительное собрание, приехал в г. Омск. Здесь мне повезло. Сделал ряд докладов в полках, всюду наши резолюции воспринимались с воодушевлением... За Сибирь мы ручаемся».

В. М. КОСАРЕВ, председатель Совета солдатских депутатов Томского гарнизона,—Я. М. Свердлову. Декабрь 1917 г.

Продолжение на стр. 21.

запах металла в Новокузнецке настолько сильный, что его можно уловить в трамвае и в магазине, в номере гостиницы и даже в ложе театра. Единственное, пожалуй, место в городе, где господство его не ощущается столб безраздельно,—это большой и красивый бассейн с фонтаном на Театральной площади, струи которого в летний зной приятно освежают пространство и воздух вокруг. Вот здесь-то, прямо перед драмтеатром, на площадке вокруг фонтана, и мечтает Саша Репин в недалеком будущем поставить музыкальный спектакль-феерию «Гадкий утенок».

У Саши Репина, преподавателя ГПТУ № 67 города Новокузнецка и студента-заочника Кемеровского института культуры, есть друг—Виктор Большев, студент Сибирского металлургического института. Это он, страстный любитель гитары, сочинил песню про андерсеновского утенка, на музыку которой и собирается поставить спектакль Саша. Может быть, это будет его дипломная работа, может быть, он задумал ее просто для полноты ощущения жизни. Во всяком случае, пока это только мечта двух энтузиастов, двух молодых людей, страстно влюбленных в музыку и театр. Очень хочется надеяться, что мечте этой когда-нибудь суждено будет стать реальностью, потому что Сашу и Виктора горячо поддерживают и готовы хоть сейчас начать репетиции их друзья—члены «Клуба любителей гитары».

Так получилось, что, приехав в Новокузнецк с заданием написать очередное «Письмо» о том, как комсомольские организации районного звена организуют свободное время молодежи, я застал научно-практическую конференцию на эту тему. Был, как полагается, основной доклад, освещавший проблемы совершенствования работы комсомола в этом направлении, вытекающие из решений XVIII съезда ВЛКСМ, были содергательные выступления руководителей различных учреждений, ответственных за культуру и эстетическое воспитание молодежи. Все говорили о том, что надо удвоить, утроить усилия, улучшить качественный подход к организации свободного времени и досуга молодежи, искать и находить новые, более современные формы этой работы. Короче, уходил я с конференции с явным ощущением, что проблемы, связанные с повышением культурного уровня и совершенствованием духовного мира молодых новокузнецан, волнуют широкую общественность.

Раз волнуют, думал я, значит, должны неизбежно выливаться в практические шаги. С намерением узнать о них, познакомиться с проблемой не только теоретически, но и в реальной жизни я направился на следующий день в Центральный райком комсомола Новокузнецка, деятельность которого по организации свободного времени молодежи не раз приводилась в пример на конференции.

Делюсь своими впечатлениями «свежего человека» с работниками райкома: первым секретарем Юрием Учителем, секретарем, ведающим вопросами идеологии, Виктором Фединым, инструктором отдела пропаганды, непосредственно занимающимся отдыхом молодежи, Тамарой Бойко.

Довольно быстро они набрасывают передо мной крупномасштабную картину культурной жизни своего района, самого, кстати, большого в городе по количеству работающей молодежи. Сегодня, рассказывают они, в районе 9 домов культуры, 21 клуб объединяет молодежь по интересам, подростки имеют 18 клубов и кружков по месту жительства, в 129 коллективах художественной самодеятельности занимаются почти шесть тысяч юношей и девушек.

Это только в одном районе. А что может предложить молодым своим жителям в качестве духовной пищи сам большой промышленный город Новокузнецк? Во-первых, библиотека, не уступающая по богатству фондов библиотекам других городов России. Затем драмтеатр, в репертуаре которого спектакли на все вкусы и возрасты. Не редкость и гастролеры: с Украины, из сибирских театров, из Москвы; как раз в те дни Новокузнецк восхищали своим искусством «моисеевцы». Ну и, конечно, кино и дома культуры с народными театрами и самодеятельными коллективами.

Возможности организации досуга и отдыха молодежи у райкома комсомола, вижу, обширные. И сами райкомовцы не скрывают на подробное перечисление всех тех лекций и семинаров для ответственных за культурную работу в комитетах комсомола, на которых обучали их методам организации интересного и полезного досуга молодежи.

Письма из райкома

Борис ДАНЮШЕВСКИЙ

Чтобы не казались

Когда же работники райкома после одного из семинарских занятий сами поприсутствовали на вечере, устроенном, что называется, «по теории», где муки и те дохли от скучи, было решено принять срочные меры, дабы вечера отдыха в других коллективах не постигла та же участь. Собрали внеочередное бюро, на котором решили силами работников аппарата райкома и членов РК провести показательный вечер.

Пригласительный билет на этот праздник отдыха у меня хранился до сих пор. В нем написано: «Замотанный тысячечный неотложных дел, постоянно спешащий, обещающий, выполняющий, одним словом, суетящийся активист, остановись и вспомни народную мудрость: «Делу время — потехе час». А вспомни это, иди к нам на вечер отдыха, в программе которого тираж суперплоттерии «Сprint», экспромты и импровизации, конкурс комсомольской песни, выборы «комсомольской богини-78» и масса других интересных номеров».

Этот вечер, прошедший, как говорили многие, с большим успехом, показал всем, чего может добиться райком в таком организационно нелегком деле, как отдых молодежи, если будет настойчиво реализовывать свои идеи, проявлять изобретательность и выдумку.

Райкомовские работники научились составлять интересные планы. Придумывают новые формы культурно-массовой работы среди разных категорий молодежи. Все это хорошо и необходимо. Однако к самому делу — полезному досугу юношей и девушек—все это не будет иметь никакого отношения, если райком не привлечет к этой работе ребят, которые увидят в ней не службу, а творчество. Тут нужно признание, еще лучше талант. Талант человека, умеющего сплотить вокруг себя массы, найти единомышленников, тоже, кстати, не страдающих избытком свободного времени.

К части работников райкома, они нашли таких талантливых людей в лице Ларисы Клыковой и Наташи Червоткиной — сотрудников музыкального отдела библиотеки. Половина абонентов их отдела — подростки, интересующиеся музыкой для гитары.

— Гитара в последние годы стала своеобразным символом музыкальной увлеченности 14—18-летних, — рассказывают девушки. — Только, к сожалению, удовлетворить эту свою увлеченность ребята могут чаще всего во дворе или в подъезде дома. Видели, сидят на лавочке или на подоконнике, треняют на гитаре? Вот мы и решили привлечь всех, кто увлекается этим инструментом, в «Клуб любителей гитары».

Вместе с Тамарой Бойко, которая горячо взялась за организацию клуба, обзвонили комитеты комсомола, дали объявление в газете. Одно обязательное условие было выдвинуто перед желающими стать членами клуба: чтобы не быть зрителем, а непременно участником, ибо зрители возможны в театре, а не в молодежном клубе.

В отличие от других клубов по интересам, которые подчас превращаются самими организаторами в стандартный лекционный, а потому быстро распадаются, «Клуб любителей гитары» завоевал в городе популярность, и, судя по всему, надолго, хоть и насчитывает в своем активе всего 35—40 человек.

Содержание работы клуба не вызывает ни у кого ни споров, ни опасений. Но вот материальное обеспечение... Лариса и Наташа в один голос жаловались, что их отделу катастрофически не хватает нотной литературы, крайний дефицит ощущается и в пластинках с записями современной классической и эстрадной музыки для гитары. Все это, естественно, не может не сказываться на престиже клуба среди его членов, особенно самых юных.

Клуб уже набрал силу, заявил о себе, теперь только надо его поддержать, и сделать это должен в первую очередь райком комсомола...

Как максимально полно и творчески использовать свободное время, как помочь каждому молодому человеку раскрыть свое дарование, свои таланты, как воспитать гармонически развитого человека завтрашнего дня — эти вопросы XVIII съезд ВЛКСМ выдвинул перед всеми комсомольскими организациями страны. Выдвинул наравне с другими важнейшими политическими и организационными задачами, которые призваны ежедневно решать Ленинский комсомол.

Столь большое внимание, которое сегодня уделяется у нас в стране вопросам грамотного, полезного проведения свободного времени, понятно. Свободное время, как заметил

Комсомол и свободное время молодежи

вечер зася ным

К. Маркс.— одно из мерил общественного богатства. И богатство это нам всем не только нужно, но и необходимо тратить. Но тратить с умом...

Женское общежитие Кузнецкого металлургического комбината выходит своими окнами на главную— Театральную площадь города. Народа в общежитии полно: одни девушки прихорашиваются, куда-то уходят, другие со скучающим видом бродят из комнаты в комнату или просто садятся на подоконник и смотрят на толпу, собирающуюся у фонтана на площади.

Многие девушки приехали из близлежащих к Новокузнецку поселков и пошли работать кто на Запсиб с его гигантским разворотом цехов и людских характеров, кто на солидный по возрасту КМК— предприятия, которые звали своей романтикой, историей, наилучшими условиями труда и учения.

Задаю девушкам вопрос: а что вы узнали, увидели интересного и полезного после работы, в часы досуга? Вот с духовной жизнью, считают, не все пока в порядке. Спрашиваю: «А что вас конкретно не устраивает?»

Галия Питаева. «Я уже пятый год здесь живу. Скучно у нас, молодежи, кроме кино и танцев, некуда пойти. Я стихи очень люблю, с удовольствием бы послушала поэта, только к нам уже месяцев пять никто не привезкал».

Надя Сутягина. «У нас в общежитии есть клуб интересных встреч «Сверстница». Если действительно интересный человек придет, так хоть до полуночи будем сидеть и слушать, спать никто не уйдет. А чаще всего вечера какие-то неинтересные, незапоминающиеся».

Алла Новикова. «В комбинатском дворце «Витязь» есть отличный спортзал. Раньше мы с девочками в волейбол там играли, а потом нам отказали. Поэтому придется с работы, поболтавши с девчонками— глядишь, и вечера нет».

Из всех этих ответов становится ясно, что те вечера и лекции, которые устраивает совет общежития, организуются без учета интересов и запросов жильцов. Потому они и отвели себе роль пассивных потребителей очередного «мероприятия».

Хорошо бы послушать лекцию кулинара или повара о том, как приготовить вкусный обед, как красиво сервировать стол,— услышал я от Нади Марковой, занятой в те дни подготовкой к свадьбе.

— Так зачем же дело стало?— спросил я девушку.— Возьмите и пригласите шеф-повара из любого ресторана...

— Да вы знаете, хлопотное это дело. С чего начать— неизвестно, да и кто этим будет заниматься?— поникшим голосом ответила мне Надя.

С чего начать и кто этим будет заниматься? Думаю, девушки, начать надо с себя. Само-то вы что же? Поговорили бы с воспитательницей, подали бы идею. Поговорили бы с членами совета общежития, личный пример и инициативу показали бы. Ведь не все же ждат, когда какие-то дяди и тети придут и ваш досуг организуют. Попробуйте и сами что-то сделать!

В тот же воскресенье день я разговаривал с молодыми рабочими из общежития № 4, провел своеобразное мини-анкетирование их отдыха и вот какие ответы услышал.

Анатолий Наумов, электросварщик: «Долго спал сегодня, днем пойду в кино, а вечером мне на работу». Володя Наумов, его младший брат, учащийся ПТУ: «Телевизор посмотрю». Александр Вагайцев, дежурный электрик: «Как обычно, в кино или в парк «Металлург» пойду».

Что ж, в свободное время человек волен выбирать себе занятие по вкусу и по душе. Но не забываем ли мы, что наш образ жизни в немалой степени характеризуется сегодня тем, как мы проводим свой досуг? Уже и известную всем формулу перефразировали: «Скажи, как ты проводишь свободное время, и все будут знать, кто ты».

То, что большую часть свободного времени молодые рабочие проводят в кино или у телевизора, не было откровением. Кино любят все, да и доступно оно больше, чем другие виды искусства. Как, впрочем, и театр, расположенный через дорогу от общежития. Но в театр ходят почему-то неохотно, хотя билеты можно приобрести свободно. Даже выступления ансамбля танца Игоря Моисеева не привлекли никого, с кем довелось говорить.

А вот художественную литературу читают все, много и увлеченно: книги переходят из рук в руки, на иные— детективы и фантастику— даже очередь устанавливают. Спортом регулярно занимаются единицы, кружки в Доме культуры тоже посещают неохотно. Зато импровизированный концерт в Зенковском парке или на берегу реки Кондома притягивает

молодежь сильнее, чем вечер отдыха в красном уголке. Потому что там, в парке, на реке, и весело, и непринужденно, и интересно, и красиво. Там можно просто отдохнуть с песнями, играми и шутками. То есть получить ту эмоциональную разрядку, которая невозможна ни на производстве, ни в общежитии после работы.

Неиспользованных возможностей у комитетов комсомола, у райкома в деле организации досуга молодежи, проживающей в общежитиях, много. И хорошо, что райкомовцы видят здесь и свои упущения и недоработки. Когда после моего воскресного «похода» по общежитиям мы вместе обсуждали их проблемы, то пришли к единодушному выводу, что прежде всего надо постараться расширить сферу культурного общения рабочих с другими категориями молодежи: студентами и творческой интеллигенцией. Так, молодые архитекторы из «Кузбассгражданпроекта» могли бы организовать в рабочем общежитии выставку своих проектов и рассказать об участии (и довольно плодотворном!) во всесоюзных и республиканских конкурсах. Во многих жилых комнатах, я заметил, ребята украшают стены собственными рисунками и картинами— явное желание облагородить свое жилище. Но какие эти «творения» неумелые и аляповатые? Предложил ли кто-нибудь ребятам кружок рисования? Нет. А жаль, стремление к прекрасному у них налицо, и хорошо бы, чтобы направляла его рука человека с точно развитым эстетическим вкусом. Уверен, не стал бы тогда Юра Кобзев рисовать сомнительных красавок или выжигать по дереву белых лебедей...

Многие, с кем я говорил в тот день, хотели бы услышать или увидеть кого-то интересного, с кем-то поговорить, то есть побывать в эти несколько свободных от других дел часов в атмосфере живого, непринужденного общения. Культурно-массовая программа общежития ему, к сожалению, подобную форму отдыха каждый день предложить не может.

Зато горком комсомола оказался в силах организовать такое «мероприятие», которое сразу стало популярным у всех горожан. Речь идет о новокузнецкой дискотеке.

Что же это такое— дискотека? Если изложить ее суть кратко, то это кафе с танцплощадкой, с веселым и добродушным хозяином вечера и набором магнитофонных записей, усиленных стереофонической аппаратурой. Хозяин вечера, пригласив вас после танцев выпить с друзьями чашечку кофе, обязательно должен предложить и какую-то развлекательную программу. Ну, к примеру, рассказ о новостях музыкальной жизни нашей или одной из зарубежных стран, усиленных стереофонической аппаратурой. Хозяин вечера, пригласив вас после танцев выпить с друзьями чашечку кофе, обязательно должен предложить и какую-то развлекательную программу. Ну, к примеру, рассказ о новостях музыкальной жизни нашей или одной из зарубежных стран, затем короткий «мультик»— лучше на музыкальную тему!— далее стремительно разыгранный конкурс на знание музыкальных инструментов, после этого рассказ о музыке кино, сопровождаемый показом слайдов, и, наконец, снова танцы. Короче говоря, программа, настраивающая гостей на приятный отдых и создающая у них хорошее настроение.

Новокузнецкая дискотека родилась осенью прошлого года, когда ее главный организатор референт городского отделения КМО Валерий Герш представил собравшимся в кафе «Юность» первого гостя. Им стал Дамир Сафин, молодой архитектор из «Кузбассгражданпроекта», кстати, один из активнейших помощников райкома в организации комсомольских вечеров и праздников. Устроители дискотеки, зная, что Дамир только что побывал в зарубежной туристской поездке и сделал там большое количество слайдов, пригласили его подготовить страничку «Путешествие по Греции». «Дискокей» Виктор Евстропов, инженер КМК и постоянный ведущий всех джазовых программ, подобрал записи греческой музыки. Дамир остроумно рассказал о древней стране Элладе, о ее потрясающих архитектурных памятниках и веселых, трудолюбивых людях. Программа той дискотеки удалась на славу. По многочисленным просьбам ее пришло еще несколько раз повторить. Желающих попасть в дискотеку оказалось гораздо больше, чем может вместить далеко не маленький зал кафе.

Из ответов на анкету «Смены», которая была распространена среди участников одной из дискотек, видно, что сегодня подобная форма отдыха наиболее популярна у молодежи. В дискотеку приходят, чтобы послушать музыку и отдохнуть. Многие, ответившие на анкету, полагают, что в дискотеке можно было бы уделить внимание и рассказу о тенденциях развития и направлениях молодежной моды, о новинках литературы. Не грех, как считают в основном девушки, повести разговор о манерах и умении держаться в обществе. И почти сто процентов опрошенных высказались за то, чтобы дискотека знакомила зрителей с творчеством художников— Врубеля, Айвазовского, Петрова-Водкина, поэтов— Антокольского, Есенина, Евтушенко, Рождественского...

Даже из этих ответов на анкету можно сделать вывод, что дискотека ни в коем случае не должна походить на обычный вечер отдыха с танцами. Это своеобразный молодежный клуб, в котором танцевальная музыка— лишь тот ритмический фон, на котором разворачивается интересная и разнообразная программа, позволяющая слушателям от вечера к вечеру повышать свой культурный и эстетический уровень, становиться чуточку богаче духовно.

Наверное, организаторам дискотеки следует еще подумать, все ли ее программы отвечают высоким требованиям сегодняшнего времени, запросам молодежной среды. И нет ли в городе площадки более интересной, чем зал кафе «Юность» с его огромными, открытыми дневному свету окнами. Но то, что дискотека, организованная и проводимая силами нескольких энтузиастов, стала популярной и еще выше подняла авторитет городской комсомольской организации у молодежи,— в этом сомневаться не приходится.

«...У меня совершенно нет свободного времени»,— согласи-

тель. эту фразу мы слышим довольно часто от знакомых нам людей. Бывает, в душе еще и пожалеем человека, который страдает от недостатка времени. А надо, по-моему, радоваться. Потому что человек этот, значит, живет наполненной, интересной жизнью и отды whole понимает исключительно как переключение с одного вида деятельности на другой.

Познакомился я с такими неугомонными людьми и в Новокузнецке. Дома их почти никогда не застанешь, но зато всегда встретишь либо на репетиции в клубе, либо на стадионе, либо в райкоме комсомола. Им никогда не бывает скучно— жизнь пролетает на одном вздохе, каждый новый день уплотнен и емок, как страница словаря Даля. Они не боятся напряжения времени, они всегда где-то и кому-то нужны, и к ним постоянно тянутся другие, близкие им по духу и устремлениям люди.

Молодые архитекторы из «Кузбассгражданпроекта» Валерий Файков, Рамиль Валиахметов и Дамир Сафин в свободное время с увлечением работают над проектами строительства мест отдыха молодежи города.

Архитектор тогда считает свою работу законченной, когда его проект превращается в жизнь.— делился со мной своими мыслями Дамир.— У нас в городе пока еще не хватает футбольных полей, зимой негде поставить хоккейную коробку. Вот мы спроектировали новый квартал города. Конечно, там будет и спортивная площадка и школа. Ее построят, обнесут высоким забором, и все. А она должна быть стоять, как это уже делается в Прибалтике, тем общественным центром микрорайона, где молодежь будет интересно проводить свободное время. По вечерам тут могут работать и кружки, и клубы по интересам, и молодежный кафе.

27-летний инженер-металлург Валерий Забелов, тренер по общественной профессии и педагог по призванию, организовал для дворовых мальчишек, которых еще совсем недавно мягко называли «неблагополучными», секцию регби. На тренировки ребята приходят как на праздник, потому что Валерий помогает им овладеть не только приемами и тактикой мужественной игры, но и знает почти все, чем интересуются ребята в этом возрасте. А интересуются они, кроме своего любимого регби, еще и фотографией, и музыкой, и техникой, и автоделом. Всему этому, и еще самому важному, наверное, в жизни предмету— быть Человеком учит их Валерий. И потому эти тридцать новокузнецких мальчишек не отстают от него ни на шаг.

И Дамир Сафин с друзьями, и Валерий Забелов, и многие другие молодые ребята, которых называл я в этом «Письме»— талантливые люди. Они опора райкома во всех его культурно-массовых начинаниях, его актив, его ценнейшие и незаменимые кадры. Потому что умеют находить в жизни интересное не только для себя, но и для других. Они не ждут, когда кто-то придет и устроит для них праздник открытия культурных ценностей. Они ищут и открывают их сами. И потому счастливы. А счастье, как сказал один мудрый человек, это когда утром хочется идти на работу, а вечером— домой.

В последний мой командировочный день мы собрались в горкоме для того, чтобы еще раз обсудить все те же вопросы свободного времени молодежи. Что же здесь удается райкому и что не удается? Свободного времени сейчас у людей много. К сожалению, не все умеют его использовать разумно. Об этом уже говорилось выше. Я не хотел бы укорять райкомовцев за то, что они находятся в неведении относительно форм работы по организации свободного времени молодежи. Но когда мы попытались еще раз проанализировать, все ли формы работы— а их великое разнообразие— используются работниками райкома и нуждается ли эта работа в совершенствовании, то пришли к единодушному выводу: да, нуждается. И первый шаг на этом пути— объединение, координация усилий райкома с организациями, по долгу службы занимающимися вопросами культурно-просветительской работы. Об этом четко и ясно сказано в Резолюции XVIII съезда ВЛКСМ.

Думать, искать, пробовать, создавать соответствующие условия для того, чтобы молодежь могла интересно проводить свой досуг и отдых,— такова одна из важнейших обязанностей комитетов комсомола и райкома. В этом деле все жанры хороши, кроме скучного. В силах райкома и его добровольных помощников превратить в настоящий праздник такие «мероприятия», как посвящение в рабочий класс, вручение паспортов, проводы в армию, встречу уже отслуживших ребят. Нуждается в продуманной, четкой системе массовый загородный отдых молодежи. В некоторых райкомах, к примеру, созданы и отлично себя зарекомендовали штабы выходного дня. Надо, наконец, добиться, чтобы при каждом комитете комсомола работала комиссия по культурно-эстетическому воспитанию. Но работала чтобы не напрасно: не изыскивала различные способы, как занять людям часы отдыха, а думала, как разбудить мысль, воспитать душу, как создать для молодого человека атмосферу интеллектуальной активности. Это трудная задача, и усилий здесь понадобится больше, чем просто провести очередное мероприятие. Но зато эти усилия окупятся во сто крат, дадут не только моральный, но и ощущимый материальный эффект, ибо от того, насколько разнообразны интересы молодежи, насколько высока ее культура и нравственность, зависят в конечном счете результаты ее труда на благо Родины...

Был последний вечер рабочей недели, когда я улетал из Новокузнецка. Тяжелый, горький залап металла все так же ощущался даже здесь, на аэродроме.

Когда мы прощались с Юрием Учителем, он сказал:

— Душно у нас в городе летом. Завтра всем аппаратом поедем на Кондому, надо отдохнуть перед рабочей неделей. Хорошо, подумал я, если вместе с райкомовцами за город отправятся и те ребята из рабочего общежития КМК, которые скучали в прошлый воскресенья день.

ДЕ

ОГНИ ЗАПСИБА.

«Наши войска неудержимо идут вперед.

Уже пройден Туринск, Ирбит, Камышлов, Далматов. Близко падение Тюмени, Шадринска и Кургана. За ними Омск.

Небывалое, невероятное свершила Красная Армия. Полтора месяца с боем, снимая с себя сапоги для удобства преследования противника, сделали маршманевр более семисот верст. Ни одна регулярная армия в истории не делала таких быстрых переходов».

Армейская газета «Красный набат». 1918 г.

«...По мере того, как начинается правильное использование наших естественных производительных сил, центр жизни нашей страны будет все более и более передвигаться, как это уже давно правильно отметил Д. И. Менделеев, на восток,—должно быть, в южную часть Западной Сибири. Россия во все большей и большей степени будет расти и развиваться за счет своей Азиатской части, таящей в себе едва затронутые зиждительные силы. Это должна всегда помнить здравая государственная политика, которая должна смотреть всегда вперед в будущее».

Академик В. И. ВЕРНАДСКИЙ. 1922 г.

«...Прошедший после I экономического совещания год работы доказал, что пролетариат и крестьянство Сибири сохранили свои старые революционные традиции. Выполнение продналога на 100%, вывоз хлеба и зерна в голодающие губернии показывают сознательность крестьянства и прежнюю герническую самоотверженность пролетариев транспорта...»

Телеграмма II-го сибирского экономического совещания В. И. ЛЕНИНУ от 1 июля 1922 г.

«История как бы нарочно говорит коммунистам: вот страна отсталая, неграмотная, нищая, разоренная, с громадным преобладанием непролетарских элементов—здесь надо строить социализм. Докажите, что даже при небывало трудных условиях мы сможем прочно и твердо закладывать фундамент нового общества. И мы это докажем, несмотря ни на что».

ФИЛАТОВ,
секретарь Новониколаевского
(Новосибирского) губкома РКП(б).
1925 г.

«Впервые ехал я в Сибирь. Долгий, далекий путь из Москвы. Много часов для досуга и раздумий. В вагоне я думал о последних напутственных словах Куйбышева. Замечательные слова, исполненные глубокого смысла: «Глубокая разведка в завтрашний день». Да, страна только вступила в первую пятилетку строительства. Начинались первые, но смелые шаги в будущее. Страна рисовала себе свое будущее захватывающими мазками. Стремление построить крупный завод не покидало меня все годы, сидело настолько сильно внутри меня, что теперь я поверил: именно в Сибири произойдет осуществление моей заветной мечты».

Академик И. П. БАРДИН. 1935 г.

«Только в 1956 году на новостройки страны выехали 300 тысяч юношей и девушек. Продолжая славные традиции строителей Комсомольска - на Амуре, Магнитки, ДнепроГЭСа, они прокладывали трассы железных дорог и каналов, возводили химические и нефтеперерабатывающие предприятия, шахты и рудники, сооружали невиданные в мире гидроэлектростанции».

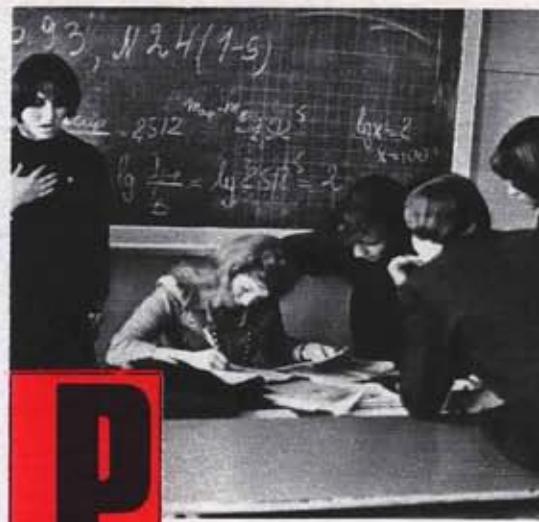
Из Истории ВЛКСМ»

«Новый Уренгой—пока небольшой поселок из деревянных домов и вагончиков. Трудно представить, что через несколько лет здесь поднимется современный город. С чего он начинается? С первого каменного здания, ответят бойцы Всесоюзного ударного отряда и назовут дату его рождения—2 июня 1978 года. Ребята из Москвы, с Украины, из Эстонии, Башкирии выполняют дневные нормы на 140%».

«Тюменский комсомолец», 1978 г.

«Я прожил на стройке почти год и многое испытал. Трудности, конечно, есть. И какое чувствуешь удовлетворение, когда знаешь, что твой труд нужен людям и ценится. Особенно я благодарен работникам комсомольского штаба, которые не только сделали для меня много хорошего, но и стали добрыми помощниками, понимающими друзьями».

Сергей СКАТОВ,
Сургут, Тюменская область.

Юрий САВЕНКО,
первый секретарь
Новосибирского обкома ВЛКСМ

ТАЛАНТ

В этом году ученые новосибирского Академгородка становятся свидетелями смелых атак на основы самых, казалось бы, непоколебимых истин.

Это сражение происходит в живописном месте вблизи Новосибирска—Золотой долине. Поляны, классная доска, вокруг нее «атакующие»—мальчишки и девчонки не старше 14 лет. На доске появляются один за другим проекты, удивительные не только своей неожиданностью, но и оригинальными, подкрепленными совсем не «школьными» знаниями, расуждениями их авторов. Таким вот своеобразным ритуалом, турниром, носящим название «Защита невероятных проектов», заканчивает работу летняя физико-математическая школа, сокращенно ЛФМШ, которая уже много лет существует при Новосибирском государственном университете.

В ЛФМШ приглашают ребят, проявивших себя во Всесибирской олимпиаде школьников, и лучших учеников заочной физико-математической школы—есть и такая при НГУ, поступить в нее может любой желающий, а учащийся в этой школе по переписке. И так каждое лето шестьсот, а то и больше юных дарований соприкасаются с наукой. А ученые следят за ними пристально, готовые в любую минуту прийти на помощь, чтобы это соприкосновение действительно оказалось полезным именно для будущего ребят. Чтобы они еще и еще раз проверили себя: серьезен ли их выбор или это просто результат случайного успеха на олимпиаде и последовавших вслед за ним восхищенных слов взрослых: «А ведь Петя (Лена)—светлая голова. Ученый растет...» Как часто это бывает, мы знаем. Знаем теперь и то, что порою за поразившим своей оригинальностью решением, за математической смекалкой, столь неожиданной для юного возраста слушателей ЛФМШ, может оказаться пропал в самых элементарных, изначальных понятиях. И, что хуже всего, может совсем не быть способностей к кропотливой исследовательской работе. Так же, как за невидимым, неярким внешне «физико-математическим обличьем» иного ученика неожиданно проглядывается глубокий интерес к предмету, упорство, а не любование своим успехом, своей временной, подчеркиваю это, исключительностью.

Думаю, необходимо помогать «олимпийцам» трезво расценить: дойдут ли они до своего научного Олимпа или их высоты другие. И это, конечно, делается: из приглашенных в Академгородок на лето только 300—350 человек зачисляются в 9—10-й классы зимней физико-математической школы-интерната (ФМШ). Кто же приходит в аудитории ФМШ (да, в аудитории—система обучения здесь напоминает университетскую: лекции, семинары)? В ответе на этот вопрос, пожалуй, и заключен смысл долгой и кропотливой работы комитетов комсомола новосибирских вузов и научно-исследовательских институтов, молодых ученых, специалистов и студентов по подготовке научных кадров еще со школьной парты. Вот я назвал тех, кто приезжает в Академгородок летом и остается здесь учиться сначала в ФМШ, а потом в Новосибирском государственном университете, юные дарования. Правильно: ребята неординарные. Но не хочу, чтобы создалось превратное впечатление: ФМШ ни в коем случае не ориентирована на таланты. Система образования и его прямой связи с наукой, которую можно условно обозначить так: Всесибирская олимпиада школьников—ФМШ и КЮТ (клуб юных техников)—НГУ—НИИ Сибирского отделения АН СССР,—эта система вовсе не рассчитана на воспитание некой интеллектуальной элиты. Ведь известно, что уровень подготовки в школах, особенно если сравнивать городские и сельские, разный. Да и не только этот пример правомерен: играет роль много других факторов—квалификация учителей, специализация школы, удаленность от крупных географических центров и т. п. И тут, мне кажется, право на

образование может и должно проявиться в том, что каждому одаренному ребенку будет обеспечена поддержка независимо от уровня его общей подготовки.

Нет, наши студенты и молодые ученые много сил и труда вкладывают в проведение олимпиад вовсе не для того, чтобы отыскать гениев. Такие обязательно найдутся сами. Но мы хотим, чтобы одаренные люди не попадали в положение талантливых одиничек—одиночек в том смысле, что приходится одному пробиваться к цели. Мы должны воспитывать таланты. Талант творчества и талант кропотливо исполнять черновую работу; талант теоретических изысканий и талант практических исследований. А главное—талант мыслить.

На базе НГУ сложилась достаточно отработанная система подготовки научной смены для Сибирского отделения АН СССР. И самым важным ее звеном, на мой взгляд, следует считать поиск одаренных школьников и развитие их способностей в ФМШ и КЮТе. Конечно, еще возникают некоторые трудности, происходят порой и ошибки, но, возвращая таланты, ученые все больше и больше опираются на научные методы, поэтому трудностей и ошибок будет все меньше и меньше.

Несколько лет назад при Сибирском отделении АН СССР был создан Научный совет по проблемам образования. Я понимаю, что создать орган со звучным названием Научный совет по проблемам образования—это не гарантия моментального решения всех проблем силами ученых умов нашего города. Но тот факт, что он создан, что в основе его деятельности забота о развитии и улучшении «образовательной цепочки», которая начинается со Всесибирской олимпиады,—это доказывает, что опыт удался. И уже не рассматривается как опыт. Ведь за 15 лет существования из стен ФМШ вышли более тысячи научных сотрудников, свыше ста из них—кандидаты наук. А главное, все они, ну буквально за редким исключением, работают в Сибири. Поэтому ученые Академгородка, читая лекцию в ФМШ или консультируя в КЮТе, твердо знают, что вкладывают свою силу не в какой-то призрачный результат—будет толк или нет; они знают, что заботятся о будущем советской науки.

Но, будем откровенны: когда все—и олимпиада, и ФМШ, и КЮТ—только началось пятнадцать лет назад, это выглядело смелым экспериментом...

«Я НЕ СОГЛАСЕН С ВАМИ, ПРОФЕССОР».

Пятнадцать лет назад прозвенел первый звонок в специализированной школе-интернате № 165 при Новосибирском государственном университете. Его услышали всего 120 человек... Один из инициаторов создания этого необычного, первого в стране учебного заведения академик М. А. Лаврентьев, часто вспоминал тогда слова М. В. Ломоносова: «...университет без гимназии, как пашня без семян». Кому-кому, а уж Ломоносову было хорошо известно, как необходимо заботливо ухаживать почву, чтобы из «семян» поднялись «ростки». ФМШ и была задумана как начальный этап—«почва»—формирования ученого, которое затем продолжалось в университете и заканчивалось в исследовательском институте. «Отцы» новорожденной школы еще доказывали ее необходимость, а ФМШ уже быстро шагала вперед. Был создан ученый совет ФМШ, в него вошли видные ученые Академгородка; создавались необычные программы, методики преподавания; к работе в школе привлекались лучшие силы сибирской науки. Вскоре в новосибирской ФМШ появились сестры—аналогичные школы в Москве, Ленинграде и Киеве: опыт начал распространяться и прививаться. К гордости новосибирцев, отмечу, кстати, что наша ФМШ не только самая старшая, но и самая крупная. За год до открытия школы проводилась первая Всесибирская физико-математическая олимпиада. Десятки бригад,

НОВОСИБИРСКИЙ АКАДЕМГОРОДОК: ЕДИНАЯ СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ НАУЧНОЙ СМЕНЫ

- От успеха на олимпиаде к азам наук
- За 15 лет работы ФМШ—100 кандидатов наук
- «Я не согласен с вами, профессор»

Т МЫСЛИТЬ

состоявших из научных работников СО АН СССР, разъехались по областям Сибири и Дальнего Востока на «поиск талантов». Победителей олимпиады, а также участников, проявивших неординарные знания и способности на собеседовании, пригласили на лето в Академгородок — всего 250 мальчишек и девчонок. Многие из них, особенно ребята из окраинных мест, как говорится, и «живого» профессора не видели. Что, правда, совсем не мешало им, опровергая в горячем споре очередную непоколебимую научную истину, спокойно говорить: «Я не согласен с вами, профессор». Такая смелость не всегда оказывалась подкрепленной действительно оригинальными мыслями, рассуждениями. Но ученые были рады нестандартности этих юных физиков и математиков. Были увлечены ими. И старались сделать их пребывание в городке не только познавательным, но и увлекательным.

Встречи с учеными, экскурсии в институты чередовались с отдыхом на Оби, спортивными играми, которые неизменно заканчивались спорами, возникавшими при решении «каверзных» задачек. Около Института гидродинамики беспрерывно работал импульсный водомет, к которому ребята готовы были, казалось, перетаскать все кирпичи с ближайшей стройки — только бы увидеть еще и еще, как их дробят водяная струя. Все институты, все лаборатории гостеприимно распахнули двери для юных «олимпийцев». То была праздничная встреча Науки со своими будущими питомцами и служителями. И, как настоящий праздник, она была увенчана турниром смекалистых — был проведен заключительный тур олимпиады. В результате его и были отобраны те 120 человек, которым довелось услышать первый звонок ФМШ.

КУДА УХОДЯТ «ФЫМЫШАТА»?

Ежегодно бригады олимпиадного комитета при Президиуме СО АН СССР привозят почти полторы тысячи анкет школьников, которые успешно прошли собеседование. По этим анкетам менее половины ребят отбирают для учебы в ЛФМШ, а потом еще меньшее количество оставляют учиться в ФМШ. И все же отсев происходит и дальше. Причин на то много.

Нас, честно говоря, особенно волнует отсев по «звездной болезни». Среди юных, к сожалению, попадаются зараженные ею. У себя в школе был первым, «звездой», а здесь, в ФМШ, все первые понапалу, и нужно основательно поработать, чтобы выделиться. Вот и нелегко, тем более если не приучен к кропотливому труду. И решают некоторые, что лучше так и остаться «молодцом среди овец», уезжают после 1-го семестра.

Учат «фымышат» (так в Академгородке ласково называют учащихся ФМШ) в обстановке, приближенной к вузу. Есть сессии, причем не менее «жесткие», чем в институтах. При нацеленности на физику, математику и химию здесь не забывают о литературе и музыке, спорте и искусстве. Хотя число часов на гуманитарные предметы несколько скрошено, это компенсируется системой зачетов. Причем требования значительно выше, чем обычновенные — школьные.

Не забывают и о нравственном воспитании. Как бы ни хотели, ни отсекали всякую возможность появления у ребят чувства собственной исключительности, факт остается фактом — учатся они все-таки в специальной школе, и внимание к ним повышенное. Для еще не сложившейся личности это опасно: могут создаться ложные нравственные ценности. А ведь жизнь в науке, служение ей требуют, как известно, душевной чистоты и щедрости, самоотверженности, прямоты и цельности характера.

Могут спросить: а время, как они все успевают? Каким образом за год (треть школьников учится на

годичном потоке) можно с самого начала пройти всю физику, математику, химию и еще много сверх того?

Ответов много. Оригинальные программы — лектор сам формирует свой курс, исходя из требований университета; эффективная форма занятий, ясно осознанная преподавательским составом цель — не запоминание определенного набора фактов и правил, а умение пользоваться основами наук в конкретных случаях, умение самостоятельно мыслить и... учиться. Ведь в нашей печати еще только обсуждается необходимость второго свободного дня у школьников, а в ФМШ такой день есть. Он полностью отдан на усвоение учащихся, и будьте уверены — они посвящают его не только личным делам, но обязательно науке. Потом и называли его «день науки». И, наконец, преподавательский состав. Это в основном ученые и выпускники НГУ. И тех и других привлекает не только преподавание в такой интересной школе, но и возможность использовать свой научный аппарат для решения педагогических, психологических и всевозможных других проблем, возникающих в большой семье учащихся ФМШ.

Физико-математическая школа — дорогой эксперимент для государства. Но уже сейчас ясно, что затраченные средства не пропали даром. Педагогика приобрела новые методы, пополнилась ценных находками. А «фымышата»? Они успешно сдали экзамены в вузы, успешно работают в науке, честному и добросовестному служению которой их учили в ФМШ.

Мне хочется рассказать прежде всего о первом выпуске. Володя Харитонов и Юра Михеев поступили в НГУ, закончили его и вернулись... в ФМШ. Владимир Петрович — завуч по физике, Юрий Викторович — по математике. Пришедшие в нашу школу по результатам 1-й Всесибирской олимпиады, они теперь сами отбирают «олимпийцев». Вот и заработала наша образовательная «цепочка» — значит, звенья ее не сломаны. Имена других выпускников мы встречаем на страницах научных журналов, часто становимся свидетелями их успехов. В. Балакин, С. Гончаров — лауреаты премии Ленинского комсомола. Сергей Гончаров был избран делегатом XVIII съезда ВЛКСМ. Он председатель Совета молодых ученых и специалистов при обкоме комсомола. А. Игнатенко заведует лабораторией молекуларной физики НГУ. В. Пархомчук через 5 лет после окончания ФМШ получил авторское свидетельство на «искровой счетчик». Теперь он кандидат наук, работает в Институте ядерной физики, преподает в ФМШ. И. Шестаков окончил ФМШ с золотой медалью, с отличием — НГУ, стал лауреатом конкурса АН СССР на лучшую студенческую научно-исследовательскую работу 1972 года. Ныне кандидат наук, сотрудник Института математики СО АН СССР. Обо всех, конечно, не расскажешь в тесных рамках одной статьи. Но об одном, о том, что единит всех, скажу обязательно. Скажу об увлеченности наукой. И пока ФМШ увлекает наукой, воспитывает ее преданных рыцарей — значит, эксперимент проходит успешно, эффективно.

Впрочем, трудно назвать экспериментом уже сложившуюся в Новосибирске систему подготовки молодых ученых и специалистов. Первые «фымышата» давно уже опытные сотрудники, они активно создают новое и новое внедряют. Внедрение научных разработок в народное хозяйство, так же, как и воспитание молодой талантливой смены, стало одной из важнейших задач нашей областной комсомольской организации.

Новосибирская область с ее мощным промышленным, сельскохозяйственным и научным потенциалом стала в последние годы базой внедрения научных разработок, которые проходят здесь проверку, получают путевки в жизнь и могут распространяться на ту или иную отрасль народного хозяйства. Достаточно

сказать, что сегодня на новосибирских предприятиях на различных стадиях внедрения находится свыше двухсот крупных разработок наших ученых.

Во время пребывания в Новосибирске товарищ Л. И. Брежnev высоко оценил эту работу и поставил новые задачи: вести дело так, чтобы активная роль ученых помогала быстрее решать вопросы соединения науки с практикой и тем самым способствовать повышению производительных сил страны. В нашей области в сфере науки занято более 70 тысяч научных работников, значительную часть которых составляет молодежь.

Главной формой практического участия молодежи в ускорении научно-технического прогресса стала ее деятельность по внедрению достижений науки в производство. Грандиозные перспективы развития нашего сурового и сказочно богатого края увлекают молодежь эффективностью поиска, широкими возможностями проявления своей активности, делают ее реальным участником преобразований, результаты которых сказываются порой немедленно. Основой перспективного планирования этой работы в нашей области стали долгосрочные программы участия молодежи в ускорении научно-технического прогресса, утверждаемые пленумом или бюро обкома комсомола.

Именно комплексность и долгосрочность таких программ мы считаем наиболее важными для достижения необходимых результатов. Реализация этих программ предполагает прежде всего содействие повышению профессионального уровня ученых и специалистов. Так, например, давно уже стали у нас традиционными различные конференции, семинары и школы молодых ученых по актуальным проблемам науки, техники и производства, на которые приезжают специалисты из других областей и республик страны. Не случайно именно Новосибирск нынешним летом стал местом проведения Всероссийского слета юных изобретателей и конструкторов.

«МАЛАЯ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

Поэтому рассказ о воспитании в Академгородке научной смены никак не мог бы претендовать на полноту информации, не упомяну я о клубе юных техников. Символично, что расположена КЮТ в зоне научных институтов: с одной стороны, «Гидродинамика», с другой — «Физика полупроводников», с третьей — «Кинетика» (в Академгородке привыкли кратко называть институты). Да и сам КЮТ официально образован как лаборатория вспомогательных процессов Института гидродинамики.

Очень хочу обратить внимание читателей на этот факт. Подумайте, ведь таким образом клуб с самого начала не оставлен один на один с финансовыми и другими затруднениями, которые порой преодолеваются за счет голого энтузиазма. Поэтому, возникнув на серьезной базе, КЮТ завоевал и репутацию серьезную. Да и как не завоевать, если обсерватория клуба ведет темы по заданию Всесоюзного астрономо-геодезического общества, здесь впервые руками ребят сделан твердотельный лазер. Консультируют кьютцов научные сотрудники институтов.

В КЮТе работают лаборатории разных специализаций, в них выбирает себе дело по душе и возможностям и малыш-первоначала, и «фымышовец» — выпускник. Кстати, больше трети учащихся ФМШ занимаются в КЮТе. Поэтому что в клубе просторно и для технического и для научного творчества. Часто ребята сами конструируют физические приборы, которые экспериментально подтверждают полученные в ФМШ теоретические знания.

Поэтому КЮТ стал полноправным, теперь даже неотъемлемым звеном в образовательной системе.

...Поиск способностей. Это большая и сложная проблема. Искать математические или физические способности, на мой взгляд, не так уж сложно. К сожалению, еще не так эффективно, как хотелось бы, поставлен поиск в области результатов. Надо искать способных девочек и мальчиков именно по результатам их исследований. Пусть они будут несложными, но такими, которые требуют от ребят творческого подхода.

Не хотелось бы, чтобы читатели поняли, будто в Академгородке решены все проблемы так называемого «поиска талантов», как, собственно, и воспитания талантов. Нет. В ходе олимпиад нередко возникают затруднения. Есть ли у будущего математика, физика, химика творческий потенциал или он просто обладает хорошей памятью, много читал? Бывают ведь люди прямо-таки с выдающимися способностями усваивать чужие мысли, но с очень слабыми способностями к самостоятельной исследовательской работе.

Помогая юному человеку распознать в себе способности к научной работе, мы помогаем ему раньше найти себя. А человек, который нашел свое место, — счастливый человек.

Тогда впереди его ждет множество открытий.

И счастье быть на своем месте.

Комсомольцы Алтая
чут память героев.

МЕМОРИАЛ СОЗДАВАЛ ВСЁ ГОРОД.

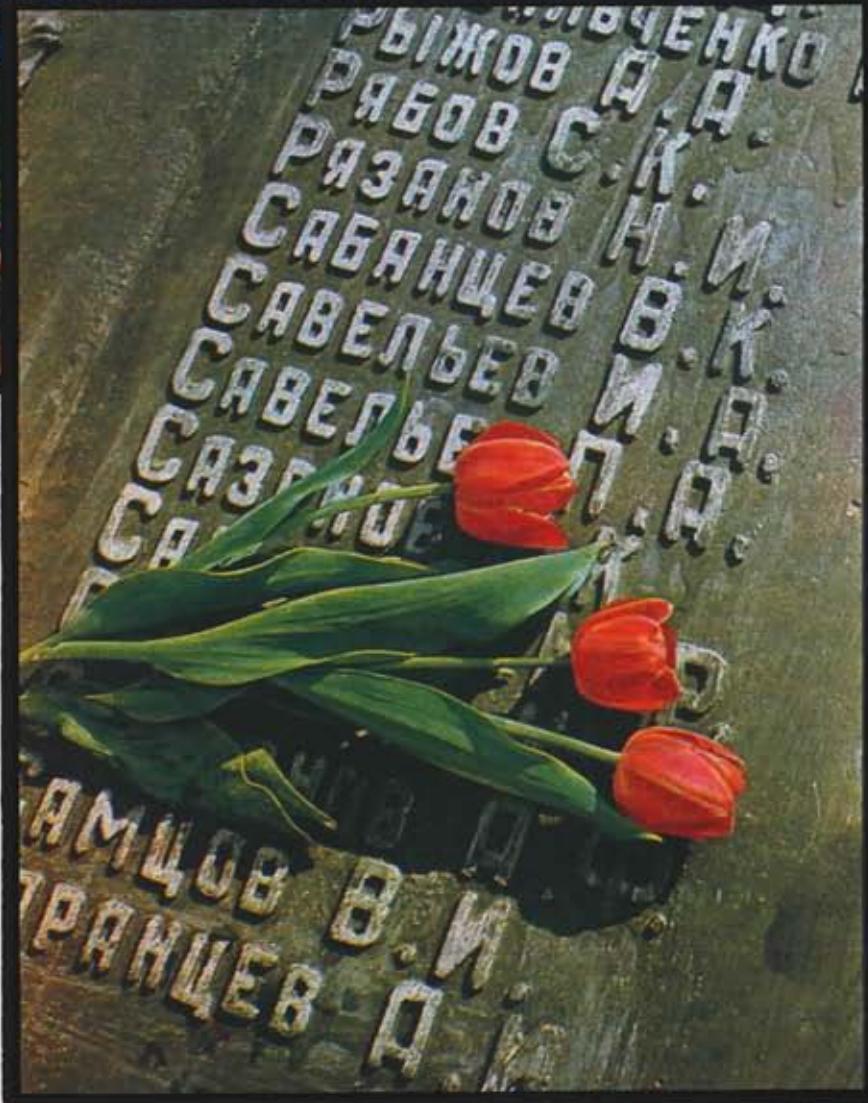
Юрий ЛУШИН.
Фото автора.

ХЛЕБ И ПО

ВЕЧНА ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХ.

Мой дорогой сын Гарик! Когда ты будешь читать это письмо, пройдет много лет, отремонти война, и на освобожденной земле снова зацветет счастливая и радостная жизнь. Ты, наверное, как сквозь сон припоминаешь последнее прощание в марте 1942 года в чужой хате станицы Кайсатской, ты долго ждал меня и не дождался. Я, как и сотни, тысячи других отцов, погиб в борьбе с заклятыми врагами — немецкими фашистами. Но я умираю, глубоко уверенный, что ты, мой любимый сыночек, будешь жить в свободной, цветущей стране — стране социализма, будешь учиться в советской школе. И ты, мой любимый сыночек, не покраснеешь за меня, а сможешь гордо сказать: «Мой отец погиб за будущее счастье, верный присяге и Отечеству...» Пройдут годы, десятилетия, могилы врагов зарастут бурьяном, а нам, защитникам, свободная Родина поставит памятник победы... Ты шагай вперед, борись за лучшую жизнь, а если твоему любимому Отечеству станет угрожать враг, будь достоин меня, своего отца. Не пожалей жизни за

У ПАМЯТНИКА СЫНУ.

свою Родину. Целую тебя, мой любимый сыночек, на всю жизнь крепко, крепко. Твой отец».

Люди шли и останавливались у бетонной стены, чтобы прочесть это письмо-завещание, выбитое в бетоне, письмо лейтенанта Григория Тарасенко своему сыну. Многие знали его наизусть, но перечитывали снова и снова. Они долго стояли у бетонных кубов, в холд которых навеки впаялись сотни фамилий павловцев, отдавших свои жизни за Родину, они застывали в молчании, одними глазами прочитывая многое другое, чего нет на плите да и никогда бы на ней не уместилось.

Люди все подходили, и я не сразу заметил, что большинство — женщины. Сначала я не придал этому значения, но потом понял жестокий смысл этого большинства — мужчины были там, в надписях. И вот стою в ряду женщин, вместе с ними смотрю на бетонные плиты. Их подножия уставлены венками и живыми цветами. Вечный огонь, по сторонам которого замер почетный караул, бросал на все багровые отсветы. А с высоты на них, на молодые улички, на небольшой алтайский посе-

600 ЖИТЕЛЕЙ ПАВЛОВСКА НЕ ВЕРНУЛИСЬ С ПОСЛЕДНЕЙ ВОЙНЫ.

лок Павловск скорбно смотрела Мать. На каменном ее лице застыли навеки печаль и ожидание. Я смотрел на нее и на женщин и поражался тому, как они были похожи в своей скорби и как точно передал это сходство скульптор...

У одной из плит тихо плакала старушка. Слезы скатывались с морщинистых щек. В руках у нее были скромные полевые цветы Алтая, которые она принесла с собой. Кому принесла? Мужу? Сыну? Этой старушке я запомнил. Она и вчера так же стояла с цветами у плиты и плакала. Я подошел поближе, встал рядом и вдруг услышал, как она тихо говорит сама с собой:

— Что же ты не отозвешься, сынок мой Виталик? Как написал в начале войны письмо, так и не было от тебя больше весточки. Где же ты, сынок, я жду тебя, а сил уже совсем не осталось...

О великая сила материнской любви! Чем ее измерить? Она заставляла ждать, когда исчезла, казалось бы, всякая надежда. Виталий Иванович Чальников, связист, пропал без вести. У него нет могилы, но и ему поставлен памятник. И сюда, к памятнику, ходит каждый день мать — разговаривает с сыном. Она помнит его двадцатилетним и таким же ходит с войны. Ждет тридцать с лишним лет...

Старушка в последний раз взглянула на фамилию сына, вытерла концом платка глаза и медленно пошла к выходу. А по обе стороны аллеи стояли бетонные плиты с двумя рядами фами-

лы этих ребят, комсомольцев, наших ровесников. Мы чувствовали себя в долгу перед ними... Скульптуры лепили по фронтовым карточкам, по старым рисункам, по описанию родных. Одного из них, Бориса Ивановича Конева, лепили с фотографии деда, его собственной не нашлось. Говорят, вышел как живой...

— Что вам помогало в работе?

— Ненависть к врагам. Письма с войны. Память о войне. Мы, естественно, не воевали, но воевали наши отцы. У Люды отец был ранен, вернулся с победой, а вот брат его погиб. Его фамилия тут, на каменной плите... Мой отец тоже воевал, только не на Западе, а на Дальнем Востоке, тоже был ранен... Работали мы с огромным увлечением, и помогал нам весь Павловск.

Да, идея создать мемориальный комплекс, предложенная совсем еще юными художниками, только что окончившими Иркутское художественное училище, прошла через сердце каждого жителя Павловска. Хоть и мал городок да и глубоко в тылу был расположен, но и по нему сильно ударила минувшая война. Несколько месяцев подряд в гараже, превращенном в скульптурную мастерскую, молодые художники лепили вначале из глины, а затем отливали в бетоне центральную фигуру мемориала — фигуру склоняющейся Матери, биоев Советского Союза. У них еще не было опыта в таких монументальных работах, опыт приобретался в деле...

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

По вечерам главный корпус Томского политехнического института имени С.М. Кирова непривычно тих. Лишь в редакции институтской многотиражной газеты людно и по-дневному оживленно: это собираются на очередное занятие члены литературного объединения «Молодые голоса».

Порой мне кажется, что «Молодые голоса» — дружная семья. Она готова собираться ежедневно, долгая разлука ее тяготит. В этой семье у каждого своя роль, свое место, своя профессия. Сергей Яковлев, Светлана Борзунова, Юрий Федоров и Александр Рубан — все они, такие несхожие по характеру, по возрасту, по пристрастиям, удивительно похожи в главном — жизни свою они начинают с Поэзии. У всех у них разные дороги. Может быть, они не станут профессиональными поэтами, но я верю, что на этих дорогах они всегда будут приобщаться к Поэзии, слышать ее чистый голос, ощущать ее светлый настрой.

Сергей ЗАПЛАВНЫЙ,
руководитель литературного объединения
«Молодые голоса», лауреат премии Томского комсомола

Сергей ЯКОВЛЕВ,
студент

Александр РУБАН,
инженер

По бескрайней лазоревой ткани —
Самолетный светящийся шов.
Я шагал заливными лугами,
Я лесными тропинками шел.

Стрекотали кузнецики в травах,
Ровно вторили им провода.
Обнимал меня гомон дубравы
И прохладная в речке вода.

Я бродил там, где птицы мне пели,
Целовали меня ветерки.
И держало меня на прицеле
Беспокойство неслепой строки.

Наполняясь веселую силой,
Шел и, глядя в бескрайнюю даль,
Просто знал, что иду по России,
Просто воздухом русским дышал.

Сергей АРХАНГЕЛЬСКИЙ,
начальник штаба
Всесоюзной ударной
комсомольской стройки,
г. Стрежевой

Сибирская нефть

Зимы морозные, лето мгновенное,
Слякоть дождей, комариное зло,
Деньги немалые — только, наверное,
Перечнем этим не скажешь всего.

Время летит быстротечно и мощно,
Не прекращается начатый труд.
Люди работают денно и нощно,
Дело нефтяника подвигом чтут.

Нефть — это черное золото Родины!
В недрах пружинят тугие пласти,
В небо стремятся фонтаны глубинные,
Вышкам сибирским рости и рости!

Светлана БОРЗУНОВА,
журналист

На буровой, открытой всем ветрам,
На лестнице, гудящей под ногами,
Непобедимыми казались нам
Губительные топи Васюганья.
Но вышел буровых тяжелый шаг
И тоненькая нить нефтепровода
Тянулась вдаль, как рукотворный знак
Победы человека над природой.

лий сверстников ее Виталия. На каждой по двадцать фамилий. И за каждой плитой выстроились в две шеренги молодые елочки, словно молодые новобрачные. Тоже ровно по двадцать. Цельный лес елочек, трудно сосчитать, но каждый житель Павловска знает, что их шестьсот — столько человек не вернулись на Родину с поля браны. Они пахали землю и растяли хлеб. Они не думали о ратных подвигах, но пришел час, и они отдали жизнь за Родину. А хлеб растили в годы войны их матери, их сестры, их невесты. И это тоже был подвиг, который мы будем помнить вечно. Хлеб и подвиг... Когда враг занял плодородную Украину, Кубань, черноземные области России, хлебные эшелоны Алтая кормили народ и армию, помогали бить врага, внесли свой вклад в общее дело победы.

Торжественная приглушенная музыка лилась над площадью, проплывала над скульптурными портретами павловцев — Героев Советского Союза, над старым прудом... Молодые художники, авторы проекта мемориального комплекса, супруги Сергей и Людмила Астраханцевы стояли рядом со мной, рассказывали о героях так, словно провели вместе с ними не один день в окопах.

— Легендарные люди, — говорил Сергей. — Перед их подвигами меркнут сказания и былины, честное слово. Вот, например, Андрей Иванович Ощепков. На подступах к Харькову в одиночку уничтожил гранатами пять дзотов, на шестой гранат не хватило, и он бросился на него грудью. Подвиг Матросова повторил... Вот другой герой — Степан Тарасович Загайнов. Дошел до Одера, на своем танке Т-34, командиром которого был, совершил дерзкий рейд на левый берег, подбил пароход с фашистами, смял несколько орудий, захватил и удерживал плацдарм даже тогда, когда танк его горел. Чуть-чуть не дожил до победы... Нас поразила самоотвержен-

ность подступала весна, близилось 9 Мая, День Победы, день, на который они наметили открытие мемориала. На месте оврага 18-метровой глубины, за плотиной, на берегу пруда возникла ровная площадка. Овраг засыпал всем миром, потом возили чернозем и высаживали молодые елочки. Сажать их ходили целыми семьями, и каждая непременно хотела посадить свое дерево поближе к памятной плите. При райкоме партии и райисполкоме работал штаб народной стройки.

И вот наступило утро 9 Мая. Весь Павловск от мала до велика собрался у пруда. Люди шли торжественно, останавливались у входа, пробегали глазами выбитые в бетоне строки письма с фронта: «Моя черноглазая Мила! Псылаю тебе висилек. Представь себе: идет бой, кругом рвутся вражеские снаряды, кругом воронки, и здесь же растет цветок... И вдруг очередной взрыв. Ва-си-лек сорван. Я его поднял и положил в карман гимнастерки. Цветок рос, тянулся к солнцу, но его сорвало взрывной волной, и если бы я его не подобрал, его бы затоптали... Вот так фашисты поступают с детьми оккупированных пунктов, где они убивают и топчут ребят. Мила! Папа Дима будет биться с фашистами до последней капли крови, до последнего вздоха, чтобы фашисты не поступили с тобой так, как с этим цветком. Твой отец».

Так писал в перерыве между боями своей дочери гвардии майор Дмитрий Петраков...

Люди шли дальше, и все росли елочки цветов на бетонных плитах. Я знал, что они будут идти так весь день. Я смотрел на них, на цветы, на скорбный лик ждущей Матери и думал, наверное, о том же, о чем думали они:

«Пусть минувшая война станет минувшей навеки. Пусть подвиги свершаются не на ратных полях, а на хлебных нивах. Пусть никогда не грозят цветам взрывы...»

Иван Федорович ЛИТВИНЧЕВ,
председатель исполнкома
Омского городского Совета
народных депутатов.

Александр РЕВИН,
первый секретарь
Омского горкома ВЛКСМ,
делегат XVIII съезда ВЛКСМ.

высокую степень заболеваемости и смертности... Между тем медицинская помощь поставлена неудовлетворительно, на весь город имеется одна больница на 30 кроватей и один городской врач... уличное освещение—керосиновое... так что ночью город погружен большей частью в глубокую тьму».

А. РЕВИН. Нам, молодым жителям Омска, даже трудно поверить, что это сказано о нашем, сегодня таком чистом и зеленом городе, не раз занимавшем первые места по благоустройству и озеленению среди городов России. С особой значимостью мы воспринимаем роль нашего края в развитии Западно-Сибирского экономического района после посещения Омска Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым, который подчеркнул, что у нас

ГОРОД-МИЛЛИОНЕР

И. ЛИТВИНЧЕВ. Помните, Александр, что писал более ста лет назад ссыльный Достоевский о нашем городе? «Омск—гадкий городишко. Деревьев почти нет. Летом зной и ветер с песком, зимой буран. Природы я не видал. Городишко грязный, военный и развратный в высшей степени. Если бы не нашел здесь людей, я бы погиб...»

А. РЕВИН. Мне кажется, Иван Федорович, оговорка Достоевского насчет людей знаменательна. В конечном итоге именно люди изменили наш город, превратили его в буквальном смысле в город-сад.

И. ЛИТВИНЧЕВ. Люди и, конечно, революция, давшая толчок социально-экономическому преобразованию

всего уклада нашей жизни. Вот как, например, писали об Омске незадолго до революции: «В санитарно-гигиеническом отношении Омск занимает одно из самых последних мест,—мостовых или шоссе в городе нет, и поэтому весной и осенью во время дождей образуется непролазная грязь... А летом даже от небольшого сравнительно ветерка поднимаются такие облака и туши пыли, что образуют на некоторых площадях и улицах города ряды песчаных дюн... Отсутствие канализации и водопровода, самая первобытная система выгребов и всеобщая нечистота на улицах и площадях, сильная загрязненность питьевых вод сточными нечистотами—все это создает в нем

много внимания уделяется улучшению быта трудящихся. «Дело это важное,—сказал Л. И. Брежnev.—Если человек хорошо живет, у него и работа спорится».

В самом деле, в миллионном городе, каким сейчас является Омск, многое делается, чтобы работа и жизнь горожан были плодотворными и счастливыми. **И. ЛИТВИНЧЕВ.** А между тем, Саша, даже на моей памяти Омск, скажем, послевоенный и Омск нынешний представляют собой разительное несходство. В годы войны в городе бурно развивалась тяжелая промышленность—машиностроение и металлообработка, людям некогда было обращать внимание на

СТОЛЕТИЯ И НЕДЕЛИ.

**ТАКОВ ВОЗРАСТ
СИБИРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ.**

3нал, что вахтовым называют поселок, от которого рукой подать до рабочего места в тайге и болотах. Знал до той поры, пока сам не сел с вахтой в ГАЗ Николая Бурмыги—легкого паренька в джинсовой куртке, на лацкане которой блестели под неожиданно зноным северным солнцем два значка—Стрежевого, базового города томских нефтяников, и комсомольский. Началось сибирское комариное лето, дни стояли жаркие, а ночи белые, в болотно-таежную глубинку уходила к нефтепромыслу лежневая дорога, путь и впрямь оказался коротким, всего-то километров семь... Но какие это были километры! Почти полный час понадобился, чтобы добраться до места работы от вахтового...

Лежневка едва удерживалась в ра-

ПОСЕЛОК НА ВАХТЕ.

стопленном болоте. Бревна прыгали под колесами. Бурмыга крутил баранку и, преодолевая очередной провал со ржавой водой, говорил: «Опять капкан! Лесины разметало...»

— Раньше-то я как думал?—рассказывал он.—Тракторист—это значит тракторист, а водитель—водитель. Только Север свою поправку внес. Засел один раз плотно. Хоть кричи, хоть плачь... После, смотрю, недалеко трактор. Ну, шел-полз к нему кое-как. С нужды завел. Допрыгал до своего ГАЗа, зацепился—и сам себя вытащил.

От ответных похвальных слов Николай уклоняется: мол, не он первый, кому тут доставалось по самую макушку. Ее, эту лежневку, от вахтового поселка еще построить надо было. Как сказал один местный поэт: «Бензопилы кричали, отделяя деревья от кровной земли. Парни, с лямкой бурлакской

растаскаясь плечами, увязая, по грязи стволы волокли».

По характеру Николай зубастый, оттого, бывает, вымотанный дорогой, отказывается «опять везти», но это на словах. Он из своей машины не вылезает.

— Как она мне досталась, знаете? Я же ее своим ходом из славного города Горького пригнал!

Но неотложная работа строителя лежневки, геолога, нефтедобытчика заставляет его по три-четыре раза на день пускаться в путь по деревянной ленточке, разорванной болотами.

— Опять, опять капкан... Ну, помогай нам, матушка-инерция!

Двое из вахты этого рейса: инженер-геофизик Саша Савкин, рослый, басовитый и медленный на слова, и Светлана Сыроваткина—оператор на нефтяных скважинах, светловолосая, прямая и немножко торопливая при

показе своего серьезного, можно сказать, дерзкого, в окружении глухой тайги хозяйства.

— Это первый куст скважин Ваха. Вах—красивейший приток Оби. Вахским названо нефтяное месторождение, куда Светлана приехала работать. Наконец, Вах—это вахтовый поселок, где она сейчас живет.

Восемь скважин на таежной поляне-вырубке (семь нефтяных и одна водная, или ППД,—для поддержания пластового давления)—вот рабочее место выпускницы башкирского нефтяного техникума Светланы Сыроваткиной, которая предпочла спокойному местечку за кульманом тайгу.

— Каждая скважина занимает у меня по часу. Семь скважин—семь часов. Ну, замеряю давление, беру пробу на содержание воды... А если зимой мерзнешь, к трубе прислоняешься—к той, где скважина пополней, где нефти

Борис ФАИН, специальный корреспондент «Смены»

ВАХТОВЫЙ ПОСЕЛОК

условия, в которых они жили, стране нужно было оружие для скорейшей победы над фашизмом. Проблема благоустройства города возникла только по окончании войны. Началось асфальтирование дорог, на городских магистралях появился первый в Сибири троллейбус, улицы стали оборудоваться ливневой канализацией и водостоками. Особый размах работ по благоустройству города, по превращению его в город-сад начался с середины 50-х годов.

А. РЕВИН. Я думаю, Иван Федорович, вы не обвините меня в преувеличении, если я скажу, что комсомол города был одной из главных сил в этом деле?

И. ЛИТВИНЧЕВ. Все горожане, от мала до велика, участвовали в этой, можно сказать, «эпопее». Разумеется, и комсомольцы вместе с коммунистами были в первых рядах преобразователей. Мы, сибиряки, можем гордиться тем, что в суровых условиях края сумели построить прекрасный и современный город. Сегодня Сибирь — край молодежный, яркий, богатейший не только по своим материальным ресурсам, но и по тем колоссальным возможностям, которые он предоставляет для развития человеческих талантов. Поэтому мы рады, когда к нам сюда из других городов страны приезжает молодежь не просто за «романтикой», а чтобы стать здесь личностью, чтобы еще больше приумножить богатства нашей страны. Молодежь — это всегда новые силы, новые идеи, это поиск талантливых решений важных проблем. Именно с молодежью мы связываем мысли о дальнейших перспективах развития нашего края.

А. РЕВИН. Наверное, Иван Федорович, вы хорошо помните, а мы знаем это из летописи омского комсомола, как в послевоенные годы по вечерам и в выходные дни комсомольцы, молодежь города создавали сквер имени XXX-летия ВЛКСМ? В этом сквере, можно сказать, каждая горсть земли, каждое деревце прошли через энергичные руки комсомольцев. Немногие поначалу верили, что на заваленном грудами ржавого металла и отходов, безжизненном месте, месте вечных свалок, смогут вырасти деревья и

цветы. То же самое было с площадью и сквером имени Дзержинского. Там, где сейчас в окружении зелени и цветов расположены красивые фонтаны города, было одно из самых невзрачных мест в Омске — пустынь, на котором весной и осенью не пересыхали огромные лужи.

И. ЛИТВИНЧЕВ. Вот вы, Саша, сказали сейчас о цветах... А ведь было время, когда никто в Омске не верил, что мы сможем выращивать цветы прямо на улицах, в садах, в парках и скверах, и для этого, надо сказать, были основания: климат у нас резко континентальный, часто бывают суховеи, температура воздуха неожиданно «прыгает» — то жара, то вдруг резкое похолодание. Это самый губительный климат не только для цветов, но и для деревьев. И все-таки омичи справились с капризами климата: за последние годы на улицах, в садах и скверах города высажено около 100 миллионов цветов. В прошлом году на международной выставке в Эрфурте (ГДР) цветы омичей получили золотую медаль. Цветы, однако, нужны нам не только летом, но и зимой, вообще круглый год. Поэтому начато строительство комплекса цветочных оранжерей городского совхоза «Декоративные культуры». Первая очередь комплекса была сдана к 60-летию Октября. Года через два объем производства цветов будет составлять 8 миллионов штук!

А. РЕВИН. Вы хорошо знаете, Иван Федорович, что омский комсомол никогда не остается в стороне от забот городской жизни. Наоборот, мы по праву считаем себя молодыми хозяевами старинного города, и омоложение его лица, расцвет всех сторон его жизни — одна из важнейших наших комсомольских задач. У нас есть добрая традиция: в дни знаменательных для молодежи событий — будь то прием в комсомол или окончание школы, праздник посвящения в рабочий класс или поступление в учебное заведение, призыв в ряды армии или напутствие комсомольца в партию — сажать деревья и цветы, закладывать новые аллеи и парки. Помните, как в

день открытия XVIII съезда ВЛКСМ комсомольцы и молодежь производственного объединения «Омскнефтегорсингтез» заложили аллею имени 60-летия ВЛКСМ! Вместе с нами работали и ветераны труда. В тресте «Железобетон», на картонно-рубероидном заводе заложены аллеи Комсомольской славы. На территории моторостроительного завода имени Баранова разбита аллея Дружбы. Вообще за годы десятой пятилетки комсомольцы и молодежь города отработали более 200 тысяч человеко-дней по благоустройству и озеленению города, на одном только левом берегу Иртыша в районе строительства Мемориального комплекса Воинской Славы юноши и девушки высадили 18 тысяч деревьев и 20 тысяч кустарников.

И. ЛИТВИНЧЕВ. Да, эта традиция комсомола прекрасна. Но не кажется ли вам, Александр, что, говоря сейчас только об озеленении города, мы несколько сужаем разговор о благоустройстве как таковом? Вы действительно молодые хозяева города, и, вероятно, эту формулу нужно понимать шире, не правда ли?

А. РЕВИН. Разумеется. У нас много форм работы, которые так или иначе направлены на изменение, улучшение лица города. Например, такое важное дело, как городские новостройки. У нас развивается движение «Стройкам города — заботу молодых омичей!», которое было одобрено бюро горкома КПСС. Взгляните на карту города, и вы, пожалуй, не найдете ни одной важной стройки, над которой бы не шефствовал комсомол. Молодежь работает на таких ударных комсомольских объектах, как строительство Дворца пионеров и школьников, ТЭЦ-5, завода синтетического каучука, шинного завода и многих других предприятий.

И. ЛИТВИНЧЕВ. Между прочим, если мне не изменяет память, шефство комсомола города над важнейшими стройками началось с 1922 года и имеет, таким образом, давнюю традицию?

А. РЕВИН. Действительно, в 1922 году комсомольцы и члены первого спортивного кружка «Юный коммунар»

поболее — она погорячей, и сразу отогреваешься...

Сыровяткина дотрагивается до металла, показывая свою любимую скважину и еще три любимых, самых нефтеносных, и вдруг сравнивает себя с дядкой на ферме, которая душой прикипела к самой удойной своей подопечной, — и во внезапном этом сравнении скважины с коровой при всей неожиданности угадывается что-то меткое, обдуманное и прочувствованное.

Одна в тайге. Полный день. Это сейчас недалеко Савкин, недалеко люди — ремонтники скважины. А каково одной? Трудно?

— Мне? Ой, да нисколечки... Трудно бывает знать кому? Володе Чуприну, Капиносу Сергею, когда им приходится к разведочным одиночным скважинам ходить. У меня — куст! Все время на месте... А ребята? Они же по сколь-

ку километров прошагают от одной скважины к другой!

Закон тайги — закон на нефтепромысле: девушку не пошлют шагать, шагать будет парень-оператор.

На ДНС — дожимной насосной станции, откуда поступающая со скважин нефть получает толчок к товарному парку, дежурит Капинос. Ему двадцать пять, но считается ветераном, ибо прибыл на Вахе еще раньше, чем начал строиться вахтовый поселок.

— Сам я кременчугский, слыхали? КрАЗы у нас делают... В Стрежевом сестра с мужем живут. Позвали в гости. Еще когда летел — диву давался: тайга, болота — и среди болот такая город! Начинал на Вахе разнорабочим. Всего один балок на берегу стоял, жизнь только закручивалась, сами дрова таскали, сами постирушки делали. Я когда сейчас слышу, что кто-то чем-то недоволен, смеюсь... Теперь же у нас на вахтовом условия! Поселок какой вымахал! А раньше?!.. Меня в учкомбинат послали, после практику проходил на седьмой ДНС — мерил с технологом тайгу: обходили скважины, арматуру красили, трафаретки вешали — по звездам в тайге ориентироваться можно, то увидишь след старой буровой — запоминаешь, а то, смотришь, сейсмики оставили свои пропеллы-профиля... Одно, знаете, плохо: если комары в еду попадают... А самое трудное было, когда к ДНС нитки, тянули. В трубе пробки образо-

вались, льдом забило, и мы этот лед оттаивали — «окна» вырезали. Несколько раз в нефти искупаться пришлось! Я тогда вообще один единственный комсомолец был. А теперь нас на вахтовом тридцать шесть, сила. Я вообще-то за спортивную работу отвечаю: у нас же неуставная комсомольская организация...

Савкин так прокомментировал слова Капиноса:

«Одно дело, когда месторождение только готовится к эксплуатации — какой еще при нем поселок? Другое, когда оно уже действует. Тут и спрос другой!»

С вертолета людское гнездование в тайге смотрится заманчиво. Вахтовый поселок — это прежде всего песчаная площадка среди расступившихся зарослей («Песок, как известно, главный материал в борьбе с болотами»), — сказал впоследствии генеральный директор объединения «Томские нефти» Николай Филиппович Мержа. — На Вахе у нас хороший карьер). В отличие от вековых таежных заимок, охотничих стоянок вахтовый — это корпус двухэтажного общежития, столовой, культурного центра, это разноцветные домики-коттеджи Пышминского завода, окаймленные приподнятыми над почвой тротуарами, — все в деревянном исполнении. («Нам пришлось приложить немало стараний, чтобы приспособить коттеджи к северным условиям, придать им привлекатель-

ный вид», — продолжал Николай Филиппович. И добавил: — Ох, как нужны в Сибири продуманные проектировщиками дома — в серии!» В тылах поселка — база снабжения.

От посадочной площадки дорога идет под арку, где сбоку — аршинными буквами — ВАХ, а в центре — УДАРНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ СТРОЙКА.

Из города вместе со мной прилетела Наташа Архангельская, инженер по эстетике, ей надо сделать эскиз интерьера в возводящемся культурном центре. Это полярного типа комплекс «Горизонт», из двух блоков, каркасной конструкции, на сваях, с алюминиевой обшивкой, где в одном крыле разместятся все административные службы вахтового, в другом будут красный уголок, комната отдыха, кинозал.

На «улицах» поселка — ни одного окружка. В центре — свежеокрашенная Доска почета. Возле общежития идет высадка деревьев.

В столовой играет музыка — это нравится людям, вернувшимся из тайги. Кормят хорошо, но — самообслуживание, орловских работниц не так много... Тут же продают газеты, иногда книги.

Поселок благоустраивается. Сейчас задача: не за месяц, как по плану было, а в десять дней подключиться к ЛЭП, перейти на постоянную энергию. Еще задача: к осени построить баню и прачечную.

МАКЕТ ПОСЕЛКА В ВАСЮГАНЬЕ.

заполнили в Омске стадион, который сейчас называется «Динамо». Традиция шефства комсомола надстройками города с тех пор развивалась и укреплялась. Назову, к примеру, Комсомольский мост через реку Омь. А возьмите ТЮЗ—один из лучших детских театров в РСФСР, цирк, Дворец пионеров и школьников—все эти, не побоюсь сказать, уникальные сооружения воздвигнуты при непосредственном участии комсомола. А в наши дни? Городской торговый центр, крытый каток, музыкальный театр, второй мост через Иртыш—это только несколько гигантов городского строительства, которые воздвигаются с помощью комсомола.

И. ЛИТВИНЧЕВ. По-моему, слово «шефство» не до конца отражает то, что делает комсомол конкретно. Тут нужно какое-то дополнительное разъяснение, что ли...

А. РЕВИН. Недавно в Омске состоялся слет молодых строителей, на котором были подведены первые, так сказать, итоги движения «Стройкам города—заботу молодых омичей!». О чём они говорят? Проведена довольно эффективная работа по профориентации школьников на строительные работы: более 800 школьников решили продолжить свое дальнейшее обучение и образование в строительных ГПТУ, а 250 выпускников по окончании учебы решили трудиться в комсомольско-молодежных строительных бригадах. Кстати, 33 комсомольско-молодежных бригады строителей рапортовали XVIII съезду ВЛКСМ о завершении плана трех лет пятилетки: вообще более половины всех комсомольско-молодежных бригад взяли обязательства выполнить план года досрочно—к 60-летию ВЛКСМ. Как видите, комсомольцы не просто шефствуют, но и впрямую участвуют в строительстве, а значит, и в благоустройстве города. От реализации рацпредложений только в 1977 году в комсомольский фонд экономии было внесено молодыми строителями более 200 тысяч рублей. Именно в комсомольско-молодежных коллективах твердо прижились известные почины: «Я—хозяин стройки!», «Не выполни задания—не покидай стройку!», —в них утвердилась комсомольская норма выработки—120—150 процентов в смену. Всего на стройках города трудятся 112 комсомольско-молодежных бригад.

И. ЛИТВИНЧЕВ. Приятно слышать это, тем более что перед Омским городским Советом стоит серьезная задача—увеличение масштабов жилищного и комму-

нального строительства, для чего необходимо изыскивать всевозможные резервы. Пользуясь случаем, хотел бы сказать сегодня, что наиболее отзывчивы к нуждам города Министерство нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР, Министерство химической промышленности СССР, предприятия которых расположены в черте нашего города. В целом за последние два года, прошедших после XXV съезда КПСС, на коммунальное строительство, благоустройство и озеленение Омска направлено 55,3 миллиона рублей, почти две трети из которых—это средства предприятий и организаций. Вот такая на сегодня складывается картина.

А. РЕВИН. Мне сейчас подумалось, Иван Федорович, что комсомол и молодежь Омска не только шефствуют над городскими стройками, не только строят, помогают, содействуют развитию города но и активно управляют им, берут на себя большую ответственность за судьбу родного Омска.

И. ЛИТВИНЧЕВ. Так и должно быть. Вот реальные факты: городской Совет последнего созыва значительно «помолодел»: в его составе из 500 депутатов—147 человек в возрасте до 30 лет, из них 103 комсомольца. Разве это малая сила? Она оказывает огромное влияние на все стороны жизни города. При городском Совете существует постоянная комиссия по делам молодежи, которая занимается вопросами воспитания, образования, профессионального обучения, труда, быта, отдыха и охраны здоровья молодых омичей. Задачи, как видите, очень широкого, государственного плана. Энергично работают молодые депутаты в постоянной комиссии по благоустройству и озеленению Омска, в других постоянных комиссиях горсовета. Но, конечно, самую большую организаторскую и общественную работу они ведут в депутатских группах, в своих избирательных округах.

А. РЕВИН. И, пожалуй, главный показатель их самоотдачи—это те конкретные дела, за которые они периодически отчитываются перед своими избирателями. В Первомайском районе живет молодой депутат горсовета Светлана Макарова, токарь «Сибзавода» имени Борцов революции. Посмотрели бы вы, как беспокоится она о благоустройстве своего района. Николай Иванович Романчук, председатель Первомайского райисполкома, иногда в шутку даже за голову хватается, хотя при этом улыбается: «Что за девочка такая, до всего ей есть дело, все ей нужно изменить, улучшить, перестроить, доделать. Прямо

огонь!..» Зимой в продовольственном магазине № 534 вышла из строя тепловая сеть. Жители микрорайона обратились к Светлане: «Помогите! Магазин вторую неделю не работает!..» Светлана ходила и к Романчу, и в райптицеторг, и к строителям, и к ремонтникам, объединилась еще с одним депутатом—Владимиром Редкиным и добилась—таки своего: через несколько дней магазин вновь работал. Если в районе строят трамвайную линию и рушат при этом бульдозерами деревья—Светлана Макарова уже здесь. Готовятся на родном заводе к театрализованной «Иртышской феерии» на Зеленом острове—Светлана ее активнейшая участница. Выкалывают ли зимой замерзшие деревья, сажают ли новые, строят ли заводской стадион, озелняют ли улицу Красный Путь—Светлана везд успевает.

И. ЛИТВИНЧЕВ. Мне вспомнилось, какую громадную работу проделали молодые депутаты, комсомол, молодежь в решении коммунальных, транспортных, дорожных проблем. Оглянитесь на Омск хотя бы двухтрехлетней давности: автобусный парк довольно значительный, а порядка в городском транспортном движении не было. Я хорошо помню, как тысячи энтузиастов—комсомольцы, студенты, особенно студенты Сибирского автодорожного института, вышли на улицы города с хронометражными приборами, установили патрули почти на каждой автобусной остановке. Они провели гигантскую работу по анализу проблем автобусно-дорожного транспорта. Затем слово взяли специалисты, и вскоре в городе была внедрена—впервые в нашей стране—автоматизированная система диспетчерского управления автобусным транспортом (АСДУ) и, кроме того, система управления дорожным движением «Зеленая волна».

А. РЕВИН. И все-таки, Иван Федорович, думаю, проблема транспорта в Омске в недалеком будущем должна вновь обостриться хотя бы из-за особенностей географического и территориального расположения города...

И. ЛИТВИНЧЕВ. Все это верно, и мы, конечно, думаем над этой проблемой. В самом деле, исторически город развивался таким образом, что сегодняшний Омск протянулся вдоль Иртыша уже на 45—50 километров, в то время как в ширину город составляет всего 7—8 километров. Таким образом—и это обрисовывается зримо, почти графически,—кардинальным решением транспортной проблемы Омска было бы строительство метрополитена. Только по направлению «Же-

Столетия и недели. Таков возраст сибирских поселений.

В поселке живут нефтяники, вышкомонтажники, водители и трактористы, строители, дорожники, сантехники, электрики, снабженцы, повара—двенадцать организаций разместились в вахтовом, но хозяин поселка—нефтегазодобывающее управление. Оно несет главную материальную и моральную ответственность за жизнь поселка.

Вообще в тактике и стратегии освоения природных богатств Западной Сибири вахтовый метод пробивает себе широкую дорогу. Суть его в том, что, имея постоянное место в базовом городе (для группы вахтовых месторождений нефти—Советско-Соснинского, Вахского, Нижневартовского, Стрежевского базовых городов—Стрежевой), человек добирается до работы вертолетом и живет какое-то время на промысле. В вахтовом поселке. Впрочем, вахтовыми называют и кочевые, временные поселки, которые стоят одну зиму вагончиками—это на сооружении трубопроводов, перекачивающих и компрессорных станций и т. д. На месторождениях же, которые будут разрабатываться десятки лет, вахтовый становится для рабочего **вторым домом**. Вот почему томичи боятся над тем, чтобы создать здесь максимум условий, по-настоящему организовать жизнь.

Как социальное явление, вахтовый поселок—категория новая. Ведь это не обычный населенный пункт, где есть поселковый Совет, где живут семьи, где работают учебные заведения... Поэтому Вах не только строится, он как бы и моделируется.

Был период, когда международные барьеры препятствовали развитию поселка. Бывало, взыгрывало чье-то самолюбие, ложный принцип «А я вам не подчинен!», вспыхивала

разноголосица. Но вот передо мной проект «Временного положения» об организации работ вахтовым методом в объединении «Томскнефть». Из множества параграфов приведу такой: «Для координации и обеспечения транспортом вахтовых работников, организации вахтовых работников, социально-культурного обслуживания, а также решения общепоселковых проблем (благоустройства, поддержания порядка) создается координационно-распорядительная служба—КРС».

Владимир Викторович Куренков, бывший моряк, быстрый, деятельный, энтузиаст вахтового и по убеждениям и по должности, говорит:

— В конце марта этого года у нас был создан совет руководителей поселка. Нечто подобное есть и в базовом городе. Председателем совета стал товарищ Журавлев, начальник районной инженерно-технической службы, а я его заместитель по общим вопросам.

В том-то и ценность «Положения», что оно четко ставило все по своим местам. «Разработка месторождений вахтовым методом требует новых форм управления... исполнители в линейном отношении подчиняются своим непосредственным руководителям, а в функциональном—руководителям целевых (вахтовых) работ». Связи каждого из 12 руководителей служб поселка идут как по вертикали—в базовый город, так и по горизонтали—в совет вахтового. Тетрадь телефонограмм в базовом городе дает некоторое представление об управлении поселком.

...В настоящее время ваши работники отсыпают лежневую дорогу на куст 1-В и отступили от проекта и технических условий. Уложенные раньше на трассе бревна свинуты

бульдозером, и грунт насыпается прямо на болотистую почву. Прошу приостановить работы и принять меры.

...В срок до 18.04 представьте заявку на центральную диспетчерскую по аренде вертолетов для перевозки пассажиров по талонам.

...Рабочие Ваха от души благодарят коллектив художественной самодеятельности «Стрежевой энергии» за интересную концертную программу.

...За нарушение правил внутреннего распорядка лишены права проживания в Вахе... (следуют три фамилии). Прошу отозвать этих людей из поселка.

...Просим направить на Вах механика для установки тестомесильной машины».

И так далее. Но главное, на что здесь сделали упор,—создали неуставные партийную и комсомольскую организации.

— «Положение»—наш основной документ,—пояснял Куренков.—Но он вызвал к жизни и другие. Разработаны совместные условия социалистического соревнования, мероприятия по организаторской и воспитательной работе, решение о материальных льготах.

Общественный климат вахтового—это шефство одного из городских районов Томска и агитатор в каждой комнате общежития, это партийное собрание о задачах в период паводковых вод и приезды актеров театра имени Комиссаржевской из Ленинграда и красноярского театра с «Рассказами о Шукшине», это рейд оперативного отряда и лекция партийного работника из областного центра...

— Ну, главное, чтоб в условиях вахты каждый работал хорошо,—говорит Светлана Сыровяткина, избранная

секретарем комсомольского бюро.—Трудовая дисциплина—прежде всего. Еще мы успели с марта провести комсомольский субботник, создали эстрадный оркестр из самых постолиных людей, библиотеку в 1500 томов. Приняли в ряды ВЛКСМ оператора Диляру Ахметаеву...

Конечно, здесь еще все в становлении, в поиске, но несколько замечаний захотелось высказать комсомольцам.

На мой взгляд, напрасно в вахтовом не созданы комсомольские группы—это бы значительно облегчило работу бюро. Мне показалось, что, например, молодые вышкомонтажники несколько в стороне от поселковой жизни—комсомольская работа больше охватывает нефтяников, транспортников, работников общепита. Еще: среди разнообразной наглядной агитации явно недостает насыщенного информацией стенда «Мы живем в тайге». К нему нельзя подходить формально: ведь не секрет, что кто-то из молодых никогда тайги не знал, а кто-то стремится к покупке ружья... Это жизненно и потому требует гибких, конкретных форм воспитания. И еще надо было поспорить с комсомольцами, желающими организовывать вечера танцев едва ли не каждую неделю, а не только, как заведено здесь, в праздники... Но это вопрос спорный, ибо условия вахтового—сложные, тяжелые... Вообще в жизни поселка немало проблем. Большинство из них связано с тем, что в каждой отрасли продолжительность вахты своя, что нет научно обоснованных рекомендаций по соотношению труда и отдыха, да и сами нефтяники сетуют, что их штатное расписание в условиях вахтового, а значит, надзорного производства не соответствует требованиям. Нельзя закрывать глаза

лезнодорожный вокзал» — «Производственное объединение «Омскнефтеоргсинтез» ежедневно в каждую сторону перевозится более 200 тысяч пассажиров, в будущем эта цифра возрастет еще больше. Поэтому сейчас одна из главных наших задач — изыскать средства и возможности для строительства метрополитена.

А. РЕВИН. Могу уже сейчас заверить вас. Иван Федорович, что комсомол Омска сразу же возьмет шефство над метрополитеном и объявит его городской ударной комсомольской стройкой.

И. ЛИТВИНЧЕВ. Я в этом не сомневаюсь. Ну, а пока у комсомола и молодежи немало дел по решению тех проблем, которые стоят перед нами сегодня. Сейчас. Например, очень важная проблема — воспитание молодых кадров, которые так или иначе будут приобщены к строительству и благоустройству города, улучшению сферы быта, обслуживания и торговли.

А. РЕВИН. Да, это важная задача, и ее решение городской комсомол осуществляет по нескольким направлениям: работа со школьниками, с учащимися профтехучилищ, с рабочей молодежью, со студенчеством. Я приведу вам высказывания двух старшеклассников, которые по окончании школы будут работать в комсомольско-молодежных строительных бригадах. Ученица 10-го класса школы № 72 Наташа Сапелина: «Как много могут сделать руки человека. И очень хочется самой испытать свои силы на стройке!». Ученик 10-го класса школы № 7 Сергей Кураловский: «Я не представляю для себя другого пути, кроме стройки. Для меня примером отношения к труду служит мой отец. Он начинал работать электриком, затем окончил автодорожный институт, сейчас работает прорабом». Как видите, Иван Федорович, школьники пополняют ряды строителей, либо непосредственно участвуя в строительстве, либо поступая в строительные училища. Есть еще и трудовые отряды старшеклассников (ТОС), у которых пятая — трудовая — четверть проходит под девизом «Мой труд вливается в труд моей республики».

И. ЛИТВИНЧЕВ. А взять такую форму работы, как шефство заводов, строек, колхозов и совхозов над школьными бригадами...

А. РЕВИН. Да, в этом отношении у нас есть хороший пример школьников Костромской области, решивших всем классом остаться работать в сельском хозяйстве. И у нас тут тоже есть свои отличные показатели. В Октябрьском районе, например, из 900 выпускников

трех подшефных школ моторостроительного завода имени Баранова около 700 человек пошли работать на завод!

Это говорит о гибкой, взаимосвязанной работе комсомольских организаций завода и школ, с одной стороны, а с другой — о прекрасно налаженной работе по шефству и наставничеству старших над младшими. Видите ли, Иван Федорович, мы вообще стремимся, чтобы школьники, идущие или на производство, или в различные ГПТУ, были направлены туда по комсомольским путевкам: комсомол должен стоять у самых истоков рождения рабочей судьбы парня или девушки.

И. ЛИТВИНЧЕВ. Я думаю, немаловажное значение имеет и вопрос участия молодежи и комсомола в производстве товаров народного потребления, а также работа на предприятиях сферы обслуживания, быта и торговли. В конечном итоге это тоже определяет лицо города.

А. РЕВИН. Совершенно с вами согласен, Иван Федорович. Мне очень глубоко врезались в память слова Л. И. Брежнева, сказанные им на XVIII съезде ВЛКСМ. Он специально подчеркнул, что комсомолу следует взять под свою постоянную и неослабную опеку сферу торговли и обслуживания, установить над ней эффективное шефство. Омские комсомольцы отвечают на призыв Л. И. Брежнева конкретным делом: ныне более 18 тысяч юношей и девушек трудаются на предприятиях сферы обслуживания, где создано свыше 100 комсомольско-молодежных коллективов. Много молодежи направляется в сферу обслуживания по комсомольским путевкам.

И. ЛИТВИНЧЕВ. Кстати говоря, огромную помощь городу по всем вопросам оказывает и студенчество Омска, особенно в летнюю пору.

А. РЕВИН. У омского комсомола возникла в связи с этим еще одна добрая традиция — часть студенческих строительных отрядов трудится в так называемой «городской зоне», то есть в черте города. Они вносят огромный вклад в благоустройство Омска. Причем число студентов, желающих трудиться в этих отрядах, постоянно растет, потому что им в первую очередь небезразлична судьба родного города. Судите сами: в 1976 году в отрядах было 300 человек, через год — вдвое больше, а в этом году общая цифра составляет 1000 человек.

И. ЛИТВИНЧЕВ. А скажите, Александр, не могли бы комсомол и молодежь более активно работать в так

называемом производственном комбинате по оформлению города? Как вы знаете, этот комбинат входит в состав управления коммунальных предприятий и благоустройства города Омска. Родился комбинат специально для создания художественно выразительного облика наших улиц и площадей, для разработки и осуществления проектов зеленого и цветочного оформления общественных мест, для упорядочения рекламно-информационного хозяйства города.

А. РЕВИН. В общем, верно, мы должны активней помогать комбинату, я уже думал над этим. Скажем, среди молодых художников и архитекторов можно объявить специальный конкурс на разработку проектов, предложений по улучшению внешнего облика площадей, улиц, скверов города. Иными словами, предложения могут быть самого различного свойства, лишь бы в них содержалось главное — забота о городе, его живописности, нарядности, забота о единстве стиля и архитектурно-планировочных традиций, присущих нашему городу...

И. ЛИТВИНЧЕВ. Я думаю, уже сейчас (да не упрекнут меня в нескромности!) мы можем говорить о наличии такого единства стиля и традиций. Все это, конечно, находится в подвижном состоянии, меняется, улучшается, преобразуется, и тем не менее уже одно то, что пятая часть территории нашего степного города — зеленые насаждения, что на одного человека в Омске приходится 80 квадратных метров зелени, что город бурно развивается и благоустраивается, одно это говорит о том, что стиль и традиции у города есть — они налицо.

А. РЕВИН. Знаете, Иван Федорович, когда в Москве проходил XVIII съезд комсомола, нас, большую группу делегатов, в один из дней пригласили в Министерство коммунального хозяйства РСФСР. Спрашивали меня: неужели у вас в Омске совсем не было зелени? Я улыбаюсь: почитайте Достоевского. Когда же омскому комсомолу вручили Почетную грамоту министерства и особенно долго и тепло поздравляли нас, было видно, что это настоящая и высокая оценка вклада комсомольцев, всей молодежи в дело благоустройства и озеленения своего города.

И. ЛИТВИНЧЕВ. Ну что ж, Александр, от души поздравляю вас!

А. РЕВИН. А я поздравляю вас, Иван Федорович! Ведь это и оценка вашего труда, труда всех граждан нашего прекрасного Омска.

и на то, что напряженное положение с жильем в базовых городах в некоторых случаях приводит к тому, что молодой рабочий, еще не имея места в городе, уже живет в вахтовом. Конечно, это относится к несессерным людям, но проблема такая существует.

Вах строится. Вах моделируется. И главное в этой модели, между прочим, что молодой шофер Николай Бурмыга не просто шофер, но и еще — проектировщик и киномеханик на общественных началах. Что оператор Светлана Сыровяткина — секретарь достаточно большой комсомольской организации. Что нефтяник Капинос ломает голову над тем, где разместить волейбольную площадку и как организовать игру в теннис...

Томичи удвоют добчу нефти. Это ближняя перспектива. Существует и дальняя, она связана с разведкой запасов палеозойской нефти.

Сейчас жизнь подготовила людям серьезное испытание. Оно связано с коротким словом: ВАСЮГАН. Это тяжелейшие столетние Васюганские болота, классические трясины Западно-Сибирской низменности. В вертолетное окошко виден мрачный оскал здешней топи: канадский болотоход, транспортируя на себе трактор, провалился, намертво увяз, скособочившись и как бы взывая о помощи... Вызвывать его будут только грядущей зимой, когда болота хоть ненамного скуют мороз.

Нефть легко не дается. Она, будто нарочно, дается трудно: именно в ВасюгANE оконтурены и начинают разрабатываться месторождения Оленье, Первомайское, Озерное, Катыльгинское.

В Оленьем, как и в поселке Васюган, душно, парят болота, тайга не дает

колохнуться воздуху. Прилетевшие со мной два паренька-геодезиста, бойкие и разговорчивые, незамедлительно шагнувшие в тайгу с инструментом, уже через полчаса вернулись в поселок отдышились.

Вахтовый поселок Васюган носит еще одно название — Пионерный, то есть первый на огромном массиве болот. После глотка чистейшей холодной воды из местной скважины начинаешь привыкать к обстановке. И в Оленьем и на Пионерном — размах работ. Гудят моторы, тянут топоры, садится вертолет.

Главное сейчас — протянуть от реки Катыльги лежневку в несколько десятков километров. Об этом сейчас заботятся все, в том числе комсомол области. Будет дорога — будет жизнь, будет нефть.

Деревушка Катыльга — опорный пункт битвы за большую васюганскую нефть.

К берегам ее то и дело пришвартовываются суда с гравием и буровыми станками, с вагончиками для жилья (некоторые изрядно, к сожалению, потрепаны при транспортировке) и трансформаторами — причалов еще нет, но и ждать некогда... На реке навигации! Надо как можно больше успеть завести грузов.

Здесь во всем: в темпе работ, в незавершенности дел — чувствуется Начало. Да, начало освоения... И кажется: нет ли во всем этом запальчивости, неосмотрительности, нет ли лишней суеты? Не забыты ли при ежечасных заботах стратегия, перспектива? Оказывается, нет, не забыты.

Томск. Прохладный вестильюль проектного института. Именно здесь почувствовалось, что к Васюгану подступились давно, продуманно, со смелостью мысли. С огромной заботой о

человеке, которому предстоит черпать васюганскую нефть.

И речь сейчас уже не только о нынешнем Пионерном поселке, деревянном, временном, но и другом вахтовом — еще беспримерном в стране, а может быть, в мире.

Невысокий спокойный человек встретил меня у стендса с броскими буквами: «Даешь томскую нефть!». И буквами поменялись: «Проекты, выданые заказчикам. Заказ № 3404 — вахтовый поселок Васюганской группы месторождений. Первый этап. ГИП (главный инженер проекта) — П. П. Шкуратов, ГАП (главный архитектор проекта) — Новиков В. Р.».

— Здравствуйте. Я начальник архитектурно-планировочной мастерской «Томскгражданпроекта». Рыбаков Валерий Васильевич. Меня просят ознакомить вас с нашей работой.

Читающий эти строки тоже может познакомиться с ней — по изображению макета вахтового поселка Пионерный — постоянного поселка, чья фотография представлена «Смене» институтом. Мне же остается передать рассказ Валерия Васильевича.

— Наши нефтяники добились разрешения на индивидуальный проект постоянного вахтового поселка. В 1975 году у нас в институте был объявлен творческий конкурс архитекторов всех мастерских по созданию такого проекта. Было представлено пять работ. Победителем стала творческая группа Виктора Новикова, где очень много комсомольцев, это Саркисов, Филиппова, Власенко, ставшие лауреатами областного смотра научно-технического творчества молодежи, многие другие. Что же это за проект? Постоянный вахтовый поселок в Васюгане рассчитан на три тысячи чело-

век, ориентирован на нефтедобычу, на продолжительность вахтового периода в 10 дней. Площадь участка — 18 гектаров. Площадь застройки — 27 600 квадратных метров, жилая — 18 тысяч. Исходный материал — кирпич. На макете вы видите восемь жилых блоков, соединенных переходами, видите пятиэтажные здания, каждый блок рассчитан на 375 человек. Проект предусматривает две столовых, кинозал, библиотеку, спортзал, плавательный бассейн. Будут и зимний сад, а также почтовое отделение, комнаты общественных организаций. В 1976 году предложение творческой группы было отработано, а затем показано в Госстрое и предварительно одобрено. Что уже сделано? Проект первого блока со столовой, душевой, раздевалкой, прачечной, вспомогательными службами, с вестибюлем — накопителем необходимого воздуха, инженерными коммуникациями мы передали заказчику.

Далее. И это принципиально в условиях болотного Севера. Здесь планируется аэродром с твердым покрытием, чтобы не только вертолет мог садиться, но и легкий самолет. Базовые для вахт города — Каргасок, Стрежевой, Томск. Как можно было воспринять слова архитектора? Как сказку? Как то, что свершится еще когда-то, в далеком будущем?

Но вот в Катыльге, осматривая грузы, доставленные судами, я заметил на другом берегу реки красные горы кирпича.

— Для чего предназначен кирпич? Ответ прозвучал совсем буднично:

— Для постоянного вахтового поселка. Строители уже нынче приступают к работе. Заказчик, «Томскнефть», торопит...

пять часов вечера Слава Самохин дописал последнюю строчку и с удовольствием закрыл тоненькую папку «дела». «Дело» совершенно плюевое, кончится наверняка миром до суда, а пришлося потратить на него целый день: ехать на место, опрашивать соседей...

В комнату неслышно вошел Коля Бусыгин, исполнявший в последнее время обязанности начальника оперативного отдела вместо болевшего без конца Антипина. Коля спешил и не тратил времени на дипломатию.

— Будь другом, Слава! Прокатись в Озерки, привези мне одну красную девицу: ей в город срочно надо.

— А где не надо?.. С какой стати? Я тебе что?.. У тебя отдел, свои люди.

— Все в разгоне, Слава. Я бы сам слетал, да у тещи день рождения: жена не поверит, что некого было послать... демонстрация, скажет, и больше ничего... Коля искренне огорчился, опустился на стул, задумался... У меня Толстых один остался, но ты же знаешь, как охоч он до женского пола. А девчонка, честно говоря, что надо? — Коля, как мандат при голосовании, поднял перед собой фотографию. — Видал, какая паша!

У Славы сердце остановилось и воздух застрял в горле, потому что на фотографии была Таня Бакланова, его бывшая одноклассница, несколько неестественно снятая «под артистку».

Коля обрадовался произведенному эффекту.

— Ты успеешь на последний автобус... Она тебя встретит, ты выйдешь, возьмешь ее за белые рученки — и назад.

— «Она тебя встретит...» — передразнил его Слава: им овладело какое-то странное возбуждение... Встретит...

— Да нет... — Коля почесал, что дело слажено. — Она точно тебя встретит. Сейчас объясню... В общем, она озерская, работала в Новосибирске продавщицей. Их там накрыли во главе с директором: кого спрятали до суда, кого под расписку. Нашу красавицу тоже отпустили, потому что хватились на допрос, а ее и след простыл. Понятно, запросили нас... Я позвонил в сельсовет — тут, говорят, который день мать дожидает. Мать-то, оказывается, как раз перед этим отпросилась и к ней поехала. Ну вот, эта теперь сидит и только выходит автобус встречать...

Слава взял фотографию, посмотрел на нее и положил в карман.

Таня жила в том же доме, где почта, с обратной стороны, но остановка была рядом, и Таня могла первой увидеть его хоть с остановки, хоть из окна своего дома. А Слава этого не хотел: специально забегал домой переодеваться в штатское. Собрался было в библиотеку к Наде предупредить, что может не успеть проводить ее после работы, но почему-то передумал. Что-то задержало. Ну, не было такого, чтоб вот надо забежать, и все! Это вышло совсем неожиданно. Он даже не ощутил страха потерять ее — такую красивую, стройную, рассудительную. Хотя он давно понял, что лучшей жены ему не найти. Она все знала: как правильно питаться, одеваться, лечить простуды или ушибы. При этом всегда мила, весела: редко что могло испортить ей настроение. Ее не смущало, что Слава милиционер, тем более что сейчас у них и форма приличная и содержание. Слава и сам понимал, что форма новая — это хорошо, зарплату давали — тоже хорошо, но когда Надя говорила об этом, что-то в том было некорочее... Минуя знакомые очертания бани и пригонов, шел по едва приметной тропинке и думал об истории появления в Озерках Таниного отца. Когда Слава приехал сюда учиться в девятом классе, его

Темные окна привычно смотрели на Славу, и он чувствовал, что сейчас она там, хотя в доме и нет света: намерзлась, наверное, на остановке, а теперь сидит у окна, которое выходит на улицу, и ждет, выглядывает автобус.

Слава перешагнул ограду, осторожно потянув за веревочку, поднял щеколду и неслышно вошел в сени. Постучал и, не дожидаясь ответа, дернул дверь на себя. В прихожей, освещенной сумеречным холодным светом, исходившим от снега, он увидел Таню. Она сидела на лавке у стола и, похоже, дремала, положив голову на руки.

— Здрасьте, — сказал Слава неестественным голосом, так, что самому противно стало.

Таня подняла голову, вглядываясь, и, ничуть не удивившись, проговорила:

— А-а, Славка... Ты за мной?

Слава молчал. Он чувствовал себя ужасно растерянным.

— Спасибо, Славка, — сказала Таня, прямо глядя ему в глаза. — Спасибо, что ты приехал, а не кто-то другой.

Слава хотел возразить, что он тут ни при чем, что его послали, так как больше некого было, но вспомнил, что это неправда, не чистая правда, а вратить что-то совсем не хотелось. Вообще ничего не хотелось. И к Тане он ничего не испытывал: ни неприязни, ни радости, что видит ее. Он сидел и думал, что в жизни есть вещи непонятные, нелогичные. Вот он, Слава, таскал в детстве огурцы с чужих грядок, подсолнухи с колхозного поля, даже как-то рыбу из чужих сетей. А чтобы Таня украла что-нибудь — он этого представить не мог и теперь не представлял. Не укладывалось это в голове, хотя по роду службы своей многое уже научился укладывать и раскладывать без особых эмоций. Но по роду службы он знал и другое — иного наивного человека можно так опутать, что он и знать не будет, что давно под статьей ходят.

— Удавиться хотела, — продолжала Таня, — да мать жалко: одна останется на всем свете... Хотя все равно жизнь уже кончилась... и для нее тоже, как только все все узнают... Господи! — вздохнула она. — Какая я все-таки дура! Представляешь? Не захотела извиниться перед каким-то соглядышем студентом. А он оказался практикантом-юристом. Через месяц приходит с официальной проверкой. Директорша наша и так и сяк, а у него уже все написано: кому, сколько и почем. Так она меня чуть не убила, директорша. «Дура», — говорит, — ну, нагрубила, падно — ну, извинись! Язык не отсюнет!»

— Обе вы дуры! — хотел сказать Слава, но промолчал. Но обида поднималась в душе — и он не вытерпел:

— По-вашему, мы только тем и занимаемся, что сводим личные счеты?

— Нет, конечно, — отозвалась Таня. — Ты извини, Слава, я не хотела тебя задеть. Но... но вы тоже люди — разные, конечно. И если случай представится...

— никто бы не воровал, так нас вообще бы не было, — повторил Слава свою любимую фразу. Однажды случайно ее подслушал начальник райдата и с видимым подвохом спросил: «Ты любишь свою работу, Самохин?» — он был со всеми на «ты». «Люблю», — ответил Слава несколько растерянно, так как почувствовал подвох. «А что бы ты делал, если бы никто не воровал?» Слава задумался, первый раз, кажется, и сам же нашел ответ: «Я бы служил в армии». Начальник хмыкнул и молча удалился к себе.

А Таня счла в слово повторила то, что он слышал тысячу раз на допросах.

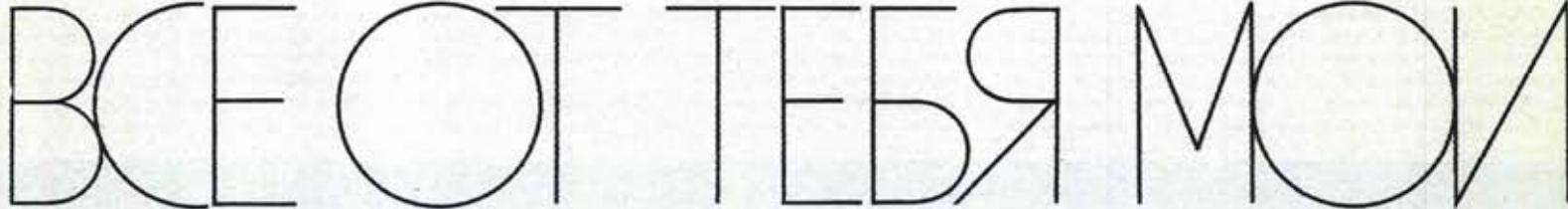
— А кто у нас не ворует?.. Кому красть нечего?

Слава не стал возражать или объяснять, что это обычное оправдание. Он лишь напомнил, зачем приехал.

— Ты бы собиралась, Таня... Автобус придет — мы поедем.

Виктор
СУГЛУБОВ,
Новосибирск

РАССКАЗ

уже не было в живых: умер от старых ран, — но историю его появления здесь знал каждый мальчишка, и каждый повторял ее при случае, как легенду, с небольшими художественными отклонениями. Но какова бы ни была доля неправды в этих рассказах, одно было определенно — это был самый уважаемый человек в деревне. Говорили, что он девять лет прослужил на флоте, был разведчиком, участвовал во всяких десантах, подрывался на минах, тонул, много всякого другого с ним случалось за долгие годы морской службы.

Начальник районного узла связи мичман запаса Трошин так сказал о нем председателю колхоза Ивашикину, которого, говорят, не любил:

— Привез тебе нового заведующего в отделение связи. Черт этот парень появился, не дай бог, чтоб тебе приснилось... Я револьвер должен оставить, сам понимаешь, деньги, ценности, так что тут с ним поосторожнее.

Ему немалых усилий, наверно, стоило держать в себе насмешливую улыбку, когда лицо председателя привычно загорелось от гнева, а потом стало каменно-серым.

— Нарочно мне слышь сюда! — шипел Ивашикин.

Трошин пояснил:

— Хороший парень! Боевой, дисциплинированный. Ну, а дальше кто его знает — в душу ведь не залезешь... Поработает — разберется.

Широко расставив ноги, в тельняшке с засученными рукавами, стоял новый заведующий у низкой гордобы своего казенного дома и смотрел по сторонам — на тихую, изывающую от зноя деревню, на широкий плес, уходивший рукавом в озеро, на матово-зеленую кромку бора по ту сторону воды. Осыдала поднятая трошинской полуторкой пыль, и в этой пыли гнали гусей к озеру молодая, красивая женщина, похожая на индуску. Красавицу эту, вдову из кубанских эвакуированных, Ивашикин еще в войну привез из города вместо умершей в родах учительницы. Она долго и удивленно взирала на непривычную стать невесты откуда взявшегося здесь матроса, но ничего не сказала и не спросила.

В жилой и служебной половинах почтового дома новый заведующий навел флотский порядок и с видимым удовольствием его поддерживал. И, как со временем убедились деревенские, он каждый день свой воспринимал с удовольствием: жара или холод, грязь или пыль — все ему по душе, и все он улыбается. «Ничего», — говорил он мужикам, приходившим пожаловаться на какую-нибудь стихию, — «была бы голова цела».

Вечером лишь иногда можно было заметить на его лице едва уловимую тень — то ли усталости, то ли сожаления о прожитом дне. В такое обычно тихое закатное время он надевал флотскую, сядился с баяном во дворе, и в чистом, отстоявшемся воздухе широко растекались плавные звуки вальса «Амурские волны» или «На солках Мань-Юкурии». Бабы на городских поднимали головы от гряд, замирали и прислушивались, потому что играл он очень душевно.

Каково же было удивление для всей деревни, когда черноволосая учительница пришла однажды на почту и при толпившемся там народе, отдававшись, настойчиво спросила:

— Почтарью меня возьмите?

Отделению требовалась такая единица, но плата была так мала, что никто не соглашался, и заведующий носил почту сам.

На другой день новая «почтарка» уже бегала по деревне с тяжелой дерматиновой сумкой и на все вопросы отвечала: «Похудеть хочу!» А через месяц она насовсем пришла в жилую половину почтового дома и на завистливые смешки мужиков: «Не страшно ли жить с таким бугаевом?» — смеялась, отвечала: «Живу, между прочим, как за генералом».

...Сугубо сухопутная сибирская деревня глубоко уважала бывшего матроса, и это уважение переносило на весь его дом и семью. Слава не помнил, чтобы кто-то где-то говорил о Тане плохо. И Таня жила легко, раскованно и была точно из другого мира. Или так казалось, потому что она всем нравилась.

Старую, низкую городьбу давно не подправляли. Солома на пригоне стигла или провалилась, и голые, иссохшиеся жерди на крыше неровно торчали в разные стороны. Ничего тут не изменилось, только все постарело и выглядело почти убитым. Часто потом бывал в Озерках, Слава ни разу не подходил сюда с этой стороны. Да вот оказалось нечаянно, и защемило под сердцем. Сколько вечеровостоял он вот тут за кустами талины, глядя на окна, ни на что не надеясь и думая только о том, что там, за окнами, она.

Таня заплакала.

— Слава, — говорила она, всхлипывая, — побудь до утра, что тебе стоит. Я приехала к маме, а ее нет: она ко мне уехала. Она должна вернуться, она догадывается, что я дома... Вдруг завтра приедет первый автобус... Я должна ее увидеть, понимаешь?..

— Я на службе, Таня, — мягко объяснил Слава.

— Ты мне простить не можешь... — Голос у Тани зазвенел от злости. — Ты ведь кружил когда-то около этого дома, неровно дышал на меня...

Это была истерика. Таня, все распластавься, выхватывала из памяти самые обидные, самые неприятные моменты его неловкого ухаживания, стараясь побольнее задеть Славу, он же ее почти не слушал: давно научился в таких случаях автоматически отключать сознание, пока человек не устанет. Он понимал, что за три дня сидения в этих стенах у Тани многое всего накопилось и выговорится она не скоро, но время еще было, может быть, даже больше, чем нужно, а так как ускорить он ничего не мог, то ему другого и не оставалось, кроме как ждать.

Но сидеть у порога на голбчике ему надоело. Слава поднялся и, не глядя на Таню, подошел к другому окну у нее за спиной. Из окна была видна часть улицы с парадным крыльцом сельсовета, освещенная электрической лампочкой в плафоне на проволочной сеткой, какие вешают в скотных дворах. На крыльце, на его коротких перилах сидели долговязый, патлатый мальчишка и невысокая, но статная девчонка в болоньевой куртке. Мальчишка что-то рассказывал, а девчонка болтала ногами и, похоже, совсем не слушала.

Слава смотрел на знакомую, убеленную снегом улицу, крыльцо, на котором он не раз стоял, поджидая автобус и поглядывая на Танину окна, и отчего-то невыносимо больно защемило сердце. От обиды, что ли, щемило — оттого, что в природе все ледно и обыднисмо, а у них, у людей, так нескладно и необыднисмо. Любой первоклассник объяснит, почему, например, выпал снег, но никто не объяснит, почему эта женщина, которая сейчас из всех сил старается причинить ему боль, много лет приносит гораздо большие страдания одним своим существованием. И ни логика, ни знания психологии — никакие знания вообще не спасли от этого.

— Таня! — дождавшись паузы, проговорил Слава. — Я здесь почти случайно... Я не знаю, зачем я согласился... Но я не хочу тебе зла сейчас, и ты меня не разозлишь.

Таня заплакала, умолкла, и тишина снова заняла свое место между ними. Таня нарушила ее.

— Прости... Я третий день почти сижу вот так, не сходя, и только тем и жива, что на десять рядов вспоминаю детство. Когда я была маленькой...

Когда Таня была еще совсем маленькой, она любила просыпаться рано. Бывало, откроет глаза ни с того ни с сего, увидит синюю ночь в серебристом промерзшем окне и тут же закроет глаза. Мать размеженно и шумно хлопчет на кухне, а Таня по звукам угадывает каждое ее движение. Вот она наливает воду в чугун. Последняя струйка сбегает со стенок ведра, а чугун не полон, и мать пойдет сейчас в сени и будет пустым ведром разбивать лед в кадке с водой. Потом она долнет чугун до краев, с глухим пристукновением задвинет его в печь и сидет чистить картошку.

В доме становится тихо, только неторопливо хрустит под ножом ядреная картошка и, словно фасолевые стручки лопаются, постrelивают в печи. Теперь хорошо слышно, как в больших мягких валенках ходят за стенкой отец — переносит посылки в сани. Хитрый и злой Карыка уже запряжен. Зная свою длинную и «бронзовую» дорогу, он фыркает и сердито звенит удилами. Но отца он уважает, а может, боится и ведет себя смирино, стоит там, где его оставили посередине двора, не лезет ни к сену, ни к городьбе, которую страшно любят грызть, стоит и ждет, когда отец нальется чаю с горячей пресной лепешкой, выйдет вместе с матерью во двор в тяжелом, с сабачьим воротником тулупе, рухнет в задок саней, сунет под себя кнут, чтобы не потерять, и чистым, прогретым голосом скажет: «Вперед, Карыка. Полный вперед!»

Мать после этого уйдет доить корову, и в доме станет еще тише. Таня тогда посилинее захмурит глаза, вытянется, как может, на своей широкой взрослой постели под стеганым, одеялом, так что перестанет ощущать свое тело, закружится вместе с кроватью и провалится в сон, полный видений о прекрасном принце, спасающем ее от неволи злого Кошца. Принц будет все время разный, и нельзя будет его потом вспомнить, а Кошь один и тот же, очень похожий на объездчика дядьку Степана.

На самом интересном месте она проснется неизвестно отчего, вспомнит, что к возвращению

СТРАДАНИЯ

отца надо сделать уроки и покормить отрубями синичек, которые уже, наверное, слетелись на бревна возле пригона. Можно будет еще сходить на пруд, покататься на санках с крутого берега, но лучше дома подождать отца. Он собирался за соломой и обещал Таня взять ее с собой, чтобы она сама правила Карькой.

Ах, как хорошо ехать по полю, по едва накатанной санной дороге! Все вокруг белое, и Карька от ушей до колпят весь в белом куржаке. Таня в шубейке, в теплых варежках стоит в передке и изо всех сил дергает вожжи, но Карька не слушается и плетется такой ленивой рыбью, что и пешком обогнать можно. Тогда отец делает вид, будто хочет достать из-под себя кнут, и Карька начинает вскидывать задом, переходя на галоп.

Но и галоп его не лучше рыси, только оглоблями стучит громче да задом своим так противно мотает, словно хочет сказать: «Ладно-ладно, я побегу, но удовольствия вам особого не доставлю».

А Таня кажется, что мчаться они невиданно быстро. И кажется, мчанью этому не будет конца. Потому что так хорошо, так все хорошо: и снег, и поле, и мороз, и папка, и мамка, и учительница, и хитрюга Карька — все хорошо!.. И такой восторг охватывает Таня, что она вдруг приседает, прижимает руки к груди и начинает визжать. Карька не выдерживает и резко устремляется вперед, да так, что вот-вот вырвется из оглобель.

Отец, хохоча, обнимает Таню, перехватывает вожжи и пытается сдерживать Карьку, как бы не запалился. Но не так легко теперь это сделать. Карька весь в воспитателей своих — колхозных конюхов — ленивых-преленных, которых сам Ивашин, бывало, на сенокосе не может раскачивать ни угрозами, ни посланиями и которые ни с того ни с сего вдруг как подхватываются перед самым обедом валить прокос за прокосом — и уж ни бригадир, ни приехавшая со стана всегда желанная повариха не могут их остановить.

Таня училась во вторую смену. По улице, залитой белесыми сумерками, она торопилась домой. Дома, как перед праздником, — светло, жарко, прямо и густо пахнет свежими самодельными дрожжами. Таня любит этот запах в доме. А если подойти к самому столу, на котором сущася дрожжи, и подышать подольше и поглубже, то голова начинает сладко-сладко кружиться. Но мать ругала за это: «Иши, пьяница растет».

Как она любила ужинать с отцом и матерью! Как она их любила...

— Боже мой! Неужели все это было?.. Неужели когда-то я любила вставать рано и радоваться, что так рано начинается новый день в жизни... Какая глупая и счастливая была пора! — Таня повернулась к окну, потерлась лбом о чистое запотевшее стекло. — Какой снег выпал... настоящий снег.

А за окном уже ночь, небо в непроглядных тучах, сквозь них едва-едва просвечивает луна. Но все видно: улицу, дома, пристройки — они лишь слегка размыты первозданной белизной снега.

Издалека чуть слышно доносится вой автомобильного мотора. Он все возрастал, и к нему понемногу примешивалось характерное дребезжащее старого автобуса. Таня отодвинулась от окна, а стала и в нерешительности глядела на Славу. Он сказал, не обращаясь:

— Сиди, Таня, завтра поедем.

Автобус проехал, развернулся и остановился почти у Таниных окон. Откуда-то появились обрадованные пассажиры и торопливо полезли внутрь через плохо открытые двери. Последней ворхнула девочка в болоньевую куртку, махнув на прощание долговязому парнишке. Парнишка тоже ей махнул и тут же сунул руки в карманы, всем своим видом выражая невозмутимость. Когда автобус тронулся, он долго провожал его взглядом, потом повернулся и медленно пошел другой стороной.

— Ты, наверное, есть хочешь? — спросила Таня.

— Не отказалась бы.

— Я картошки пожарю... — Она задернула занавески, включила свет и вытащила из-под лавки ведро с картошкой. — А ты пока печь растопи.

Слава мельком огляделся, избегая прямого взгляда на Таню. Ничего тут не изменилось за много лет — все так же просто, чисто и уютно. А он с детства любил этот деревенский уют с большой, но аккуратной сбитой глиняной печью в прихожей и приткнутой скобу маленькой печкой с плитой: любой ребенок в доме может легко ее растопить. Крашеные лавки, столы, шкафы — все это было привычно ему и казалось красивым своей целесообразностью.

Он нашел топор с поломанным топорищем, наколол щепы, и через несколько минут печь уже гудела и стреляла.

Печная дверца и плита быстро нагрелись, и от них потекло живое тепло. Слава прильнул и свалил набок небольшую скамейку, сел на нее и стал смотреть на огонь за раскалывшейся, малиновой дверцей, беспрестанно вспыхивавшей маленькими яркими точечками: наверно, это сторали от прикосновения с ней невидимые пыльники.

Присев на корточки у ведра, Таня как-то очень по-домашнему и очень грациозно чистила картошку. Слава искося поглядывал на нее, и снова щемило сердце от тихой обиды, что она не жена его и никогда ею не будет — теперь уж наверняка. Он вздохнул и уныло спросил:

— Как ты попала в эту систему?
— В торговлю, что ли? — не отрываясь от дела, переспросила Таня.
— Нет... То есть... Ну да, в торговлю — из-под прилавка.
— Постепенно... — Таня усмехнулась. — Хотя мы и не занимались этим — продавцы, я имею в виду... Мы должны были только помалкивать, в случае чего дружно и убедительно, цифрами подтверждать, что дефектура была реализована как положено...
— Пересортацией баловались...
— Тоже... Ну, в общем, директорша занималась всей этой бухгалтерией, сводила там на бумаге...
— Но и вы с этого имели?
— Да, — не сразу ответила Таня.
— Много?
— Это уже допрос?
— Нет, конечно... Просто любопытство.
— Ну... Кому как покажется... Директорша говорит, достаточно, чтобы всех нас отправить в «женский монастырь», она так называет.
— Понятно, — сказал Слава.

Таня помыла картошку, принялась ее резать, одновременно рассказывая:

— Я поступала в театральные, ты знаешь, но меня отселили на первом курсе. Домой не поехала: стыдно. Пошла в торговлю из-за прописки. Можно было на стройку — там тоже прописывали... Но не пошла — испугалась грязной работы. Ну, и потом матери помогала: конверты, марки продавала, билеты лотерейные — дело вроде знакомое... Думала, год какой-нибудь... А посмотрела, как люди живут, как одеваются, и пошло: то надо, другое надо. Связи нужны — бланк попросту. Ну и деньги тоже, без денег и по бланту не купишь... — Таня говорила неторопливо, с остановками и, кажется, хотела, чтобы Слава перебил ее, спросил, чтобы хотя как-то выразил свое отношение. Но Слава молчал и почти не слушал ее исповедь, мало чем отличавшуюся от многих уже слышанных им. Он уже знал примерно, что будет дальше, и знал, что независимо от деталей кончит тем, что все будут виноваты, кроме нее... — Позадеяла в долги, — продолжала Таня, — у матери просить стыдно. Думаю, ладно, еще где-то прибирахлюсь немного, с долгами рассчитаюсь. Перешла в другой магазин, переманила начальницу: премии обещала ежеквартально. Ну, я поняла скоро, что это за премии. Да, думаю, ладно, до лета как-нибудь дотяну, а там уволюсь...

Слава угрюмо наблюдал, как Таня налила масла в сковородку, навалила туда картошку, посолила, помешала ее. Он смотрел и думал: почему она стала такой? Как она к этому пришла? Его давно уже мучил вопрос: почему они к этому приходят? Часто неглупые, ничем от природы не обиженные люди? Но думать над этим всегда мешала конкретность очередного дела: он должен был выявить конкретные причины и связи, которых всегда невероятное множество. И может быть, потому, что сейчас этой задачи не стояло, он начал кое-что понимать.

Картошка быстро изжарилась, и они молча поужинали.

А впереди еще был длинный вечер и длинная ночь.
— Что-то уж очень тоскливо, — сказала Таня с усмешкой. — Я хоть и преступница, но все-таки женщина! Ты меня развлекай.

— У вас была радио, — вспомнил Слава. — Цела она, нет?
— Что? Включить?
— А пластинки остались? Те еще?
— Какие? — спросила Таня и тут же догадалась: — Посмотри сам. Там они все. Двери между кухней и комнатой не было: только дверной проем, завешанный старыми плюшевыми шторами. Не зажигая света — его достаточно попадало из кухни. — Слава одну за другой перебирал толстые и тяжелые пластинки в протертых конвертах и никак не мог остановиться на чем-то: он точно листал старую, любимую в детстве книгу — взял, чтобы найти запомнившееся место, да и увлекся, потому что каждая страница оказалась на памяти, и каждая вызывала приятные, хотя и несвязанные, полузабытые ощущения. И когда простенький, но невероятно трогательный голос Великановой запел:

Ты на прощанье мне сказал «до завтра»,
Я помахала вслед тебе рукой...

Слава точно оцепенел и не пошевелился, пока пластинка не зашипела и не остановилась. Он поставил «Осенние листья», «В тихом городе своем», «Киевский вальс». Все эти старые, бесхитростные мелодии с такими простыми и близкими словами были попеременно самыми любимыми в доме у сестры, и пластинки с ними очень скоро заигрывались до шипа, за которым

уж ничего нельзя было разобрать. Позже, на школьных вечерах, звучали другие мелодии, побойчее, и слова были другие: все больше про лунные и звездные пути, про чужие галактики, но теперь трогали душу почему-то те, старые.

— Ну хватит, Слава! — попожалобно-полунасточайчиво сказала Таня, появившись в дверном проеме. — Что-нибудь другое... Там долголграющие, я привозила.

Слава молча переключил обороты, поставил наугад небольшую мягкую пластинку и, как бы освобождая угол с радиолой для Тани, отступил к окну. Из окна этого далеко видна была пустынная улица, уходящая в туман ясными огнями окон и высвеченными возле них ближайшими палисадниками с голыми прутьями малины и кустами смородины, в которых, точно ватные, застягли маленькие комочки снега.

Ты, лишь только ты
умеешь годы возвращать, —
нижко и ровно заговорил женский голос под современный аккомпанемент.

...ты, лишь только ты
мне принесешь весну опять!

Ты, лишь только ты

тревожный сердца слышишь стук.

Ты, лишь ты

стоять в конце моих разлук...

И продолжал взволнованно, будто читал мысли и чувства Славы:

Все от тебя моя страдания,

когда не слышу голос твой.

Все от тебя морозы ранние

и все туманы над рекой.

Все от тебя вспышки горения,

в зеленом пламени трава.

Все от тебя лучи весенние

и в сердце добрые слова...

Слава стоял, слушал и чуть не плакал: так разбредили его эти слова и музыка на манер старого танго, и так это похоже было на то, что он испытывал все эти годы. Но Таня вдруг быстро шагнула к радиоле, и песня с хрипом оборвалась.

— Хватит! — сказала Таня. — Я хочу спать... Я тебе на кухне постелью... Где будешь — на голубчике или на печи?

Он лег на голубчике. На печи высоко и долго еще будет жарко от неостывшей плиты.

Трудные мысли ворочались в голове у Славы. Он все думал над тем, как она к этому пришла. Почему они к этому приходят? Теряют веру в людей, в добро... А была она у них, эта вера? У Тани, например? Настоящая вера — она в трудностях рождается. А Таня со своими трудностями не справилась и веры своей — настоящей, взрослой — не обрела. Взросление — это обретение веры, сколько бы это ни продолжалось. Без этого нельзя... без этого человек разлагается... и отправляет жизнь другим. Слава, сколько он помнит себя, никогда не было легко... И сейчас — повидела бы она столько, сколько ему приходится видеть, так никакой бы, кажется, веры не хватило. А надо, надо верить, что это неично, а так бы и суетиться не к чему...

Прошел час или два. Таня у себя в комнате пошутила постелью и, покоже, встала. Слава насторожился, прикрыл веки и привыкли к темноте глазами проследил, как Таня в едва надетом халатике промелькнула в полуутрате от его головы и выскользнула за дверь.

Слава поднялся, мигом надернул брюки — и на секунду замер. Это был один из тех цекотливых и неприятных моментов, каких порядочно в его работе. Если Таня задумала что-то и он проследит, помешает ей, то выйдет нормальная служебная предусмотрительность: а если нет — получится гадость.

Но он не провидец — и, значит, должен идти.

Ему повезло: Таня бросила наружную дверь открытой, и Слава мог следить из темноты сеней, оставшись незамеченным.

Так они и морзли: Таня во дворе, у городьбы, но у нее хоть что-то вроде галош на ногах, а Слава босиком, на холодном полу.

Поискал глазами, он обнаружил в углу какие-то сапоги. Они были старые, грязные и так малы, что стоять пришлось на цыпочках. И стоять долго: Таня плакала, а Слава ждал и не знал, что предпринять. Потом решился и неудобной, дамской походкой пошел через двор.

— Хватит, Таня! Пойдем! — сказал он как можно мягче.

Таня повернулась к нему и вдруг, точно падая, схватила его за плечи, прижалась дрожащим телом.

— Слава!.. Слава!.. — проговорила она и громче заплакала. — Ты крепкий, настоящий... Ты любил меня, я знаю... Я, конечно, дура набитая!.. Красота нас, баб, губит... Но ведь мы не чужие, Слава! Меня, наверное, посадят... А ты мог бы потом жениться на мне? Или не положено тебе... на такой. Мог бы, а?..

Слава обнял ее, гладил ее плечи, шершавые от холода руки. Он забыл про холод, про тесные сапоги, про ночь, про то, где он и зачем он здесь. И если бы какая-то самая смертельная опасность угрожала ему сейчас, он бы не шелохнулся, не тронул даже с места.

Но у Тани зуб на зуб не попадал, и Слава очнулся, повел ее в дом. Он хотел оставаться в кухне, но Таня его не отпустила. Он нашел какие-то теплые вещи, накинул на Таню и на себя. Потом они сидели, тесно прижавшись друг к другу.

— Ты же часто был в Новосибирске, — унимая дрожь в голосе, проговорила Таня. — Почему ты не пришел ни разу? Ты же знал, где я работаю.

— Но ведь ты знала, где я живу... и работаю.

— Ты мужчина... Ты, наверное, гордый? Да?

— Не знаю... Не мог... Я все про тебя знал, какая ты приезжала — красивая, модная. Тут потом неделями говорили о тебе.

— Если бы ты был со мной, рядом, ничего бы, может быть, не случилось...

Слава не ответил. Он подавленно думал о том, что эта ночь скоро кончится и вместе с утром наступит то, чего нельзя уже изменить. Странно подумать, как они встанут, оденутся и пойдут к автобусу. Странно подумать, что она будет сидеть рядом со всякой шланкой. Там-то, в колонии, все же не так: научат шить какие-нибудь палатки или рукавицы, жить будет в доме, похожем на общежитие, только что за забором... Но одно все-таки можно изменить: уйти очень рано, затемно и встретить автобус в лесхозе. Если там окажется мать — будет лучше: в чужой

деревне. И ему будет легче со своей обязанностью, не так больно... Странно все же устроена жизнь, если вдуматься. Вот обязанность — что это такое? Перед кем? Перед чем?.. Перед Колей Бусыгиным? Перед людьми? Перед законом?.. Или перед собой? Но почему и откуда она взялась? И почему она сильней всех его мучений?

— Мне теперь ничего не страшно — ни суд, ни тюрьма, — успокоенно говорила Таня. — Лишь бы ты не забыл и не бросил меня потом. Мы так будем жить потом, что все позавидуют.

— Ты поспи... Попробуй немного поспать.

— Я и так уже почти сплю... Но мама... Господи! Как она все это переживает... Она умолкла, слезы подступили ей к горлу. — Какая же я дрянь!

Она долго и тихо плакала. Потом все-таки уснула со слезами на щеках. И Слава, кажется, задремал. Но только так, краешком глаза, потому что сразу услышал, как кто-то прошел задами на парных санях. Пустые, видимо, сани шли легко: только чуть погромыхивали вальки и крахмально скрипел снег под полозьями. Кто-то, наверно, решил пораньше, по первопутку стоять за сеном, чтобы до солнышка обернуться, пока первый, ненадежный снег не растаял... Но не исключено, что он и сопрят чье-нибудь сено. Привезет затемно, в утром снегок растает — и никаких следов, ищи потом свидетельства. Слава посмотрел на часы: без четверти четыре. Если поступит жалоба, легко будет выяснить, кто и для чего брал коней в такую рань.

Пора было вставать, чтобы часам к семи не спеша дойти до лесхоза. И если автобус пойдет в Озерки, они могут не ждать его, уехать на любой попутной машине. Так будет лучше даже, потому что в автобус насыщают много озерских, да попадется еще кто-нибудь из знакомых — начнутся дотошные деревенские расспросы, от которых и глухонемой разговорится.

Снова защемила сердце привычная боль, отступившая было на время. Слава медленно и неслышно одевался на кухне, а боли саднила и жила как сама по себе. И одновременно где-то в сознании или в подсознании жили то слова Коли Бусыгина: "...возмеш ее за белы рученки и назад...", то голос певицы, бархатно выговаривающей: "Все от тебя мои страдания..." И от этого так хотелось плакать, как в детстве от непонятной обиды.

В глубокой, все поглотившей тишине лишь доносились из комнаты ровное Танино дыхание. Она спала так, как спится, наверное, только дома, и, может быть, снится ей, как она маленькая девочка ясным, морозным вечером возвращается из школы, громко перекликаясь с подружками. Звонко скрипит снег под ногами, звонко разносятся их голоса — и так хорошо и совсем не холодно оттого, что дома тепло и чисто, как перед праздником, и мать с отцом не садятся ужинать, ждут ее и от нечего делать обсуждают последние деревенские новости...

Ровно в четыре он подошел и тронул Таню за плечо. Таня проснулась, глянула на него непонимающе.

— Почему?.. Еще же так рано.

Слава объяснил.

— Конечно, так будет лучше, — согласилась Таня. — Выди, пожалуйста, я оденусь. — И через минуту спросила: — А кто же корову подоит и поросенка накормит?.. Соседка на меня понадеялась.

— Напиши записку — оставим ее в двери, когда пойдем.

За ночь еще подсыпало снегу. Матово-синий, он склегка искрился при свете открывшейся между белесыми облаками луны, и на него болезненно было ступать — немного болезненно и приятно. Они шли мимо темных домов и молчали. И всю дорогу почти до лесхоза они промолчали. Перед тем, что неотвратимо надвигалось впереди, все слова казались ненужными и фальшивыми.

Получилось, как Слава предвидел: автобус пошел в Озерки по приморозку, но Таниной матери в нем не было... они уехали на попутной машине. Таня совершенно расстроилась, не зная, что и подумать. Ей казалось, что мать, не застав ее в городе, сразу догадалась, где она, и вернется или позвонит хотя бы из любого почтового отделения: это ведь так просто. Но Слава понял и тихо, чтобы никто не слышал, объяснил Тане, что мать, узнав о случившемся с нею, побежала скорее всего в милицию. А там ее тоже хватились — и она подумала самое страшное, что ее и в живых уже нет. А когда Коля Бусыгин нашел ее вчера по телефону и получил указание доставить немедленно, мать уж никуда не поехала.

В половине девятого Слава появился в отделе. Коля Бусыгин обрадовался ему, как родному. Он уже полчаса томился, не зная, докладывать начальству или еще подождать. Он уже позвонил в сельсовет, в Озерки, узнал, что автобус вечерний был, но совершенно пустой и никакого Самохина там никто не видел ни вчера, ни сегодня, тем более что у председателя гостила дочка из города и он сам провожал ее сегодня на утренний автобус.

Коля ходил по комнате, рассказывал и облегченно улыбался. Потом подошел и провел рукой у Славы за спиной.

Слава не понял, хмуро посмотрел на него.

— Ты чего?

— Да я подумал: может, ты этот — Карлсон, который с пропеллером... — И расхохотался, страшно довольный собой. — Надо твою видел вчера возле библиотеки: очень об тебе волновалась. Ждала, наверно, долго.

— Я пойду, послушаю часа три: после обеда буду, если кто спросит.

— Иди-ди, я скажу, — подтвердил Коля; помыкал что-то себе под нос и весело и фальшиво запел: «Все от тебя мои страдания».

Слава оглянулся в дверях и посмотрел на него так, что Коля смущился; он очень любил петь, в все над этим посыпались, потому что со слухом у Коли было неважно.

Жена пластиинку привезла из города... Путевая пасынка.

Слава ничего не сказал и вышел.

Через час Таня увела, а недели через три состоялся суд. Директора и двух ее близайших сподвижниц отправили в колонию, а Тане присудили два года условно с выплатой в пользу государства около семисот рублей. Мать после суда вернулась в Озерки, продала все, что можно, и уехала на родину свою, Кубань, вместе с Таней.

Выяснить их адрес не представляло особой сложности, но Слава так не хотел: навязывать себя не хотел. Если нужен будет — Таня его позовет. А не позовет — так и носить ему свою боль.

Он осунулся, поскучнел, перестал ходить в библиотеку. Это заметили, начали приставать с расспросами. А Слава отмачивался. Но тут Надя неожиданно для всех вышла замуж за школьного физкультурника — и все стало понятно. Так что Коля Бусыгин с подчеркнутой проницательностью сказал однажды в большом кругу:

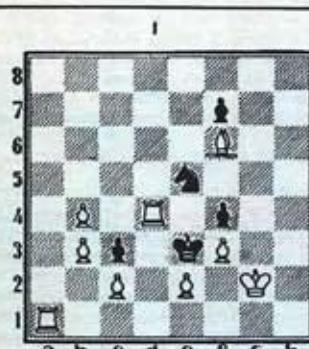
— Проворонил девку, молчун!

И все с ним согласились, потому что таких девушек, как Надя, в райцентре было немного.

ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ | Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЬ ШАХМАТЬ |

ЧЕТВЕРЫЙ ТУР

Мат в три хода (3 очка.)

Во сколько ходов белые быстрее всего дают мат? (3 очка.)

Ход белых. Каким образом они могут уйти от поражения? (4 очка.)

Шахматный текст решения давайте в сокращенной нотации. Свои варианты и примечания — с красной строкой. Почтовые карточки с ответами на четвертый тур нужно посыпать в адрес «Смены» в период с 16 по 25 сентября 1978 года.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.07.78. Подписано к печати 17.07.78. А 09098. Формат 70 × 108/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60. Уч.-изд. л. 11.55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 1785. Заказ № 2480. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды». 24.

28

Стихи Александра КУХНО.
Музыка Бориса МУРАШКИНА.

Два сибиряка—поэт Александр Кухно и Борис Мурашкин были связны тесной творческой дружбой. Ряд стихов известного сибирского лирико положен на музыку и широко исполняется в Сибири. В начале нынешнего года Александр Кухно умер... Мы печатаем в этом номере одну из песен А. Кухно и Б. Мурашкина.

река молчания

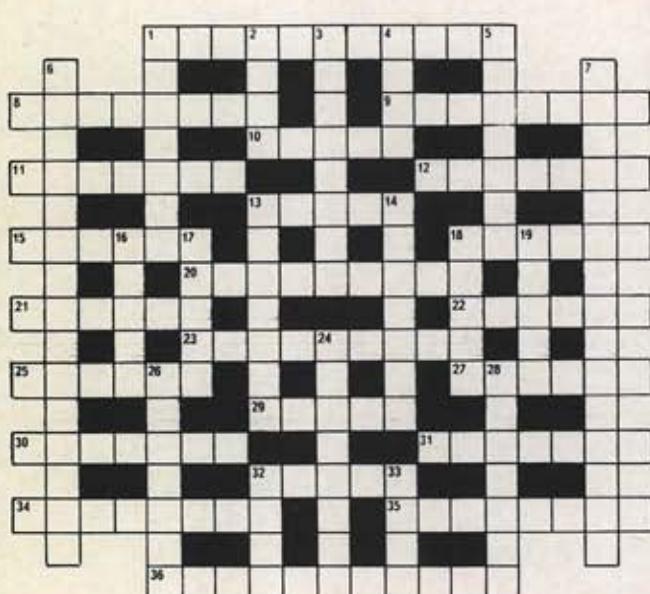
Я все забыл... Но временами
Я помню тот далекий час,
Когда впервые между нами
Река Молчания пролилась.
Безумством, радостью,
Отчаяньем—
Как хочешь это назови.
Она текла, река Молчания—
Признанье первое любви.
Она текла, река Молчания—
Признанье первое любви.

Слова неверные, случайные,
Обиды тяжкие не раз
Тонули в ней... Река Молчания
Текла, не разделяя нас.
Вот и сейчас—ни слов признания
И примиренья нет сейчас.

Но вновь и вновь река Молчания
Течет, соединяя нас.
Но вновь и вновь река Молчания
Течет, соединяя нас.

Я все забыл... Но временами
Я помню тот далекий час,
Когда впервые между нами
Река Молчания пролилась.
Как будто нет над ней ни облака,
Ни холодка, ни ветерка.
И ты идешь со мною об руку.
Течет Молчания река.
И ты идешь со мною об руку.
Течет Молчания река...
Течет Молчания река...
Течет Молчания река...

Составил В. НЕБОГАТИКОВ,
Тюмень

По горизонтали:

- Положительное качество. 8.
- Порт в Австралии. 9. Терапевт, академик, Герой Социалистического Труда. 10. Электронная лампа. 11. Писатель, лауреат Ленинской премии. 12. Наиболее яркая звезда в созвездии Возничего. 13. Марка советского легкового автомобиля. 15. Русский флотоводец, в честь которого учреждены советский орден и медаль. 18. Вид фасоли, выращиваемый в Азии и Америке. 20. Крокодил. 21. Углеводород, применяемый в производстве пластмасс. 22. Кормовое бобовое растение, ценный медонос. 23. Русский писатель. 25. Промысловая рыба семейства карповых. 27. Мягкий металл. 29. Струнный щипковый инструмент. 30. Наука о развитии человеческого общества. 31. Курорт в Челябинской области. 32. Певица, народная артистка СССР. 34. Итальянский физик и химик XVIII—XIX веков. 35. Способ художественной обработки кожи, металла. 36. Народный артист СССР, режиссер, лауреат Ленинской премии.

По вертикали:

- Командарм, первый председатель Центробалта в 1917 году.
- Парусиновый навес для защиты от солнца, дождя. 3. Специалист, изучающий рыб. 4. Французская писательница XIX века. 5. Врач. 6. Один из основных принципов современного международного права. 7. Процесс объединения крестьян в кооперативные социалистические хозяйства. 13. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 14. Часть радиостанции. 16. Единица веса драгоценных камней. 17. Город в Латвии. 18. Приток Терека. 19. Советская футбольная команда. 24. Текст оперы, оперетты. 26. Разновидность, видоизменение в проекте, плане. 28. Советский летчик-космонавт. 32. Вид спорта. 33. Картина Б. М. Кустодиева.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 15

По горизонтали:

- Баскетбол. 8. «Калинка». 9. Ледоруб. 10. Шарх. 12. Вена. 14. Образцова. 17. Матейко. 19. «Соловей». 20. Гагарин. 21. Бабадаг. 23. Фарандола. 27. Урал. 28. Крым. 30. Вилает. 31. Насечка. 32. «Африканка».

По вертикали:

- Веронезе. 2. Банджо. 3. Стайер. 4. Болеро. 5. Лядова. 6. Марш. 7. Куба. 11. Ахмаднагар. 13. Нидерланды. 15. Байдарка. 16. Волейбол. 18. Оман. 19. Серб. 22. Индианка. 23. Флейта. 24. Рихтер. 25. Ошанин. 26. Акоста. 27. Улит. 29. Мука.

"Здесь слово певца и в чести и в доверью"

Поэзия народов
Западной Сибири

Василий ЛЕДКОВ

С ненецкого

Пусть солнце взойдет,
Землю жаром напоит,
Пусть ливень падет
На иссохшее поле.

Продлесь, жизнь зверя,
И букашки, и птицы,—
Ведь им же не зря
В мир дано появиться.

Здесь свищет тынзей
И летит без промашки,
И в чумы друзей
Резво мчатся упряжки.

Здесь настежь сердца
Открывают и двери,
Здесь слово певца
И в чести и в доверии.

Пусть—в полную грудь,
Так, чтоб звезды светлели,
Чтоб рыбы взглянули
На певца захотели.

Чтоб в небо взились
Птичи вольные стаи,
И ринулись ввысь,
И до солнца достали.

Неси меня вдаль,
Неба синего парус,
Чтоб песня вам в дар,
Люди тунды, осталась.

Перевела Майя БОРИСОВА.

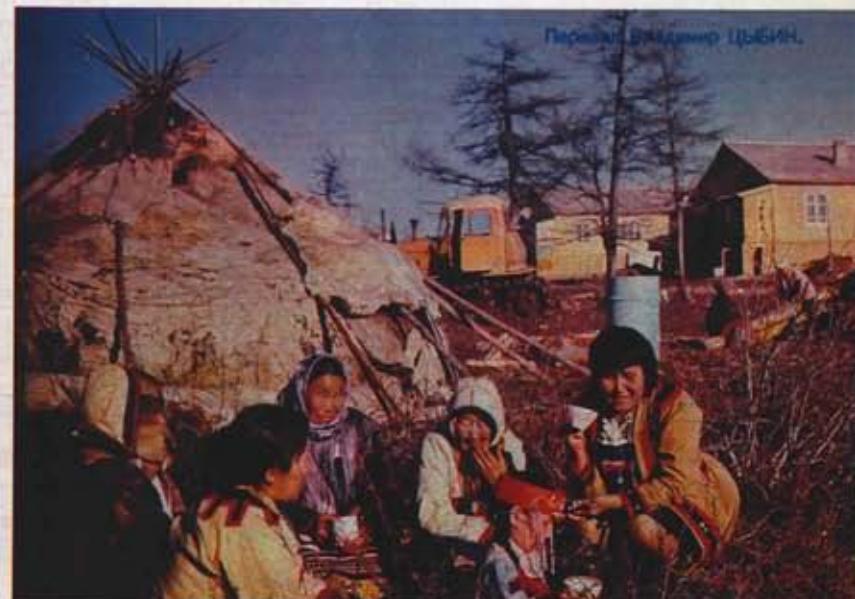
Юван ШЕСТАЛОВ

С мансийского

Одна всего забота у меня,
Баюкаю одной мечты начало,
Чтоб доблесть мне была бы,
Как родня,
Чтоб мудрость на пути меня встречала,
Чтоб сердце пело песни,
Чтобы пел
Я о любви любимых, как доселе,
Чтоб ясность сердца и ума сумел
Я сохранить на жизненном веселье
И в громе туч,
И средь снегов, в тиши,
Улыбках женщин, солнечных и ясных,

Когда мне люди дарят от души
Слова свои,
Созвучий рой согласный,
Когда стране
Нужны мои слова
И я окутан вдруг нежданной славой,
Как сохранить мне ясность и права
На доблесть,
Чтобы не был стих забавой?
Высокое, большое небо дня,
Путь облаков, не знающих причала.
Одна всего забота у меня—
Баюкаю одной мечты начало...

Перевод Владимир ЦЫБИН.

Борис УКАЧИН

С алтайского

После первого снега

Вдруг стал светлее белый свет—
Под утро выпал первый снег.
Дышать легко. И чуткий слух
Свободно ловит каждый звук.
Белее хлопка снег лежит.
Глаза усталые слепят.
Оттуда я к мечте шагал
За перевалом перевал.
И в чистый снег легли следы—

Счастливый след и след беды.
— Жизнь не разменивай зазра!
Учили верные друзья.
— В твоих руках судьба твоя.—
Твердила матушка-земля.
Мой путь в себе запечатлен
Гряду побед и славных дел...
Мой первый снег, как белый лист,
Все так же свеж и так же чист.

Перевел Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ.

Валентина КУДРЯВЦЕВА

С селькупского

Пескари

У рыбака золотой обласок,
А в обласке золотой туесок,
А в туеске полно пескарей—
Им бы опять в глубину поскорей.

Золотом льются атласные спины,
Будто на них золотые лучины.
К берегу мчит золотой обласок,
Прыгают рыбы на мокрый песок.

Ищет их всюду вихрастый рыбак,
Думает, кто подшутил над ним так.
Слушай, рыбак, в глубину посмотря,
Видишь, гоплыши твои пескари.

Перевела автор.